

Игрушки и детские игры у таджиков и узбеков

(по материалам 1924—1935 гг.)

Е. М. Пещерева

Детская игрушка таджиков и узбеков мало изучена. Специальных работ, посвященных игрушке, нет, и лишь немногие авторы, писавшие о Средней Азии, упоминают об игрушке и игре с ней.¹

Коллекции среднеазиатских игрушек имеются в ряде музеев Советского Союза, прежде всего в Музее антропологии и этнографии Академии Наук СССР. В нем очень хорошо представлена игрушка горных таджиков верховьев р. Зарафшана, припамирских таджиков, а также игрушка городского населения Средней Азии (узбеков и таджиков).

Государственный Музей этнографии народов СССР (Ленинград) имеет небольшую, но интересную коллекцию кукол и мячей из Кучара (Восточный Туркестан).

Из среднеазиатских музеев имеет игрушки в составе своих коллекций Музей истории культуры узбекского народа в Самарканде. Богатая коллекция игрушек горных и припамирских таджиков и городского населения Средней Азии, собранная автором настоящей работы и принадлежавшая бывш. Главному среднеазиатскому музею в Ташкенте, очень пострадала при неоднократных передачах ее разным учреждениям. В настоящее время оставшаяся часть этой коллекции находится в Областном дошкольном кабинете в Ташкенте.

Материалы для настоящей работы собирались в течение ряда лет, главным образом за период начиная с 1924 г. и кончая 1935 г. Изучению подвергалась как игрушка горных таджиков, населяющих центральную и юго-восточную часть современного Таджикистана (районы верховьев р. Зарафшана, долина Ягноба, бассейн р. Сурхоба (Каратегин), долина р. Ванча, припамирские районы (Язгулем, Рушан), а также верхняя часть долины р. Ях-Су), так и игрушка ряда городов и окружающих их сельских районов, равнинных частей Средней Азии (Ташкент, Самарканд, Ура-Тюбе, Исфара и др.).

¹ В. и М. Наливкины. Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы. Казань, 1886, стр. 183—185, 189, 192. — Н. С. Лыкошин. Полжизни в Туркестане. Пгр., 1917, стр. 359—361. — А. К. Боровков. Игры узбекских детей. Сборн. научн. кружка при Восточн. фак. Среднеазиатск. Гос. унив., вып. 1, Ташкент, 1928, стр. 35, 37, 41. — Е. М. Пещерева. Гончарное производство у горных таджиков. Изв. Среднеазиатск. географ. общ., т. XIX, Ташкент, 1929, стр. 33. — E. Schuyler. Turkistan, notes of a journey in Russian Turkistan, Khokand, Bukhara and Kuldja, I. London, 1876. — A. V. Le Coq. Volkskundliches aus Ost-Turkistan. Berlin, 1916 (приводится большое количество рисунков).

ИГРУШКИ И ИГРЫ ДЕТЕЙ У ГОРНЫХ ТАДЖИКОВ

Население горной части Таджикистана располагается по долинам Алайской и Памиро-Дарвазской горных систем, часто отделенных друг от друга высокими горными хребтами с труднодоступными, даже летом, снеговыми и ледниковыми перевалами. Во многих местах перевалы по несколько месяцев в году становятся непроходимыми и отдельные горные районы почти совсем разобщаются друг с другом.

До революции основными занятиями населения были земледелие, садоводство и скотоводство, с преимущественным разведением коз и овец. Повсюду существовали домашние промыслы, господствовала полунатуральная система хозяйства и деньги почти отсутствовали в обращении.

Низкий уровень техники, малоземелье, поборы правителей — все это создавало очень тяжелые условия жизни и местами не давало возможности просуществовать таджикской семье своим хозяйством целый год. В Ягнобе, например, мужчины уходили в города на заработки иногда хотя бы для того, чтобы избавить семью от лишних ртов. Дома оставались только женщины, дети и старики.

Летом, почти как правило, женщины с детьми поднимались со скотом в горы и жили там во временных жилищах, возвращаясь в селение или ко времени сбора фруктов, или, если у них садов не было, только тогда, когда бывал убран хлеб на полях внутри селения и вокруг него.

Суровые жизненные условия заставляли таджиков напрягать все силы для поддержания своего существования, и все трудоспособные члены семьи должны были постоянно упорно и много работать. Мужчины занимались полевыми работами, поддержанием оросительной системы, заготовкой древесного топлива, зимнего корма для скота и т. д. На долю женщины, кроме работы по дому, ложились заботы о скоте и огороде. Она же заготавливала на зиму молочные продукты, сушила фрукты, собирала и заготавливала дикорастущие съедобные растения.

Дети также принимали участие в этих работах и с десяти-двенадцатилетнего возраста являлись уже серьезными помощниками в доме.

Ранние браки и тяжелые бытовые и гигиенические условия, в которых жил народ, давали в результате невысокую рождаемость и огромный процент детской смертности, особенно в раннем возрасте.

Вероятно, это обстоятельство отчасти и вызвало старательное оберегание ребенка от «злых сил», которым приписывалась детская смертность и которым ребенок как слабое, незащищенное существо не мог сам противостоять.

Рождению ребенка родители таджики всегда очень радуются, и хотя вообще и отдается предпочтение сыну, но часто, если в семье нет девочек, появление девочки на свет отмечается семейным праздником так же, как и рождение мальчика.

Отношение к детям очень мягкое, их часто балуют, особенно самых младших в семье, девочек или мальчиков безразлично.

До четырех-пятилетнего возраста, говоря о детях, их называют общим словом *кудак*/*гудак* — «дитя», «ребенок» и почти не делают различия в costume. В большинстве горных мест маленькие девочки и мальчики раньше одинаково бывали одеты в одну только рубаху. Позже их уже обозначают по полу, называя *бача*, *псар* — мальчиков и *духтар* — девочек. На девочек раньше надевают штанишки и вообще одевают их более нарядно, а мальчуганы продолжают ходить в одной рубахе еще долго, раньше они иногда так ходили лет до десяти.

Особых различий в жизни самых маленьких ребятшек, в их игрушках и играх не наблюдается, а затем постепенно пути их начинают расходиться: мальчики начинают больше держаться отца и вообще мужчин, а девочки матери. Девочка начинает постепенно входить в домашнее хозяйство, а мальчик — в сельскохозяйственные работы.

Игрушки и игры мальчиков и девочек годам к шести уже сильно разнятся, но все же они часто играют вместе, и их совместные игры как раз в этот период их жизни наиболее интересны, так как здесь, в маленьком зеркале детского мирка ясно отражается весь хозяйственный уклад, семейные и часто социальные отношения, так же как и старые верования, ушедшие уже из жизни взрослых.

Дальше с возрастом мальчики и девочки все больше расходятся: мальчики переходят от полузабавы-полуроботы к настоящему делу, сохраняя игру без игрушек и спортивные игры и пронося их через всю юность. Девочки раньше прекращают играть в игры без игрушек, но играют в куклы часто до выхода замуж, а иногда и до рождения первого ребенка. Мне приходилось наблюдать в 1925 г. в долине р. Варзоб, как играли в куклы совершенно взрослые девушки, которым было пятнадцать-шестнадцать лет. У них было много кукол, очень хорошо сделанных и тщательно одетых, и полное кукольное хозяйство.

Дети всегда встречают со стороны взрослых не только снисходительное, но и сочувственное отношение к своим играм. Нередко можно увидеть, как взрослые следят за играющими детьми, направляют их игру, а иногда принимают в ней хотя и пассивное, но благожелательное участие. У детей попадаются покупные игрушки, которые родители достают для них в соседних районах, вместе с приобретаемыми там предметами хозяйственного обихода, или заказывают кузнецам, деревообделочникам и другим мастерам маленькие серпы, ножи, колыбели, по форме настоящих, и дарят детям как игрушки.

Этот факт специального приобретения игрушек для детей становится особенно показательным для характеристики отношения таджиков к детям и к их играм, если принять во внимание те тяжелые условия, в которых они прежде жили.

✓ Игрушки детей раннего возраста. Заботы о том, чтобы доставить ребенку забаву, занять и развлечь его, начинаются у таджиков еще раньше того времени, когда ребенок начинает что-нибудь понимать.

Первой погремушкой являлись обычно пестрые стеклянные бусы-амулет, свободно висящая нитка которых надевалась на верхнюю перекладину колыбели. Бусами этими побрякивали, чтобы привлечь внимание ребенка.

Когда ребенок начинает сидеть и ползать, в руки ему в качестве игрушки летом дают огурец, яблоко, пеструю душистую несъедобную дыньку, маленькую тыквочку и т. п.

Когда ребенок уже хорошо различает окружающих и пытается произносить первые слова,¹ огурец нередко в его руках изображает ребенка;

¹ Как и у других народов, у таджиков существует целый ряд особых слов «детского языка», которые постоянно употребляют в разговоре с маленькими ребятшками и которые естественно становятся первыми словами, произносимыми ребенком. Так, например, в долинах р. Зарафшана хлеб на «детском языке» будет *naná*, материнская грудь — *amá*, огонь и все горячее — *чучу́*, что-нибудь гадкое, дурно пахнущее — *қих*. Когда ребенок упадет, говорят — *уф*. Сон обозначают словом *алла́*, которое обычно входит в припев колыбельных песен во многих местах Средней Азии: *Алла е, алла ё!* *Хобаш барат алла ё. Алла, алла. Алла е, алла ё!* — «пусть он (она) уснет. Алла, алла» (сел. Урмитан, долина р. Зарафшана).

его заворачивают в тряпочку, и дитя баюкает его, произнося припев колыбельной песни.

В это же время в руки ребенка попадает погремушка — *шақшақа*. В Ягнобе и в верховьях р. Зарафшана очень часто встречаются погремушки в виде коробочки из обожженной глины, в форме усеченного конуса (рис. 1, 1) или невысокого (3—4 см) цилиндра (рис. 1, 2), внутри которого находятся камешки. В Ягнобе встречаются шейные погремушки, с выступом на верхней части и сделанным в нем отверстием для продевания (рис. 1, 3).

В качестве погремушки используются также высушенные мелкие тыквочки с побрякивающими внутри них семенами.

Погремушка остается в детских руках довольно долго, иногда лет до пяти-шести и живет наряду с другими шумовыми игрушками, которые дети очень любят. В долине р. Зарафшана очень распространены жужжалки, носящие звукоподражательное название *мофиррак* или *бомфиррак*. В коллекциях МАЭ имеется ряд таких жужжалок из Матчи. Наиболее часто встречающийся вид жужжалки представляет собой небольшую палочку с тупыми или остро заточенными концами и кольцевой зарубкой посередине. Сложенная вдвое веревочка, концы которой предварительно связаны между собой, завязана вокруг палочки на месте зарубки, не позволяющей ей сползать, и образует собой две петли равной длины (рис. 1, 4). Забавляясь жужжалкой, дети берут концы петель в руки и придают всей игрушке вращательное движение. При вращении веревочка закручивается в тугую жгут. Когда она достаточно туго закручена, играющий начинает то плавными, то резкими движениями сдвигать и раздвигать руки, вследствие чего палочка издает жужжащие звуки.

Другие жужжалки, также из верхней Матчи, устроены иначе: на остро заточенный конец длинной палочки насажена другая, свободно двигающаяся, меньшей длины. Длинную палочку берут в левую руку, а правой рукой или же особой палочкой резко ударяют по маленькой, отчего та вращается, издавая при этом негромкий звук (рис. 1, 5).

Также в пределах Матчи, ниже по течению реки, в тех местах, где растет грецкий орех, дети делают жужжалки различных видов из орехов. Одна из разновидностей таких жужжалок устраивается следующим образом: в целом грецком орехе проделывается три круглых отверстия, два отверстия вверху и внизу ореха и третье сбоку, и вынимается все его содержимое. Орех насаживается на палочку, которая укрепляется в вертикальном положении на маленькую деревяшку. К этой палочке привязана веревочка, которая выводится через боковое отверстие в орехе наружу (рис. 1, 6). Держа игрушку за деревяшку одной рукой, другой рукой вращают орех, благодаря чему веревочка закручивается на палочку внутри ореха.

Для того чтобы свободный конец веревочки не проскакивал внутрь ореха, к нему привязана щепочка, которая становится поперек отверстия, когда вся веревочка уйдет внутрь ореха. После этого короткими, отрывистыми движениями дергают за веревочку и она, раскручиваясь, вертит орех. От трения ореха о веревочку и палочку, на которой он вращается, получается жужжащий звук.

Другой вид таких жужжалок я наблюдала в сел. Обурдон. Там они носят также звукоподражательное название — *гиррак*. Они устраиваются из двух орехов, палочки и веревочки. К одному концу палочки привязывают веревочку и на него насаживают неподвижно грецкий орех, выпуская из-под него веревочку. Затем ниже, на эту же палочку насаживают свободно вращающийся на ней второй орех, имеющий, как и в описанной выше жужжалке, три отверстия. Веревочку, выходящую из-под первого ореха, продевают в верхнее отверстие второго и выводят через

боковое отверстие наружу, также привязывая на конец ее щепочку (рис. 1, 7).

При игре с такой жужжалкой берут в левую руку свободный конец палочки, на которую насажены орехи, и правой рукой дергают за веревочку. Благодаря тому, что верхний орех также полый, звук у этой жужжалки получается гораздо более громкий, чем у предыдущей.

В припамирских районах часто встречаются особые трещотки, употребляемые для забавы как детьми, так и взрослыми во время веселых сборищ, во время праздников и семейных торжеств, разнящиеся между собой только размерами. Они представляют собой деревянную чурбашку, один конец которой обровнен ножом и служит ручкой, а другой конец распилен до половины ее длины на несколько тоненьких дощечек. Этой трещоткой легонько ударяют друг друга по спине или по голове. Удары эти никакой боли не вызывают, но дощечки громко стучат друг о друга, давая резкий дребезжащий звук. Ребятишки и сами изготавливают такие трещотки, только более упрощенного вида. В коллекции МАЭ имеется одна такая трещотка из сел. Поршнив в Шугнанае, представляющая собой просто расщепленную палочку (рис. 1, 8).

Среди мальчиков четырех-пяти лет и постарше очень распространены в качестве игрушек волчки, которые в верхнем бассейне р. Зарафшана называются, как и жужжалки, *бомфиррак* и *гиррак*. Волчки эти бывают двух видов. Одни в виде диска 4—6 см в диаметре, сделанного или из тонкой дощечки, или из очень плотной стенки несъедобной тыквы. Диск насажен на гладкую, иногда даже обточенную на токарном станке палочку с заостренным концом (рис. 1, 9). Иногда для утяжеления волчка и для придания ему большей устойчивости на палочке ниже диска оставляется утолщение. Волчки другого вида вытачиваются из целого кусочка дерева в виде луковицы с сильно вытянутым острым концом. Волчки пускаются по земле руками, и никаких приспособлений, для того чтобы их гнать, не существует.

Из игрушек, дающих звук, среди маленьких детей распространены также *обхурак* — приспособления для питья воды. Это просто трубочки, сделанные из тростника, полого стебля травы или злаков или из пера крупной птицы. Ребятишки ложатся на берегу ручья или оросительной канавы, пьют воду через эти трубочки, пускают через них воздух и развлекаются бульканьем воды. Для этой же цели, больше ради развлечения, чем для питья, служат у детей маленькие кувшинчики для воды, также носящие общее название *обхурак* и повторяющие формы настоящих сосудов для воды, употребляемых в хозяйстве в таких местах, как Ягноб, долина Сурхоба (Каратегин), и вообще во всех местах, где среди горных таджиков распространено производство посуды из глины. С *обхурак* обоих видов играют и мальчики и девочки, мальчики, может быть, несколько чаще.

Для маленьких мальчуганов в Ягнобе взрослые делают свистульки — *уштокак* — из необожженной глины, имеющие вид приземистого, несколько округленного кверху конуса, основание которого также закруглено. Отверстие, в которое свистят, находится наверху, а у основания с боков имеются два другие отверстия — лады (рис. 1, 10).

Игрушкой, с которой играют и мальчики, и девочки, является мяч; носящий у горных таджиков и ягнобцев название *тун//туф*, а среди припамирских таджиков в Рушанае — *нут*. Делаются мячи из туго скрученных и спитых в форме шарика тряпок. Дальше этот шарик оплетается при помощи иглы пестрыми шерстяными или бумажными нитками, а в богатых домах в прошлом — даже шелком. Часто при этом предварительно

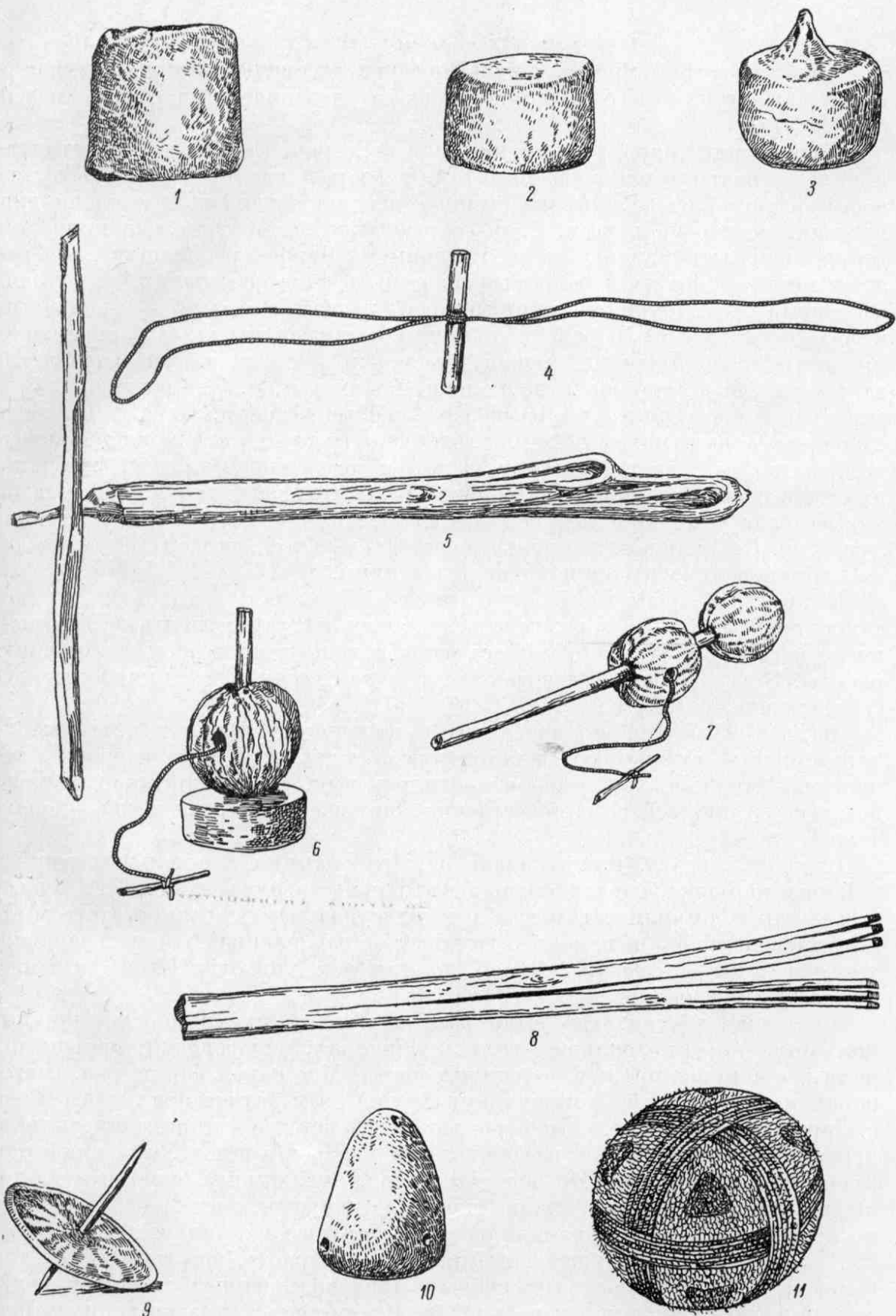

Рис. 1. Игрушки маленьких детей.

1—3—погремушки из обожженной глины: 1—из сел. Мадрушкат (верховья Зарафшана; МАЭ, колл. № 3339-74), 2, 3—из сел. Кули-Боло (Ягноб; по рис. автора); 4—7—жужжалки: 4—из сел. Пальдорак (верховья Зарафшана; МАЭ, колл. № 3339-327), 5, 6—из сел. Мадрушкат (МАЭ, колл. № 3339-76, № 3339-70), 7—из сел. Обурдан (верховья Зарафшана; по рис. автора); 8—трещотка из сел. Поршнив (Рушан; МАЭ, колл. № 2674-171); 9—волчок из сел. Пальдорак (МАЭ, колл. № 3339-197); 10—свистулька из необожженной глины из сел. Бидив (Ягноб; по рис. автора); 11—мяч из сел. Калаи-Вамар (Рушан; МАЭ, колл. № 2674-169).

его обшивают тремя перекрещивающимися тесемочками или полосками цветной шерсти, отчего поверхность шара разделяется на восемь частей (рис. 1, II).

Изготавливают мячи обычно девочки постарше (десяти-двенадцатилетние) и состязаются между собой в том, чей мяч лучше прыгает и цветистее и аккуратнее расшит. Эти же старшие девочки шьют мячи попроще для младших сестер и братьев. Свои старые, уже потерявшие вид мячи они также передают маленьким ребятишкам. В Ягнобе ребятишки сами делают мячи, валяя их из коровьей шерсти, в виде небольших, величиной в грецкий орех, шариков, которые носят название *калтуф* — «плешивый мяч». Играют в мяч, бросая его об стенку и ловя то двумя, то попеременно правой и левой руками, переворачиваясь на месте во время его полета, закрывая глаза, становясь на колени, боком и т. д. Ударяют мячом об землю и поют в такт с ударами мяча особые песенки. Играют на счет, стараясь ударить мячом об землю, отбивая его рукой как можно большее количество раз, не дав мячу покатиться по земле. Мяч, как и кукла, является постоянным спутником девочек, и летом часто можно наблюдать, как веселая компания девочек отправляется на какую-нибудь зеленую лужайку. Собравшись под тенью больших деревьев, все сразу вынимают из карманов мячи и начинают играть с ними.

Игрушки детей среднего возраста. Дети играют с игрушкой главным образом в возрасте от шести до девяти-десяти лет, после чего они уже начинают все чаще и чаще втягиваться в домашние работы. В дальнейшем у девочек все же еще сохраняются и мяч, и куклы со всем их «хозяйством».

Мальчики постепенно переходят к подвижным играм и к таким сидячим, часть которых сохраняется среди юношей и даже взрослых неженатых мужчин, которые развлекались ими, сидя в прежние времена в долгие зимние вечера в общественных помещениях при мечетях — *алаухона*.¹

Следует сказать, что в начале нашего столетия в отдельных горных районах игрушка бывала очень богато представлена как по своему составу, так и по количеству ее в детских руках. Особенным богатством отличались игрушки в наиболее глухих горных районах, таких, как верховья долины Зарафшана, Ягноб, долины рек Хингоу и Ванча, а также припамирские районы.

В тех же местах, где были распространены мусульманские школы, мальчики, которые больше учились в школах, чем девочки, меньше играли и с игрушками, и в подвижные игры. Мне случалось не раз, разговаривая уже в 1945 г. с мужчинами сорока пяти-пятидесяти лет в районе г. Гарма в Каратегине, слышать о том, что в детстве им приходилось мало играть, так как родители заставляли их учиться в школе, в которой они проводили целые дни. Это обстоятельство, повидимому, влияло и на то, что в этих местах у мальчиков было мало игрушек, тогда как девочки до последнего времени сохраняли гораздо большее их количество.

Большая часть игрушек детей среднего возраста, как мальчиков, так и девочек, носит ярко выраженный производственный характер и является часто очень точным воспроизведением сельскохозяйственных орудий и предметов домашнего обихода.

Очень распространены также изображения животных, главным образом домашних, хотя встречаются и игрушки, изображающие диких животных (горного козла, волка, лисицу), хорошо знакомых детям.

¹ Об *алаухона* см.: Н. А. Кисляков. Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахио-Боло. М.—Л., 1936, стр. 115 и сл.

Отдельные игрушки, изображающие орудия производства, с возрастом детей постепенно увеличиваются в размерах, переходя в конце концов в подлинное орудие производства.

В игрушке часто отмечаются особые черты, свойственные тому или другому предмету в данной местности, архаические подробности, утерянные уже в тех настоящих предметах, которые изображает игрушка. Встречаются и такие явления, когда вещи, вышедшие уже из хозяйственного обихода в каком-нибудь месте, сохраняются там же в виде игрушки, и мы можем составить себе по игрушечному изображению такой вещи представление о том, какой вид она могла иметь.

Основное занятие жителей горных районов Таджикистана — земледелие, с которым связаны все житейские интересы, — находит очень широкое отражение в составе детской игрушки. Так как до революции женщины почти нигде не принимали участия в полевых работах, то естественно, что игрушки, изображающие земледельческие орудия и предметы, связанные с мужскими занятиями, являлись исключительной принадлежностью мальчиков.

Во всех горных районах среди игрушек имеются деревянные плужки, более или менее реалистически исполненные и передающие тип и устройство настоящего плуга. Иногда они снабжаются еще и ярмом. В коллекции МАЭ имеется в числе прочих такой очень тонко сделанный плужок из верховьев долины Зарафшана (рис. 2, 1а, 1б).

По размерам своим плужки бывают очень разнообразны, от совсем маленьких, сантиметров в десять длины вместе с дышлом, до таких, которые по величине своей равняются $\frac{1}{6}$ — $\frac{1}{8}$ настоящего плуга. Эти игрушечные плуги крупных размеров, по моим наблюдениям во время поездки в Таджикистан в 1925 г., особенно были распространены в долине Ванча и в соседней долине Язгулема.

В Средней Азии при пахоте деревянным плугом на конец его надевался чугунный или железный лемех. Ту же подробность имеет в своем составе и игрушка, причем мы встречаем здесь обе разновидности лемехов, употреблявшихся таджиками. В коллекциях МАЭ есть игрушечный деревянный плужок — *испорн* — из сел. Пальдорак в Матче, с насаженным на него концом от старого чугунного литого лемеха (рис. 2, 2). Таджики верховьев Зарафшана приобретают литые чугунные лемехи на базаре в г. Ура-Тюбе, причем покупают нарочито подержанные, такие, у которых тонкий край уже сработан. Новых лемехов не покупают, потому что на каменистой почве в горах тонкие края лемеха обламываются и он выходит из работы.

В 1925 г., собирая коллекции для Главного средне-азиатского музея в Ташкенте, я приобрела в сел. Мотраун в Язгулеме (припамирские районы) кованый железный игрушечный лемех, формой своей повторяющий тип лемеха, распространенный среди горных таджиков Дарваза и припамирских таджиков как в пределах Таджикистана, так и по берегам р. Панджа на афганской стороне (рис. 2, 3). Наш игрушечный лемех попал в долину Язгулема из соседней долины Ванча, откуда язгулемцы покупали часто изделия из железа. Долина Ванча являлась одним из тех мест в этих районах, где велась выплавка железа и многие из жителей ее занимались кузнечеством. Поэтому, вероятно, здесь и встречалось много игрушек, изготовленных из железа, таких, как ножи *корд*, ножи для резания лапши — *ошбур*, топоры — *тавар* (рис. 2, 4). Этот игрушечный топорик интересен тем, что он передает тип топора, отличный от принятого в северных частях горного Таджикистана и на равнинах Средней Азии, где распространен топор, у которого лезвие направлено не вдоль топорща, а поперек.

На Ванче среди игрушек мальчиков очень часто встречается серп — *дос*. Говоря о серпе, следует отметить, что он часто встречается среди детских игрушек таджиков и в других местах Таджикистана и является самым характерным примером игрушки, которая, в зависимости от возраста ребенка постепенно увеличиваясь в размерах, переходит в настоящее сельскохозяйственное орудие (рис. 2, 5). Серп играет до сих пор большую роль в хозяйстве горных таджиков. При помощи серпа в горах жнут хлеб, режут люцерну, траву, заготавливая на зиму корм для скота, а также и мелкий кустарник для топлива. Все эти работы, как правило, раньше производили исключительно мужчины. Женщины начали жать хлеб только после революции.

Мальчики, играя с семи-восьмилетнего возраста с маленьким серпом, постепенно приучаются обращению с ним. Сначала они жнут траву для своего игрушечного скота или хлеб на игрушечном поле, а потом, выпасая в поле своих ягнят и козлят, нарезают траву для них, чтобы кормить их дома. Постепенно старшие начинают давать им поручения: то очистить от травы межу, то нарезать корма для стоящей на привязи лошади или коровы. Годом к двенадцати мальчик уже подготовлен к работе и может жать хлеб вместе со взрослыми. Еще в начале нашего столетия мальчика, достигшего этого возраста, посвящали в земледельцы. При специальной молитве ему давали в руки уже не игрушечный, а настоящий серп, хотя все же еще меньших размеров, чем серп взрослых мужчин.

Такое же превращение игрушки в орудие труда переживает перчатка или рукавица из сыромятной кожи, надеваемая на левую руку при жатве хлеба и срезании на топливо колючего кустарника, а также и веревка с деревянным крючком или деревянной же петлей на одном конце, служащая для увязки снопов хлеба, травы и вьюков при перевозке их на животных или переноске на себе. Мальчики, завьючивая игрушечных лошадей при помощи такой веревки с крючком или петлей, постигают все секреты увязки вьюка и умения делать крепкие узлы. Эта игрушка очень широко распространена среди детей во всех горных местностях Таджикистана.

В Областном дошкольном кабинете в Ташкенте хранится игрушечная веревка с крючком — *витат потанг*, вывезенная М. С. Андреевым и мной в 1926 г. из сел. Бидив в Ягнобе (рис. 2, 6), а также деревянная петля — *чухт*, приобретенная мной в 1925 г. в сел. Мотраун в Язгулеме (рис. 2, 7).

Во многих местах в горах по долине Сурхоба и Хингоу, а также по левобережью Вашха, там, где поля вокруг селений расположены на мягких и сравнительно пологих горных склонах, для перевозки хлебных снопов на тока и сена и топлива в селения употребляются летом и осенью деревянные *чигина*, очень напоминающие своим видом русские дровни. В этих же местах мальчики мастерят для себя маленькие *чигина*. В 1925 г. в долине Хингоу я видела игрушечные *чигина*, которые являлись подлинной копией настоящих. Мне говорили, что зимой мальчики катаются на них с гор. В 1945 г. мне пришлось увидеть игрушечные *чигина* в долине Сурхоба в сел. Аскалон Гармского района. Здесь они были сделаны из досок и очень походили на русские детские салазки, но мальчики играли с ними, осознавая их как настоящие *чигина*, и по сезону (дело происходило в октябре) занимались возкой на них дров.

Своеобразная старинная манера молотить хлеб при помощи волокуши, связанной из крупных древесных веток, которую таскают за собой быки или лошади по разложенным на току снопам, нашла также свое отражение в детской игрушке. В коллекциях МАЭ имеется такая воло-

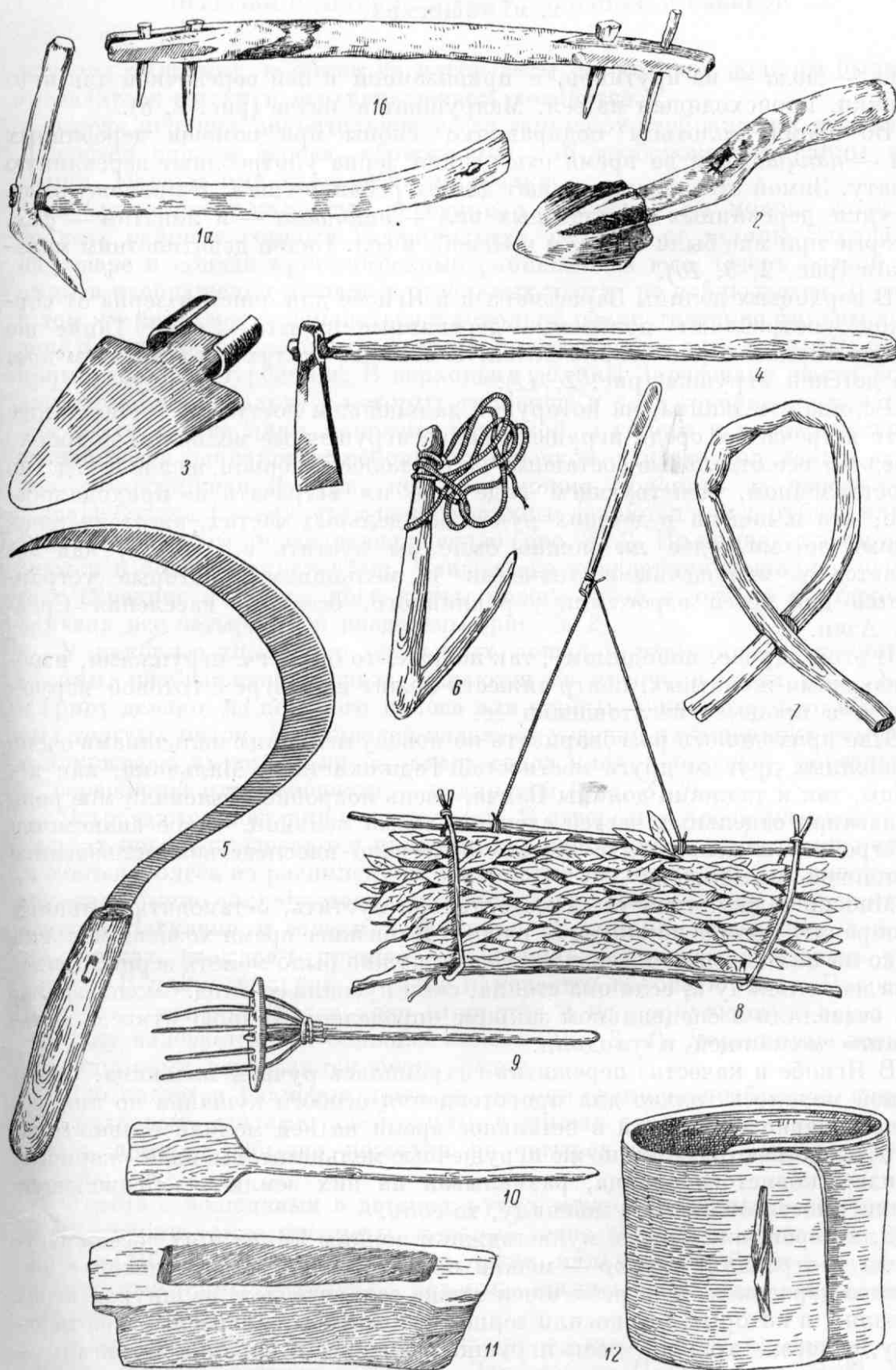

Рис. 2. Сельскохозяйственные орудия.

1a — плуг; 1б — ярмо к нему из сел. Мадрушкат (верховья Зарафшана; МАЭ, колл. 3422-20а, б); 2 — плуг со съемным лемехом из сел. Пальдорак (верховья Зарафшана; МАЭ, колл. № 3339-186); 3 — наконечник плуга из сел. Мотраун (Язгулем); 4 — топор из сел. Рохарв (Ванч); 5 — серп из сел. Калаи-Вамар (Рушан); 6 — веревка с крючком для увязки вьюков из сел. Бидив (Ягноб); 7 — деревянная петля для увязки вьюков из сел. Мотраун (Язгулем; по рис. автора); 8 — волокуша для молотбы хлеба из сел. Мадрушкат (МАЭ, колл. № 3339-78); 9 — деревянные вилы из сел. Бидив; 10 — деревянная лопата из сел. Бидив; 11 — деревянное корыто для очистки зерна из сел. Бидив; 12 — деревянный сосуд, служащий мерой для зерна из сел. Рохарв (долина р. Ванча; по рис. автора).

куша — *мола* — из прутиков, с привязанной к ней веревочкой для припряжки, происходящая из сел. Мадрушкат в Матче (рис. 2, 8).

Во время молотбы подправляют снопы при помощи деревянных вил — *панцшоха*, а во время отвеивания зерна употребляют деревянную лопату. Зимой эти лопаты служат для отгребания снега. Я привожу здесь рисунки деревянных игрушечных вил — *панцшоха* — и лопатки — *фех*, которые при мне были сделаны в Ягнобе в сел. Бидив девятилетним мальчиком (рис. 2, 9, 10).

В верховьях долины Зарафшана и в Ягнобе для очистки зерна от сорняков употребляют долбленные деревянные корыта — *нова*. Такие же корыта служат и для стирки белья. В этих же местах мы встречаем *нова* и в детской игрушке (рис. 2, 11).

Водяная мельница, на которую в дальнейшем поступало зерно, также часто встречается среди игрушек. Такие игрушечные мельницы подробно передают все отдельные составные части: колесо, жернов, желоб и т. д., но в составленном, действующем виде мне их встречать не приходилось, а то, что я видела в детских руках в отдельных частях, изготовленных самими детьми, едва ли можно было бы пустить в ход так, как это делается с игрушечными толчеями и мельницами, которые устраиваются для детей взрослыми у равнинного, оседлого населения Средней Азии.

В этом случае, повидимому, так же как это бывает с игрушками, изображающими животных, центр тяжести лежит не в игре с готовой игрушкой, а в процессе изготовления ее.

Мне приходилось разговаривать по поводу мельниц с мальчиками очень отдаленных друг от друга местностей Таджикистана. Мальчики, как ягнобцы, так и таджики долины Ванча, очень подробно объясняли мне роль и названия отдельных частей сделанных ими мельниц. Такое знакомство с устройством мельницы с детства облегчало впоследствии пользование настоящей мельницей.

Многие таджики могут самостоятельно пустить, остановить мельницу и исправить мелкие изъяны в ее работе. В прежнее время хозяева мельниц редко на них сидели. Обычно, все, кому нужно было молот зерно, приходили на мельницу и, если она стояла, сами пускали ее в ход. Смолв зерно, они оставляли в специальном закрое определенную долю муки за пользование мельницей и уходили.

В Ягнобе в качестве пережитка сохранялась ручная мельница. Зерно на ней молотось только для приготовления особого кушанья ко дню весеннего равноденствия, а в остальное время на ней молотили только соль. Дети устраивают себе такие же игрушечные мельницы, выбивая «жернова» из известкового сланца, размалывая на них землю, изображающую в зависимости от игры то пшеницу, то соль.

Для перевозки зерна и муки таджики долины Ванча и их соседи язгулемцы употребляли *кулвор* — мешки из сыромятной кожи, снятой с животного перчаткой. Для ребятешек также делали *кулвор* из шкурок ягнят и козлят, в которых они носили зерно, увязываясь за взрослыми на мельницу, а также хранили свои игрушки, чаще всего бараньи астрагалы — *бучул*.

В тех же местах ребятешки, подражая взрослым, имели игрушечные меры для зерна в виде деревянных сосудов со вставным дном, носящие название *чоръяк*, т. е. «четверть *ман'а*», старинной крупной меры веса в Средней Азии (рис. 2, 12). В 1925 г. я наблюдала за игрой детей в сел. Рохарв в долине Ванча. Один из мальчуганов мерил этой меркой горсточку каких-то мелких зернышек, изображавших пшеницу. Он давал «пшеницу»

другому мальчику в обмен на кусок ваты, из которой должны были изготавливаться нитки в его игрушечном хозяйстве.

Среди игрушек значительное место занимают изображения животных. Делаются они из дерева, обожженной или необожженной глины и из камня. Играют ими чаще всего мальчики.

Широко распространена деревянная лошадка. Ее можно встретить во всех районах горного Таджикистана, начиная от долины Зарафшана на севере и кончая припамирскими районами на юге. Очень резкой разницы в изображении лошади в отдельных местах не наблюдается. В одном и том же месте могут попадаться и довольно реалистические фигуры лошадок, и совершенно условные, представляющие собой чуть тронутые ножом прямоугольные чурбашки. В верховьях долины Зарафшана часто встречаются такие лошадки, у которых туловище и ноги совершенно между собой слиты и едва лишь намечены зарубкой, а голова и хвост выступают в виде почти одинаковых небольших крючков, так что получается странная симметричная фигура, которую можно признать за изображение лошади больше потому, что в центре «спины» делаются или зарубки, или небольшие выступы, обозначающие седло (рис. 3, 1). Но наряду с этим попадаются и более реалистичные. Чаще всего попадаются лошадки, у которых передние и задние ноги слиты между собой и только в отдельных случаях все четыре ноги разделены (рис. 3, 2).

У наиболее тщательно сделанных лошадок вставляются стеклянные бусины, изображающие глаза, делаются из кусочков кожи уши. Хвост и гриву делают из конского волоса или черных бумажных, а то и шелковых толстых ниток. На лошадей надевают уздечки из тоненьких ремешков и покрывают их попонами, а поверх седла кладут подушку, перетягивая ее веревочкой или ремешком — подпругой (рис. 3, 3).

Встречаются лошадки и на колесах. В отверстие, просверленное в чурбашках-ногах, продеваются палочки, служащие осями, и на концы их надеваются колеса из распиленных на толстые диски палок. За лошадью на колесах обычно сохраняется ее название «лошадка» — *аспак* по-таджикски, *вараг* в Язгулеме и *ворцак* в Шугнанае. В долине Зарафшана лошадок на колесах называют *аровача* — «арбочка». Делаются они очень упрощенно. В прямоугольной дощечке намечается голова и хвост. Посередине дощечки просверливается одно отверстие и на пропущенную через него палочку надевается два больших колеса (рис. 3, 4). Деревянные лошадки с всадниками встречаются очень редко.

Что касается размеров лошадок, то они очень разнообразны, начиная от крохотных, сантиметров 5 длины, и кончая очень крупными, до полуметра длиной. Обычно лошадки на четырех колесах бывают крупнее других.

Вместе с лошадками в детских руках можно встретить в игрушечном изображении такие предметы, которые тесно связаны с лошадью. В Ягнобе в 1927 г. в большом ходу среди мальчуганов были игрушечные переметные сумы — *хурчин*, которые шились для них старшими сестрами.

В коллекциях МАЭ есть миниатюрное, вырезанное из одного куска дерева седло — *безанак* — из сел. Дерушан на Пандже (рис. 3, 5).

Деревянные игрушки, изображающие других животных, кроме лошади, почти не встречаются. За много лет работы в Таджикистане мне пришлось один раз в долине Ванча увидеть деревянную фигурку лисицы, и, кроме того, в коллекциях МАЭ имеется деревянное, очень условно выполненное изображение верблюда из сел. Урмитан в долине Зарафшана (рис. 3, 6).

Глиняные игрушки, изображающие животных, распространены гораздо меньше, чем деревянные. Пределы их распространения ограничены Ягнобом, верховьями долины Зарафшана и районом озера

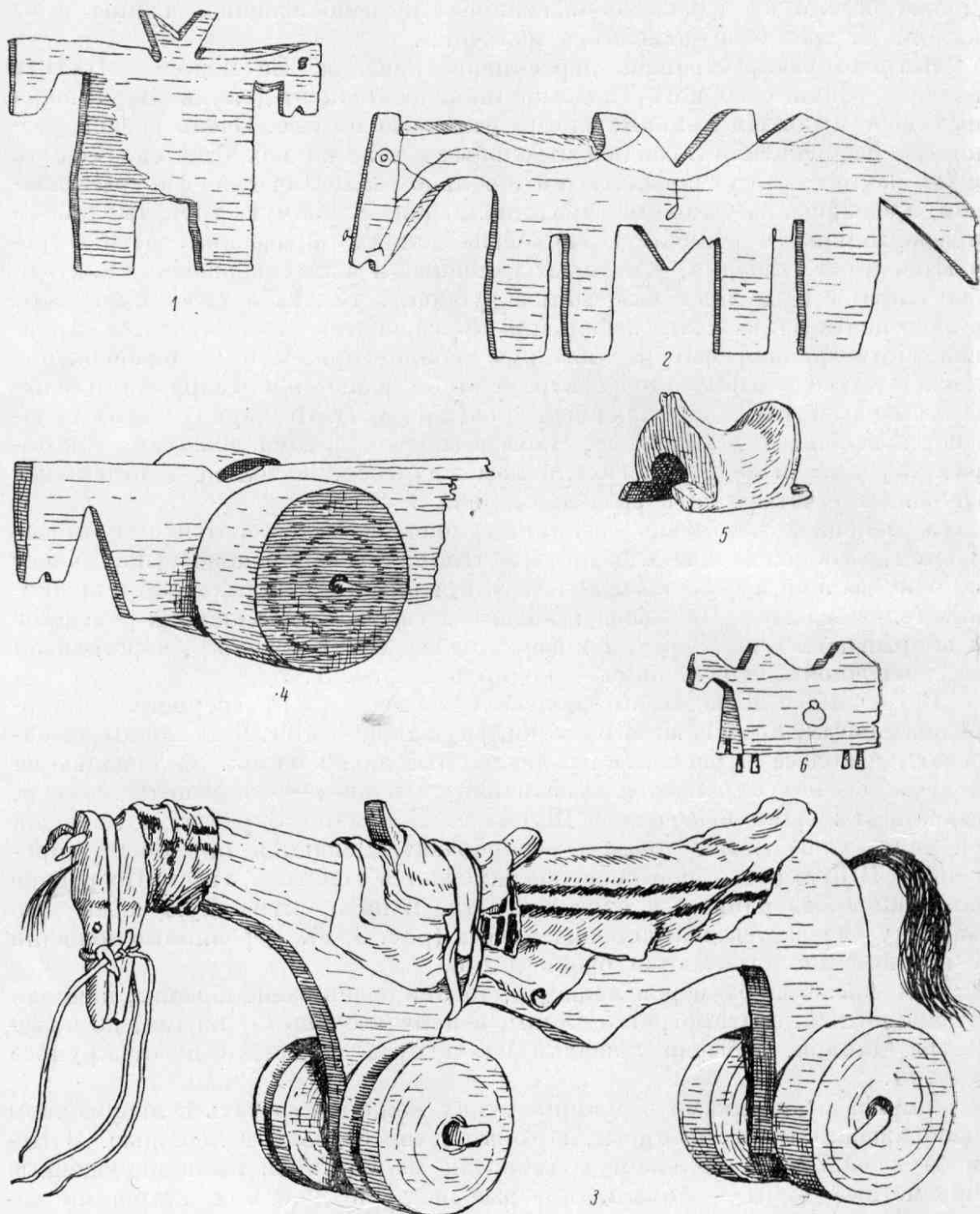

Рис. 3. Фигурки животных из дерева.

1—4 — лошади: 1 — из сел. Малрушкат (верховья Зарафшана; МАЭ, колл. № 3339-66), 2 — из сел. Шурманк (р-н оз. Исхандер-Куль; МАЭ, колл. № 3633-331), 3 — из Хорога (МАЭ, колл. № 2674-164), 4 — из сел. Малрушкат (МАЭ, колл. № 3339-77); 5 — седло из сел. Дерушан (Рушан; МАЭ, колл. № 2352-105); 6 — верблюд из сел. Урмитан (верховья Зарафшана; МАЭ, колл. № 3424-69).

Исхандер-Куль. В других горных районах Таджикистана они встречаются чрезвычайно редко.

В Ягнобе такого рода игрушек ежегодно изготавливается очень много. Дети часто пользуются при этом очень пластичной гончарной глиной.

В тех домах, где женщины изготавливают глиняную посуду, они обычно таскают у матерей и старших сестер готовое гончарное тесто, поэтому изготовление игрушек из глины приходится на сезон гончарных работ в июле и августе. Девочки делают главным образом игрушечную посуду, но умеют делать и животных, а мальчики делают только животных.

Мне не раз приходилось наблюдать процесс изготовления этих игрушек. У мальчиков имеются определенные приемы лепки разных животных. Осла или лошадку простейшего, наиболее часто встречающегося вида они изготавливают следующим образом: сначала отдельно вылепляется голова с утончающейся книзу шеей, и пока она подсыхает, делается туловище. Туловище у таких лошадок имеет вид прямоугольного брусочка, без обозначения ног или же со сдвоенными передними и задними ногами. В одном конце туловища делается срез или углубление для прикрепления головы (рис. 4, 1). После того как прикреплена голова и крепко примазана глиной в другой конец туловища, иногда вмазывается хвост из нескольких шерстяных или бумажных ниток.

Реже встречаются фигурки лошадок с округлым телом и четырьмя короткими толстыми ногами (рис. 5, 1). Обычно у лошадей изображается грива в виде утолщения на шее, имеющего волнистую линию. Лошади с седлами делаются редко. Седла лепятся из глины отдельно и потом привязываются к спине лошади тряпочками.

Фигурка барана, всегда обязательно курдючного, изготавливается в три приема: сначала делают голову, затем туловище в виде прямоугольного брусочка с двумя косыми срезами по концам и затем отдельно бараний курдюк в виде округлого с одной стороны и сильно вытянутого с другой кусочка глины. Когда все сделанные части подсохнут, при помощи жидкой глины их соединяют вместе (рис. 4, 2).

В игрушке всегда изображается баран-производитель — *кучкор*, и чтобы подчеркнуть это, ему делают завитые рога (рис. 5, 2). Если делают животное с большими рогами или ушами, между рогов закладывают палочку или камешек, чтобы они при просушке не покривились.

Кроме лошадей и баранов, ягнобские мальчики делают и фигурки других животных: домашних козлов — *така* — и горных — *нахчир*, подчеркивая у дикого козла его большие рога. Реже встречаются фигурки ослов-самцов с очень длинными стоячими ушами (рис. 5, 3)¹ и быков. Быки изображаются зебуобразного вида с большим горбом (рис. 5, 4).

Девочки делают для себя главным образом коров и коз для игры в хозяйство.

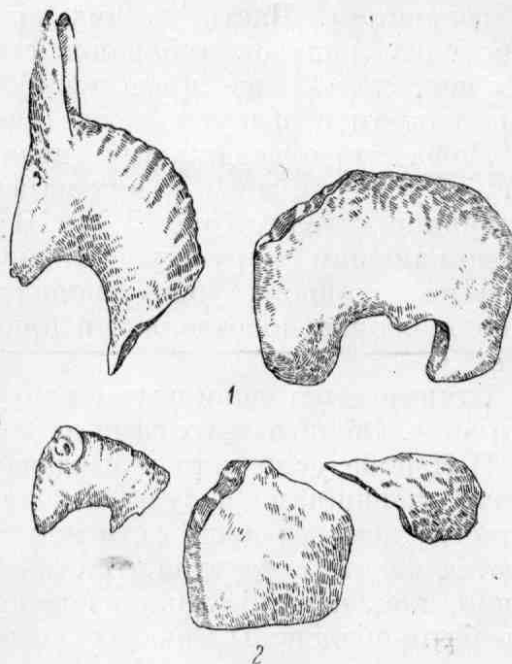

Рис. 4. Приемы изготовления игрушек из глины.

1 — изготовление осла; 2 — изготовление барана (Ягноб; по рис. автора).

¹ Ослов ягнобцы не разводили и поэтому покупали у своих соседей только ослов-самцов.

При изготовлении посуды женщины часто также делали фигурки животных, которые предназначались как для детей в качестве игрушек, так и для вотивных приношений. Эти фигурки животных ставились на местных святилищах — мазарах.

Размеры фигурок животных невелики, наиболее крупные из них бывают 10—12 см длины, чаще же они бывают 5—6 см, а встречаются и совершенно крохотные.

В коллекциях МАЭ имеется ряд глиняных игрушек из сел. Урмитан в верховьях р. Зарафшана, изображающих животных. Среди них встречаются изображения баранов, коз, коров, лошадей, а также лошадей со всадником. Часть из них выполнена очень условно и напоминает ягнобских лошадок и баранов с телом в виде сплошного куска глины без ног, другие же представляют собой реалистические изображения, как, например, фигурка козы (рис. 5, 5).

Лошадки со всадниками сделаны очень грубо. Всадники выполнены сугубо условно, ноги у них намечены лишь настолько, чтобы прилепить всадников к седлу (рис. 5, 6). В отдельных случаях маленький мастер, изготавливавший игрушку, стремился передать определенную фигуру, судя по головному убору, повидимому, русского человека. Ружье сделано и обожжено отдельно и привешено за спиной у всадника на веревочке.¹

Глиняные игрушки идут в игру как в обожженном, так и в необожженном виде. Обжигают их сами дети в очагах.

В Ягнобе, если игрушки сделаны в такое время, когда сезон изготовления женщинами посуды из глины заканчивается и до обжига посуды остается немного дней, дети ждут дня обжига. Тогда игрушки их обжигаются вместе с посудой. Часть этих игрушек очень быстро гибнет, особенно, конечно, игрушки из необожженной глины, а также и те, которые были обожжены в очагах, не дающих достаточно высокой температуры для хорошего обжига. Игрушки, компактные по форме, с мало выдающимися отдельными частями и обожженные на большом огне во время обжига посуды, живут сравнительно долго, иногда по несколько лет.

Кроме деревянных и глиняных игрушек, изображающих животных, в Ягнобе мальчики делают фигурки животных из камня, употребляя для этого куски мягкого известковистого сланца. Компания мальчиков человек в пять усаживается где-нибудь в тени, и каждый из них, взяв в обе руки по плитке сланца, ребром одной плитки ударяет по другой и быстро оббивает ее, придавая куску сланца очертания того или другого животного.

Все мальчики сначала принимаются делать какое-нибудь одно животное, условившись об этом предварительно.

Часто случается, что хрупкий сланец скалывается не так, как хочет этого маленький мастер. Тогда он очень быстро, не отрываясь для размышления от своей работы, начинает делать другое животное, образ которого подсказывается ему той формой, которую случайно принял камень в его руке. Иногда он меняет по два, три раза свой первоначальный замысел, отступаясь от материала только тогда, когда сланец либо рассыплется на мелкие части, либо в руке у него останется очень маленький кусок.

Все участвующие в игре очень оживленно переговариваются между собой, высказывая вслух свои, быстро сменяющиеся планы, поглядывая по временам на работу своих компаньонов. Потом вдруг, как бы внезапно

¹ МАЭ, колл. № 3424-134.

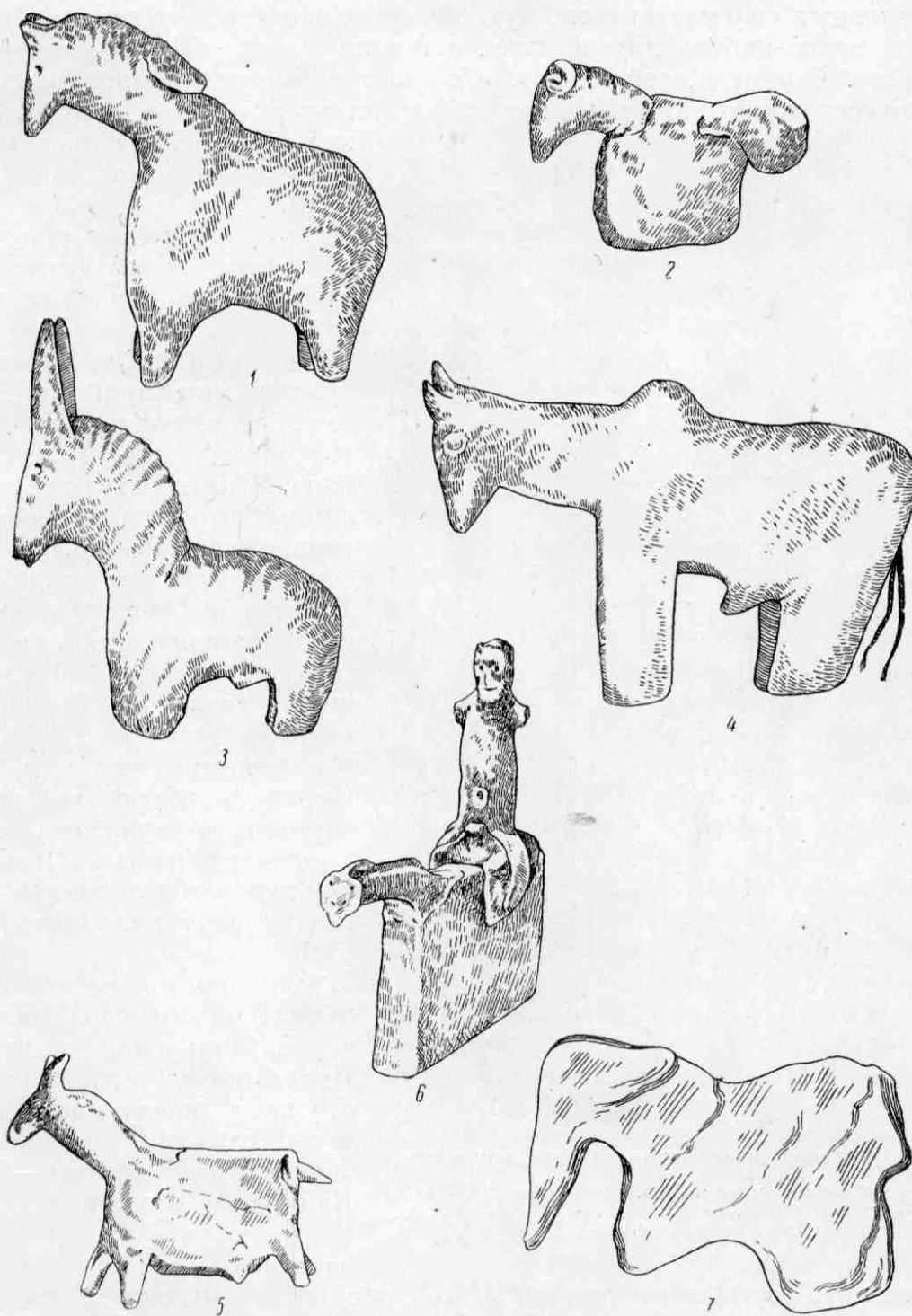

Рис. 5. Фигурки животных из глины и камня.

1 — лошадка из сел. Бидив (Ягноб); 2 — баран; 3 — осел из сел. Куль (Ягноб),
 4 — бык из сел. Бидив (по рис. автора); 5 — коза из сел. Урмитан (верховья Зарафшана; МАЭ, колл. № 3424-108); 6 — всадник из сел. Урмитан (МАЭ, колл. № 3424-113); 7 — осел из известнякового сланца, сел. Куль (по рис. автора).

пресытившись своим занятием, чуть не сразу все бросают камни и переходят к какой-нибудь другой игре, оставляя тут же на месте законченные вещи. Вся игра, собственно, и состоит в быстром оформлении того или другого животного, и редкая из сделанных из сланца игрушек со-

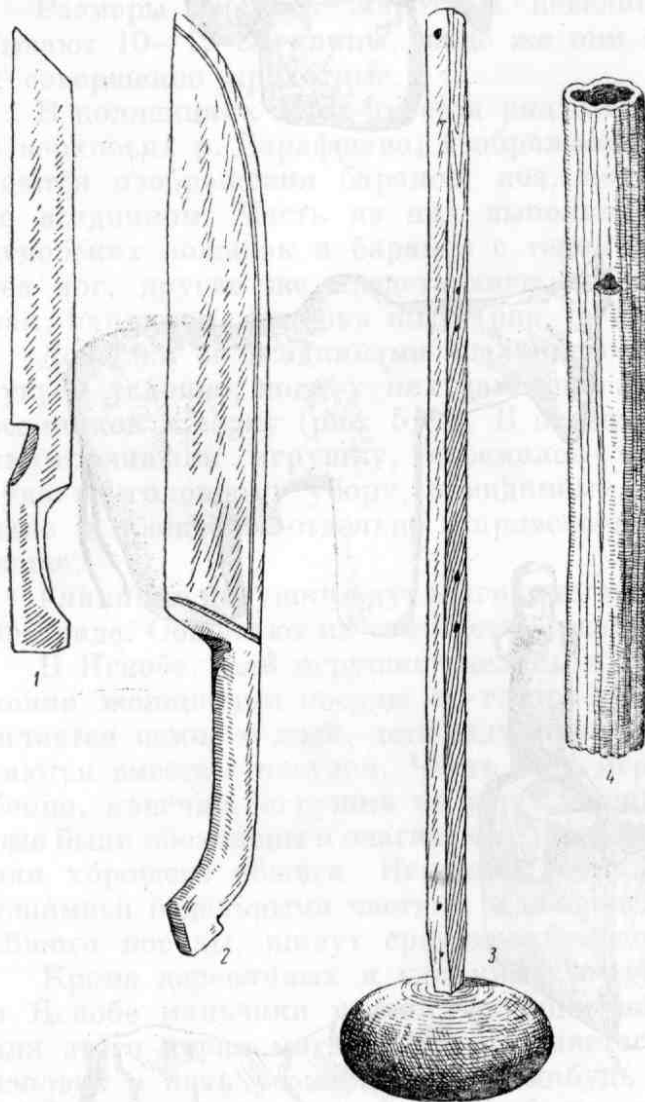

Рис. 6. Оружие и музыкальные инструменты.
1, 2 — деревянные ножи (МАЭ, колл. №№ 3655-378 и 377); 3 — палица (МАЭ, колл. № 2674-174); 4 — флейта (МАЭ, колл. № 3424-84).

лекциях МАЭ есть такая палица из сел. Поршнив в Шугнани. Она представляет собой палку длиной 75 см, с деревянным же набалдашником неправильной шаровидной формы (рис. 6, 3).

Палица как оружие часто упоминается в таджикских сказках, но и в жизни она долго еще не была забыта. Так, во время войны с басмачами в 20-х годах население Таджикистана часто выступало против них с палицами.

Чрезвычайно широко распространенной игрушкой является двухтетивный лук — *камон* или *зулаккамон* — «лук-праца» с кусочком кожи или тряпочки, пришитым к обеим тетивам, из которого стреляют при помощи камешка. Летом мальчуганы постоянно возятся с этими луками, отпугивая птиц от посевов и садов, и устраивают состязания, метко стреляя по заранее намеченным листьям на высоко расположенных ветвях

храняется более или менее продолжительный срок (рис. 5, 7).

Особую группу игрушек, которыми пользуются таджикские мальчики, составляют предметы вооружения, часть которых носит очень архаический характер. Изготавливают их как сами дети, так и взрослые. В коллекциях МАЭ имеются два деревянных игрушечных ножа из района озера Искандер-Куль. Один из них из сел. Сары-Таг сделан самим мальчиком и представляет собой продолговатую щепочку со слегка лишь отмеченной зарубками ручкой (рис. 6, 1), другой игрушечный нож из сел. Нарват передает все черты настоящего мужского ножа и был сделан заходящим мастером-деревообделочником по заказу отца мальчика (рис. 6, 2).

В одном из селений в долине Ванча я наблюдала за игрой мальчиков в войну. Некоторые из них были вооружены деревянными кривыми саблями, а у других в руках были палицы — *гурз*. Палицы в детской игрушке встречаются также и в припамирских районах. В кол-

деревьев. Дети настолько метко стреляют из этих луков, что даже убивают из них птиц. В 1925 г. в долине Язгулема я наблюдала за тем, как мальчик-охотник убил из лука воробья.

Наряду с луком также часто можно встретить в руках мальчиков пращи — *фалахмон*, сделанные из кусочка шерстяной тряпочки с пришитыми к нему двумя шерстяными же веревочками, при помощи которой они ловко мечут камешки.

В долине Ягноба распространены встречающиеся и в других районах игрушечные духовые ружья — *милтиқак* (уменьшительная форма от *милтиқ* — «ружье»). Они состоят из куска полого ствола травянистого растения *суфй*, употребляющегося очень часто детьми для изготовления игрушек, пробки, свернутой из тряпок, «пули» — *тир*, также сделанной из тряпок, и палочки, при помощи которой ружье приводится в действие. В один конец ружья заталкивается «пуля», а в другой — пробка. Затем палочкой ударяют по пробке, пробка уходит внутрь ствола, а «пуля» под действием сжатого воздуха вылетает наружу, производя такой же звук, как наши детские духовые ружья.

Существует еще более упрощенный тип духового ружья, так называемый *туфтуфак*. Оно представляет собой тростниковую трубочку 20—25 см длиной, в которую закладывают кусочек теста или комочек сырой глины и выдувают его при помощи собственных легких. Мальчуганы постоянно пускают их в ход во время семейных праздников, когда в доме собирается много людей. В коллекциях МАЭ имеется *туфтуфак* из сел. Поршнив в Шугнанае.¹

Рассмотрим теперь детские музыкальные инструменты и их изображения в игрушке.

Горные таджики большие любители музыки, пения и танцев. Без них не обходится ни один праздник, ни одно семейное торжество. Дети начинают танцевать и петь очень рано. Как только ребенок становится на ноги и делает первые попытки ходить, взрослые, и мужчины, и женщины, забавляясь с ним, учат его отбивать такт руками и танцевать. Часто можно видеть маленького мальчика или девочку с удовольствием приплясывающих в кружке сидящих женщин или девочек, поющих песню и отбивающих ритм ударами ладоней. У детей есть целый ряд своих песенок, которые они распевают в различных случаях жизни. Одни из них связаны с играми, другие были связаны с обрядами, требовавшими детского участия. Песни взрослых очень рано усваивались детьми. Пяти-шестилетние ребятки нередко знали уже большое количество песен, особенно свадебных, так как они являлись обязательными участниками свадебных торжеств и отсиживали всю свадьбу, окружая тесным кольцом тот угол дома, где сидела невеста, прислушиваясь и приглядываясь ко всему происходящему.

В 1946 г., во время моего пребывания в сел. Сари Шухон в Каратегине, в семье, где я жила, было двое маленьких ребят, девочка пяти лет и трехлетний мальчик. По вечерам они часто усаживались в кухне, спустив ноги в теплый очаг (дело происходило поздней осенью, и к вечеру бывало уже очень холодно), и громко распевали свадебные и другие песни к великому удовольствию и потехе взрослых. Девочка знала целый ряд песен очень твердо, а мальчик, забавно перевирая слова, усердно следовал за ней.

Среди детских игрушек постоянно попадаются игрушечные музыкальные инструменты. Часто из этих инструментов можно извлечь очень

¹ МАЭ, колл. № 2674-172.

далекие от мелодичности звуки или только воображаемые, но есть среди них и настоящие. Девочки имеют маленькие бубны — *дойра*, устроенные так же, как и настоящие. Они состоят из деревянного обруча, обтянутого пузыряем или кожей, иногда с подвесками из пластинок железа по внутренней или внешней стороне обода.

Играя с бубном, дети очень рано осваиваются со сложными танцевальными ритмами. В горном таджикском селении Брич-Мулла, расположенном в 90 км на северо-восток от Ташкента, устраивались лет двадцать тому назад веселые девичьи собрания, носившие название *лолазор* (*лола* — «тюльпан», «красный мак», *зор* — суффикс, обозначающий место, изобилующее чем-нибудь). Такие празднества устраивались весной и летом в садах, по обету, после того как исполнится загаданное желание.

Мне не раз приходилось видеть, как во время этих празднеств десятидвенадцатилетние девочки выступали в качестве всеми признанных мастериц игры на бубне и танцевали, не уступая в искусстве взрослым.

Маленькие девочки часто играют на *чанг* — варгане, который является специфическим женским инструментом всех народов, населяющих Среднюю Азию.

Среди игрушек мальчиков встречаются изображения мужских музыкальных инструментов. В долине Ванча мне встречались игрушечные *дугтар* — двухструнные деревянные инструменты с длинным грифом и небольшим резонатором, дающие очень слабый дребезжащий звук. Там же довольно часто можно было видеть игрушечные *рубаб* — струнные инструменты с кожаной верхней декой. Делают их взрослые, часто даже мастера музыкальных инструментов, но понастоящему звучащих инструментов мне видеть не приходилось.

В припамирских районах и на Ванче же нередко встречается игрушечная труба — *қирнай*, изготовляемая из рога дикого козла.

Во всех горных районах Таджикистана мальчики постарше делают себе флейточки — *най* — с двумя и больше ладами, из полых стволов травянистых растений. Флейты эти обычно если и дают звук, то только тогда, когда они еще не высохли. В коллекциях МАЭ имеется такая флейта, сделанная из растения *зузута*, из сел. Урмитан в долине Зарафшана (рис. 6, А).

Кроме перечисленных игрушек и музыкальных инструментов, у горных таджиков имеется целый ряд хозяйственных предметов, исполняющих двойную роль в детской жизни.

Новорожденным детям в первые дни после рождения таджики в качестве единственной пищи давали перетопленное коровье масло, которое сохранялось в специальных миниатюрных горшочках. Горшочки эти по миновании надобности передавались девочкам, которые варили в них пищу во время своих игр.

В Ягнобе и на южных склонах Гисарского хребта для прикармливания грудных детей молоком и жидким молочным киселем вместо соски употреблялись маленькие глиняные кувшинчики с носиком. Из таких же кувшинчиков поили очень маленьких детей водой, и они же являлись вместе с тем и игрушкой, изображающей в детских руках кувшинчики для омовения, когда дети, играя во взрослых, совершали омовения в своих игрушечных домах.

В долине Ванча часто можно встретить среди предметов детского обихода специально изготовляемые особые деревянные чашечки лодкевидной формы, носящие название *кашкул* или *киштинак* — «лодочка».

«кораблик», из которых детей поят водой и которые вместе с тем служат им игрушкой.

В припамирских районах дети постоянно играют с маленькими лопаточками с короткой ручкой, вырезанными из дерева или рога дикого козла. Лопаточки эти вместе с тем служат как детям, так и взрослым вместо ложки специально для еды свежесмолотого толокна из сушеных плодов шелковицы, пока оно не слипнется и не потеряет вида муки.

В тех же припамирских районах и в соседней с ними долине Ванча среди прочей домашней утвари имеются небольшие деревянные, иногда очень затейливо разукрашенные резьбой детские ложки, которые вместе с тем служат детям и игрушкой.

В Ягнобе в 20-х годах нашего столетия в начале лета, пока скот еще не был отогнан на горные пастбища и его выпасали вблизи селений, мальчики, а иногда и девочки пасли ягнят, обращая это занятие наполовину в игру. В числе предметов их пастушеского снаряжения имелись кремь и огниво, а также козлиные и бараньи рожки, затыкающиеся с одного конца пробкой, служившие для хранения соли, и *калхймча* — небольшие палочки, заостренные с одного конца. Ребятишки, уходя на несколько часов из дома, брали с собой только хлеб, а остальную еду добывали сами. Собирали грибы, для вызывания роста которых у них прежде имелись собственные магические приемы, разыскивали съедобные растения и при помощи *калхймча* выкапывали различные корешки. Потом раскладывали костер, пекли в нем грибы и устраивали пир из своей добычи.¹

У девочек, кроме кукол и относящихся к ним непосредственно предметов кукольного хозяйства, имеется большое количество игрушек, изображающих домашнюю утварь. Кухня, печенье хлеба, молочное хозяйство — все передается в игрушках девочек, отражая местные особенности отдельных районов.

Как мальчик, играя в свои игрушки, легко переходит от игры с ними к настоящему труду, так и девочка, пройдя всю хозяйственную школу на своей игрушечной кухне, молочном хозяйстве и т. д., твердо зная, что нужно говорить и делать с куклами, изображающими и мужчин, и женщин, и детей в различных жизненных обстоятельствах, без труда осваивается в дальнейшем в своих семейных и хозяйственных обязанностях.

В скудном малоземельном в прошлом хозяйстве ягнобцев, с почти полным отсутствием мяса в числе продуктов питания, молоко и молочные продукты, заготавливаемые впрок, являлись всегда большим жизненным подспорьем. Молочное хозяйство поэтому велось женщинами чрезвычайно тщательно, и уход за скотом, обращение с молоком и все стадии приготовления молочных продуктов сопровождалось бесчисленным количеством поверий и оберегов.

Девочки, присматриваясь к материнским занятиям, часто при этом даже поощряемые взрослыми, переносили в игру всю окружающую их житейскую обстановку, повторяя в своих играх много раз все те специфически женские работы, которые в дальнейшем, когда они вырастут, им предстояло вести в доме.

В Ягнобе, вообще богатом детской игрушкой, особенно поражает количество и изобилие видов игрушек, связанных с молочным хозяйством.

¹ Дети знают массу съедобных растений. Работая с М. С. Андреевым и Н. В. Русиновой в 1927 г. в Ягнобе, мы собрали гербарий из более чем тридцати видов дикорастущих съедобных растений, употреблявшихся ягнобцами в пищу, и главными нашими поставщиками при сборах были дети.

Просматривая состав предметов этой игрушки, можно составить себе полное представление о всей утвари, связанной с молочным хозяйством в ягнобском доме.

В игрушечном инвентаре ягнобской девочки имеются *чагна* — кувшинчики из обожженной глины с ручкой и широким горлом, закрывающиеся глиняной же вогнутой крышечкой, с одним или несколькими отверстиями в ней. При доении молока на отверстия эти кладут мелкую травку или кусочек шерсти, через которые молоко процеживается, как через сито. Для того чтобы крышечка не могла соскочить, она привязывается при помощи веревочки к ручке кувшина, продеваясь через специально сделанное для этого отверстие у края крышки (рис. 7, 1, 1а).

Игрушечные *чагна* очень варьируют в размерах, начиная от маленьких (4—5 см высотой) и кончая кувшинчиками, высота которых достигает 10—12 см, в которые старшие девочки доят коз, помогая матерям в хозяйстве. Кувшинчики с крышечкой для доения являются специфическими для Ягноба и в других местах нигде не встречаются.

Кроме этих кувшинчиков, в детской игрушке встречаются и деревянные сосудики-подойники, носящие название *согъ*, широко распространенные и в соседних с Ягнобом районах. Для предохранения молока от пыли, мышей и домашних животных деревянные сосуды с молоком закрываются *тоба* — плоскими крышками, сделанными из камней (рис. 7, 2). Ягнобские девочки делают эти крышки из тех же мягких известковистых сланцев, из которых мальчики выбивают фигурки животных.

Для собирания дневного удоя молока и для переноски его в детском хозяйстве имеются кувшины с ручкой — *калла*, а для отстаивания сливок и заквашивания молока — прямостенные, несколько расширяющиеся кверху чашки *кюлла* (рис. 7, 3).

Для сбивания масла у горных таджиков имеется три типа маслобок. Население Ягноба пользуется всеми тремя типами, и все они отражены и в детской игрушке этого района.

Первый из них — *кунпи* — представляет собой высокий, несколько суживающийся кверху сосуд, со вставным дном или выдолбленный из дерева, или же сделанный из узких планок, скрепленных наверху и внизу обручами. Мутовка к нему делается из длинной палки с крестовиной на нижнем конце. Она при сбивании масла в такой маслобойке движется по вертикали.

В ягнобских игрушках маслобойка этого типа изготавливается из стволов растения *суфй*, уже не раз упоминавшегося мной как материал для разных игрушек. Эти маслобойки являются временной игрушкой, так как, высыхая, теряют свою форму, и девочки всякий раз делают их заново.

В коллекции МАЭ имеется прекрасно выполненная игрушечная *кунпи* из сел. Мадрушкат в верховьях долины Зарафшана, сделанная из отдельных планочек (рис. 7, 4, 4а).

На юг от Гисарского хребта во всех районах Таджикистана распространен иной тип маслобойки. Эта маслобойка представляет собой глиняный горшок, в который вставляется деревянная невысокая мутовка, удерживаемая в вертикальном положении при помощи одного или двух деревянных колец, прикрепляемых веревками либо к столбу в доме, либо к вбиваемому в землю колу. Мутовка приводится во вращательное движение при помощи ремня, подобно ручному токарному станку.

Этот тип маслобойки я наблюдала в Ягнобе в сел. Бидив в 1927 г. Она была изготовлена детьми, передавшими очень точно все детали устройства настоящей маслобойки, вплоть до ремешка, правильно завернутого вокруг мутовки (рис. 7, 5).

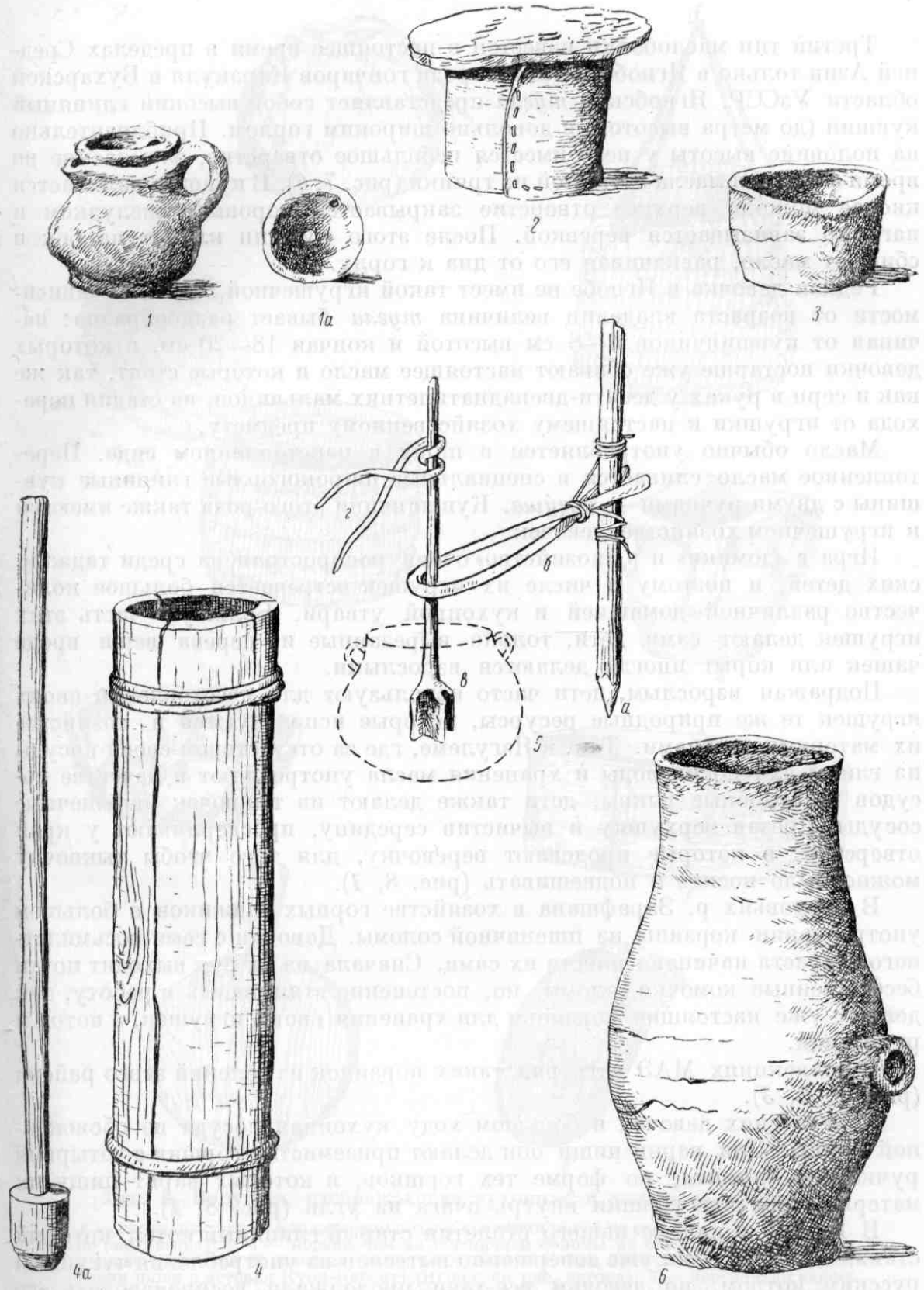

Рис. 7. Предметы молочного хозяйства.

1 — подойник; 1а — крышечка-сито к нему, сел. Бидив (Ягноб); 2 — деревянный сосуд для молока с крышкой из камня, сел. Бидив; 3 — глиняный сосуд для отстаивания сливок и заквашивания молока, сел. Бидив (по рис. автора); 4, 4а — деревянная маслобойка с мутовкой, сел. Мадрушнат (верховья Зарафшана; МАЭ, колл. № 3339-86а, б); 5 — прибор для сбивания масла, сел. Бидив: а — кол, вбивающийся в землю, б — кольцо, в котором ходит мутовка, в — мутовка, г — ремень, при помощи которого вращается мутовка; 6 — глиняная маслобойка (Ягноб; по рис. автора).

Третий тип маслобойки известен в настоящее время в пределах Средней Азии только в Ягнобе, а также среди гончаров Каракуля в Бухарской области УзССР. Ягнобская *тўзла* представляет собой высокий глиняный кувшин (до метра высотой) с довольно широким горлом. Приблизительно на половине высоты у него имеется небольшое отверстие, затыкаемое во время сбивания масла затычкой из тряпки (рис. 7, 6). В кувшин наливается кислое молоко, верхнее отверстие закрывается коровьим желудком и наглухо завязывается веревкой. После этого кувшин кладут на бок и сбивают масло, раскачивая его от дна к горлу.

Редкая девочка в Ягнобе не имеет такой игрушечной *тўзла*. В зависимости от возраста владелиц величина *тўзла* бывает разнообразна: начиная от кувшинчиков 6—8 см высотой и кончая 18—20 см, в которых девочки постарше уже сбивают настоящее масло и которые стоят, так же как и серп в руках у десяти-двенадцатилетних мальчиков, на стадии перехода от игрушки к настоящему хозяйственному предмету.

Масло обычно употребляется в пищу в перетопленном виде. Перетопленное масло сливается в специальные широкогорлые глиняные кувшины с двумя ручками — *дугўша*. Кувшинчики этого рода также имеются в игрушечном хозяйстве девочек.

Игра в «домики» и в «хозяйство» очень распространена среди таджикских детей, и поэтому в числе их игрушек встречается большое количество различной домашней и кухонной утвари. Большую часть этих игрушек делают сами дети, только вырезанные из дерева вещи вроде чашек или корыт иногда делаются взрослыми.

Подражая взрослым, дети часто используют для изготовления своих игрушек те же природные ресурсы, которые используются в хозяйстве их матерями и отцами. Так, в Язгулеме, где за отсутствием своей посуды из глины для носки воды и хранения масла употребляют в качестве сосудов несъедобные тыквы, дети также делают из тыквочек игрушечные сосуды. Срезав верхушку и вычистив середину, просверливают у края отверстия, в которые продевают веревочку, для того чтобы тыквочку можно было носить и подвешивать (рис. 8, 1).

В верховьях р. Зарафшана в хозяйстве горных таджиков в большом употреблении корзины из пшеничной соломы. Девочки с семи-восьмилетнего возраста начинают плести их сами. Сначала из их рук выходят почти бесформенные комочки соломы, но, постепенно втянувшись в работу, они делают уже настоящие корзинки для хранения своих игрушек, а потом и рукоделий.

В коллекциях МАЭ есть ряд таких корзиночек из селений этого района (рис. 8, 2, 3).

У ягнобских девочек в большом ходу кухонная посуда из обожженной глины. Для варки пищи они делают приземистые горшки с четырьмя ручками — *чоргўша*, по форме тех горшков, в которых варят пищу их матери, ставя эти горшки внутрь очага на угли (рис. 8, 4).

В Ягнобе в начале нашего столетия старый глиняный котел, который ставили на очаг, был уже совершенно вытеснен из употребления чугунным русским котлом, но девочки все-таки продолжали воспроизводить его форму в игрушке. Котелки эти можно было встретить в детских руках довольно часто, они варьируют в размерах от крошечных, вместимостью 20—30 см³, до вмещающих в себя до пол-литра. В таких котлах девочки постарше варили пищу и кипятили молоко.

Большое место в игре в «хозяйство» занимает печение хлеба, что также отражается и на количестве игрушки, изображающей связанную с этим хозяйственную утварь.

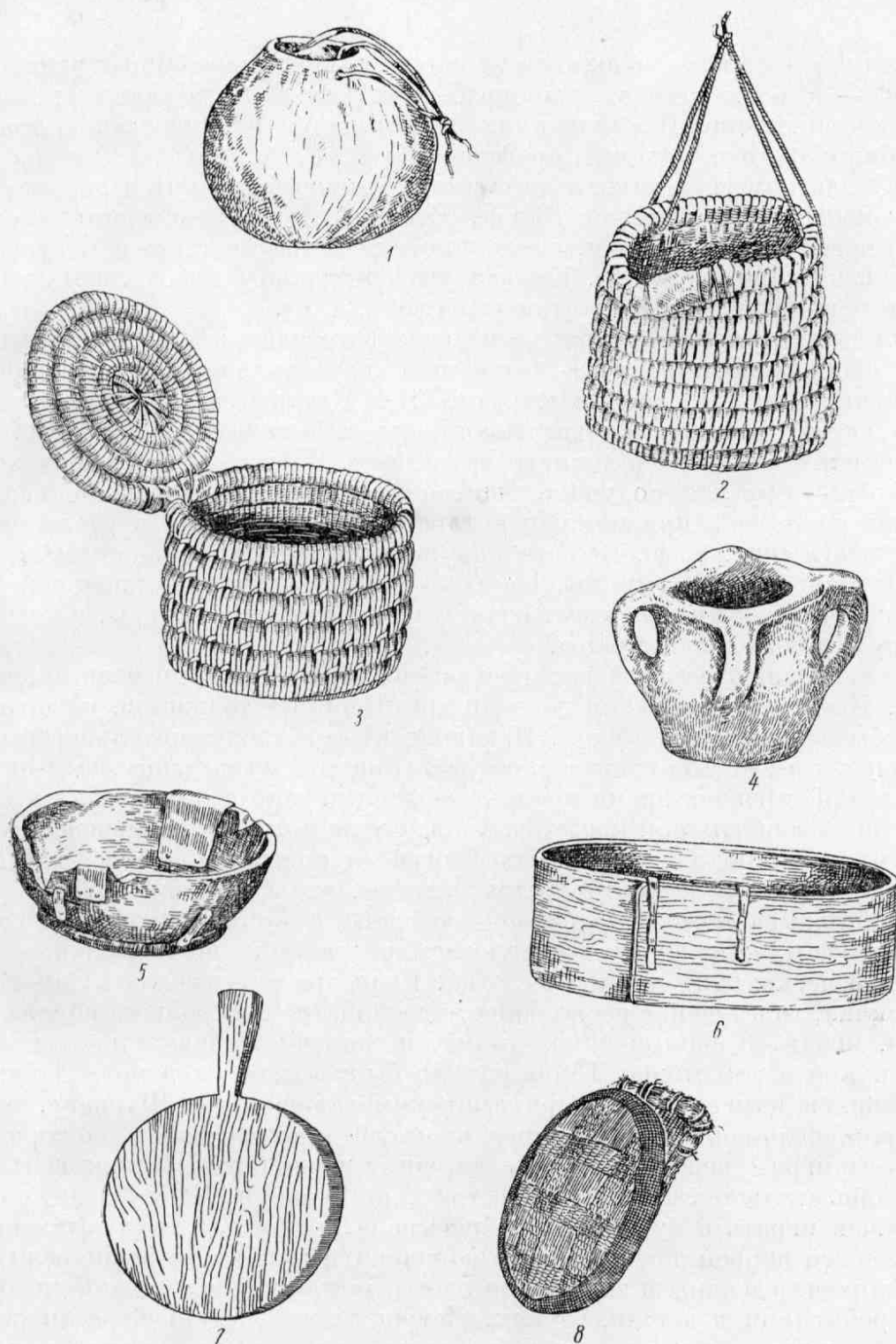

Рис. 8. Игрушки, изображающие кухонные и домашние предметы.

1 — сосуд из тыквы для ношения воды и хранения масла из сел. Андарбаг (Язгулем; по рис. автора); 2, 3 — корзиночки из пшеничной соломы из сел. Пальдорак и Мадрушкат (верховья Заравшана; МАЭ, колл. №№ 3339-324, 3339-295); 4 — горшок для варки пицци с летовья Кули-Варсоут (Ягноб; по рис. автора); 5 — деревянная чашка для заквашивания теста из сел. Мадрушкат (МАЭ, колл. № 3339-301); 6 — деревянный сосуд с вставным дном для заквашивания теста из сел. Андарбаг (по рис. автора); 7 — доска для разделывания лепешек из сел. Мадрушкат (МАЭ, колл. 3339-89); 8 — подушечка для прилепливания лепешек из сел. Мадрушкат (МАЭ, колл. № 3339-85).

Таджики в горах заквашивают тесто в больших деревянных чашках — *карсон*, — и в тех районах, где они бытуют, мы их постоянно встречаем и в детской игрушке. В коллекциях МАЭ имеется игрушечный *карсон* из сел. Мадрушкат в долине Зарафшана (рис. 8, 5).

В Областном дошкольном кабинете в Ташкенте хранятся игрушечные *карсон* из Ягноба и долины Ванча. Там же хранится деревянный сосуд в виде невысокого лукошка, служащий для закваски теста в Язгулеме и носящий название *хымазан*. Когда я его покупала у девочек в Язгулеме, внутри него были видны остатки теста (рис. 8, 6).

Для разделывания хлеба у девочек встречаются круглые кусочки кожи, изображающие *суфра* — кожаную скатерть, на которой женщины просеивают муку и разделывают тесто. В МАЭ имеется игрушечная доска для раскатывания теста и разделывания его на круглые лепешки (рис. 8, 7), вывезенная из верховьев долины Зарафшана. Из тех же мест происходит и *рафида*, — круглая подушка, сшитая из тряпок, на которую кладется лепешка из теста и при помощи которой прихлопывается к раскаленной стенке очага (рис. 8, 8). Все эти игрушки употребляются, как было уже сказано, при игре в «домики». Наиболее мелкие из них по размерам принадлежат часто к кукольному хозяйству и входят уже в игры, в которых основную роль играют куклы.

Самой главной и самой распространенной игрушкой девочек является кукла. Нет, кажется, такой девочки среди горных таджиков, которая не имела бы трех-четырех кукол. Играют в куклы продолжительное время, начиная с трех-четырёхлетнего возраста вплоть до четырнадцати-пятнадцати лет. В прежнее время девушки обычно играли в них до замужества, и нередко были случаи, когда, выходя замуж, они увозили своих кукол в дом мужа и продолжали играть с ними до рождения первого ребенка.

Следует здесь учесть то обстоятельство, что были случаи, особенно при так называемом *гаворабахи* — «сговоре в колыбели», что девочку выдавали замуж в девяти-десятилетнем возрасте и она оставалась еще в течение нескольких лет в доме отца. Если она переезжала в дом родителей мужа, то в течение нескольких лет жила при свекрови на положении дочери, играя со своими однолетками, и, конечно, обязательно увозила своих кукол в дом мужа. Такие случаи были отмечены в моих записях, относящихся к ягнобцам и припамирским таджикам в Шугнани.

Кукла среди горных таджиков раньше считалась символом плодородия, и поэтому игра с ней поощрялась старшими женщинами. В долине Ях-Су куклы обязательно увозились невестой в дом жениха. Молодая женщина, прекращая играть в куклы, не выбрасывала, а прятала их и затем передавала своей первой дочери. Часто попадаются куклы, особенно если они очень хорошо сделаны и тщательно одеты, носящие следы очень длительного пребывания в детских руках. Девочки всегда очень берегли своих кукол, и кукла являлась одним из очень немногих предметов в доме, который имел свое постоянное место и не бросался где и как попало.

В зависимости от возраста, а отчасти и социального положения девочки куклы имели или очень примитивный вид, или, наоборот, бывали настолько тщательно сделаны и одеты, что передавали характер общего облика жительницы или жителя того места, откуда они происходят.

Подробность изображения кукольного костюма колеблется от кусочка тряпочки с дыркой посередине, надетого на крестовинку плеч куклы, до детальной выдержанности в изображении всех мелких черт одежды, обуви, прически и украшений и даже амулетов.

Остов куклы всегда делается из палочек или тряпочек. Он бывает более или менее сложный. Простейший представляет собой просто тоненькую

палочку. Чаще всего это палочка с привязанной к ней поперечной палочкой покороче, изображающей руки и плечи, причем в зависимости от передачи внешнего облика куклы палочка эта привязывается выше или ниже. Поэтому, например, в ряде мест по южным склонам Гисарского хребта у кукол всегда бывает очень длинная шея. Иногда для изображения ног длинная палочка берется с развилкой на нижнем конце или тело и ноги изображаются при помощи двух палочек, связанных вместе (рис. 9). Голова в таких случаях делается чаще всего из тряпочки, свернутой жгутиком, который завертывается тугой спиралью и прикрепляется на верхнем конце палочки. В большинстве случаев кончик палочки несколько возвышается над головой. Делается это для того, чтобы легче было укреплять головной убор куклы. Сверху голова обтягивается белой кисейкой. В тех местах, где куклы делаются с длинной шеей, обтягивается тряпочкой и шея. Лицо куклы передается двумя способами: наиболее частым из них является заплетание шелковыми или бумажными нитками и реже — вышивание иглой черт лица.

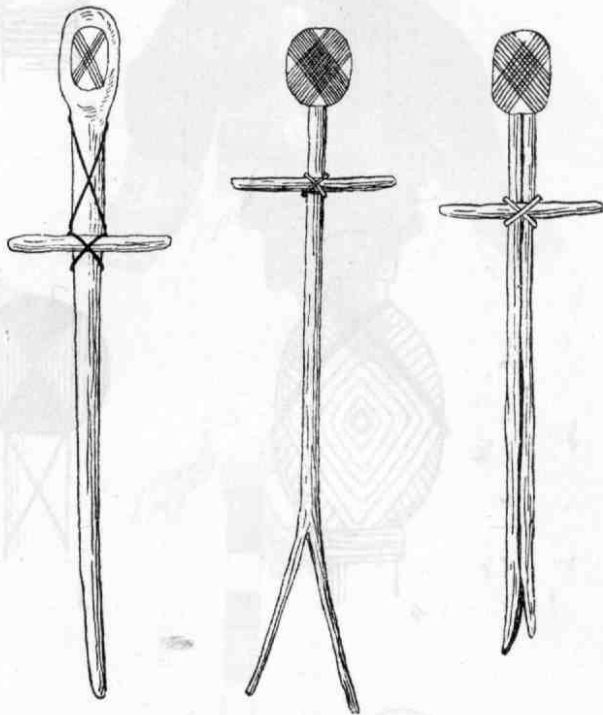

Рис. 9. Устройство куклы.

При заплетании нитками самым простым изображением лица является крест из двух перекрещенных, обычно черных ниток (рис. 10, 1). При некотором усложнении этот крест может быть двойным или тройным (рис. 10, 2). При плотном заплетании нитками разных цветов рисунок креста очень усложняется и иногда дает впечатление человеческого лица (рис. 10, 3). Кроме того, при помощи переплетания ниток при изображении лица получаются фигуры ромба (рис. 10, 4) или двух соприкасающихся вершинами треугольников (рис. 10, 5).

Следует сказать, что таджикские женщины и девочки сами воспринимали эти геометрические фигуры как реалистическое воспроизведение лица. Я много раз проверяла этот факт, разговаривая с женщинами и наблюдая за девочками, занятыми изготовлением кукол, а также прислушиваясь к их разговорам.

Заплетая лица кукол и вводя в известный момент нитки разных цветов, они обычно говорят друг другу, какого цвета глаза они делают: голубые, черные или карие. В долине Ях-Су поперек заплетенного ромбом лица дополнительно протягивается черная нитка, изображающая брови (рис. 10, 6). Иногда брови передаются при помощи толстых черных ниток, окаймляющих верхний угол ромба (10, 4).

Во всех местах наряду с заплетанием лица нитками существует и способ вышивания черт лица цветными нитками при помощи иглы.

В долине Зарафшана и Ягнобе брови, глаза, а иногда нос и рот делаются черными, а румянец на щеках и подбородке малиновыми или

красными нитками, причем глаза изображаются точками (рис. 10, 7, 8). В прикамских районах и в долине Ванча часто встречаются такие лица у кукол, где черными изображаются только глаза и брови, а нос изобра-

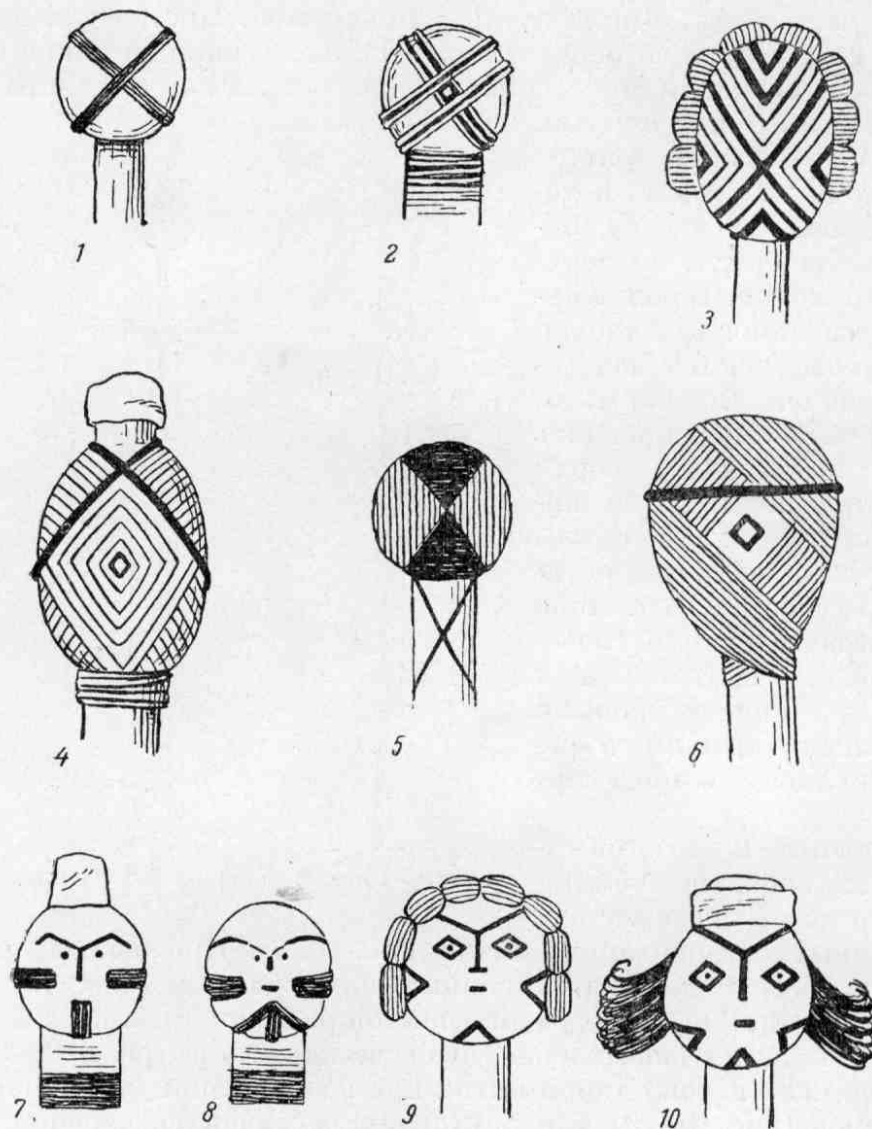

Рис. 10. Изображение лица куклы.

1—6 — изображение лица куклы при помощи переплетения цветных ниток: 1 — простейшее переплетение в виде косога креста, 2 — лицо куклы из сел. Деминора (верховья Зарафшана; МАЭ, колл. № 3339-337), 3 — лицо куклы из Рушана (по рис. автора), 4 — лицо куклы из сел. Обурдан (верховья Зарафшана; МАЭ, колл. № 3083-4), 5 — лицо куклы из сел. Ромит (южные склоны Гисарского хребта), 6 — лицо куклы из сел. Питауди (долина Ях-Су; по рис. автора); 7—10 — изображение лица куклы при помощи вышивания цветными нитками: 7, 8 — из селений Деминора и Мадрушкат (верховья Зарафшана; МАЭ, колл. №№ 3339-348, 3329-119), 9, 10 — из Рушана (по рис. автора).

жается малиновой или красной ниточкой, так же как рот и румянец. Глаза изображаются в виде ромбов с точкой в центре, а румянец в виде треугольников (рис. 10, 9, 10).

При таком способе изображения лица нередко передается тип лица, присущий той народности, которой принадлежит кукла,¹ и подчерки-

¹ В коллекции Гос. Музея этнографии народов СССР у ряда кукол уйгуров из Кучара очень характерно передан монголоидный разрез глаз (колл. С. Ф. Ольденбурга, № 5275).

Рис. 11. Куклы.

1, 2 — куклы, изображающие мужчин (верховья Зарафшана); 1 — из сел. Мадрушкат (МАЭ, колл. 3339-103), 2 — из сел. Пальдорак (МАЭ, колл. № 3083-8); 3, 4 — куклы, изображающие молодую женщину и девушку из сел. Шингилич в Каратегине (МАЭ, колл. №№ 3083-12, 13).

ваются требования, предъявляемые к красивому лицу: большие глаза, прямо поставленные или слегка скошенные, соединенные на лбу брови, маленький рот и т. д. Никакой разницы в отношении к тем куклам, лица которых выполнены реалистически, и к тем, у которых лицо изображается геометрически, не наблюдается. Первые чаще встречаются в тех случаях, когда вся кукла сделана более тщательно, вторые больше у кукол примитивных, но это совсем не обязательно, и сплошь и рядом у очень хорошо сделанных кукол лицо бывает в виде ромба или сложного креста.

Волосы у кукол делаются из различных материалов. Встречаются куклы с косами, сделанными из женских волос, а также и из конского волоса, шелковых и бумажных ниток и овечьей шерсти. Местная прическа передается очень тщательно. В наиболее характерных случаях по одной прическе куклы можно бывает определить и место, откуда происходит кукла, и кого она изображает — девушку или женщину. Иногда кукольная прическа передает старинную манеру заплетать волосы. В долине Ванча в 1925 г. мне встречались куклы, у которых почти вся поверхность головы была покрыта очень искусно заплетенными в три и пять прядей косами, которые внизу были сплетены в две. Эта прическа, которую встарину носили молодые женщины, в то время уже вышла из повседневного употребления, и они заплетали волосы в простые две косы за ушами.

У кукол в Рушане и Шугнани, согласно принятой там манере носить волосы, косы заплетаются над ушами и в них вплетаются косоцветки из цветной, часто красноватой шерсти. Фасоны и виды косоцветков весьма строго соблюдаются. Подчеркивается также манера ношения кос: для долины Ванча, например, перекладывание одной косы вперед или подбирание концов кос подмышку.

Кроме кукол, устройство которых было описано выше, имеются также куклы более сложного устройства, с подвижными руками, носящие название *бозингар*, т. е. «плясунья». Эти куклы особенно были распространены в верховьях долины Зарафшана, в Матче, а также в Ягнобе; в других горных районах они также встречались, но в меньшем количестве. Делаются они следующим образом: берут плоскую щепку какой-нибудь мягкой древесной породы, обычно тополевою. В Ягнобе иногда вырезают барельефом голову в виде ромба. В Матче обычно голову делают из тряпочек. Крестовинку плеч с углублениями по концам для прикрепления рук иногда вырезают из той же щепочки, а чаще делают из двух отдельных щепочек, прикрепляемых к телу куклы веревочкой. На концах плеч просверливают или прожигают отверстия. Такие же отверстия проделывают в верхних концах щепочек-рук, и руки прикрепляют к плечу при помощи деревянного шарнира. У самого верхнего кончика рук делают зарубочки или также просверливают дырочки, к которым привязывают концами длинную веревочку, спускающуюся петлей вниз. К верхушке головы куклы также прикрепляют веревочку, пропускающуюся при одевании куклы в специально проделываемые в головных платках дырочки (рис. 12, 1, 2).

Чтобы привести куклу в действие, заставить ее «танцевать», левой рукой берут за верхний шнурок и, держа куклу на весу, правой дергают за петлю, обычно свисающую из-под платья куклы. Руки куклы при этом двигаются, и движения их, благодаря длинным рукавам рубахи, болтающимся в воздухе, очень напоминают движения рук танцующей женщины (рис. 13, 1).

Куклы-дергунчики обычно принадлежат девочкам постарше. По размерам они всегда крупнее других кукол и обычно бывают около 20—25 см длиной.

В Ягнобе в отдельных случаях встречаются также куклы и более крупных размеров. Мне приходилось видеть куклы почти до полметра ростом.

Куклы, изображающие мужчин, как правило, встречаются в гораздо меньшем количестве, чем куклы, изображающие женщин и девушек, и делаются они в большинстве мест гораздо примитивнее женских кукол. В огромном большинстве их делают, не отмечая специально лица. Для остова куклы берут чаще всего часть расщепленного ствола тростника. Крестовинка плеч привязывается очень низко с возвышающейся над ней

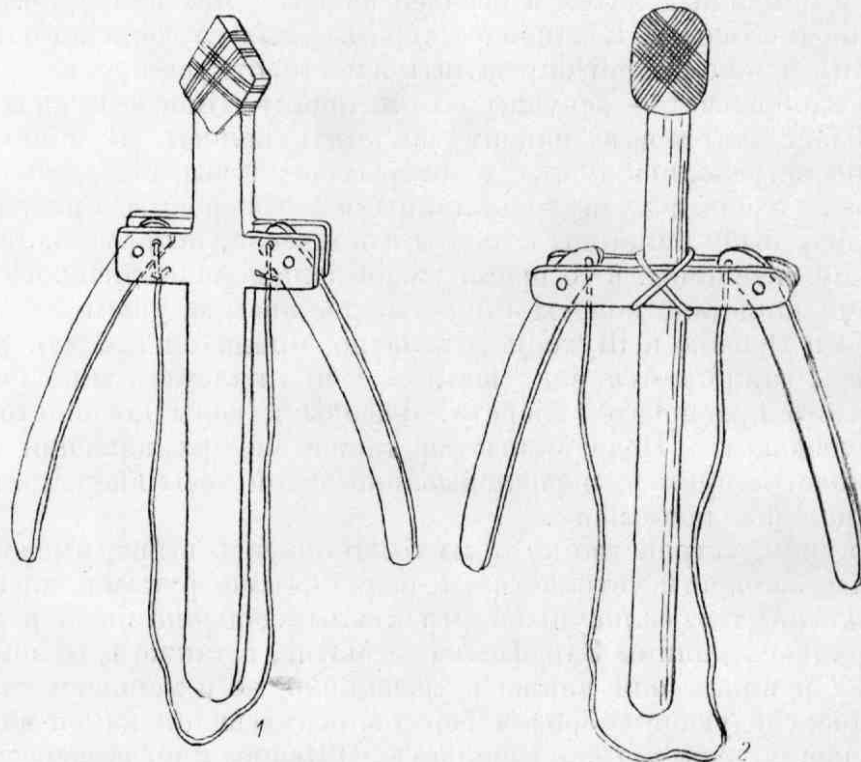

Рис. 12. Устройство куклы-дергунчика.

1 — Ягноб; 2 — верховья Зарафшана (по рис. автора).

длинной шеей, которая заматывается цветными нитками, горизонтальными пестрыми полосами. На крестовинку надевается халат, всегда подпоясанный, для того чтобы он хорошо держался. На верхний конец шеи иногда наматывается тряпочка, изображающая чалму, но это бывает сравнительно редко (рис. 11, 1, 2). На Ванче и в припамирских странах в отличие от всех других мест куклы, изображающие мужчин, хотя также менее многочисленные, чем женские, делаются, так же как и последние, с лицом в виде ромба из цветных ниток или с вышитыми чертами лица. На Ванче куклы-мужчины часто изображаются с бородой. Для этого нижняя часть лица куклы обшивается при помощи иглы черной шелковой ниткой, а затем оплетается сплошным рядом свободно свисающих петель, верхней границей которых служит первая нитка. Получается впечатление лица, обрамленного бородой, с аккуратно подбритыми щеками, как это принято у таджиков (рис. 14, 3).

По своим размерам мужские куклы в долине Ванча не разнятся от женских и так же хорошо одеты, как они, тогда как в других местах мужские куклы всегда делаются ростом ниже женских и их одевают гораздо проще.

Рис. 13. Куклы-дергунчики из сел. Мадрушкат (верховья Зарафшана).
 1 — МАЭ, колл. № 3339-125; 2 — МАЭ, колл. № 3339-127; 3 — МАЭ, колл. № 3339-133.

Благодаря этому «женихи», которых они изображают, сильно теряют в глазах зрителей по сравнению с «невестами».

В куклах, изображающих детей, их детский возраст выражается в более мелких по сравнению с «матерью» размерах. Очень мелкие куколки-дети часто делаются без лица. Различие пола подчеркивается костюмом. Мальчики одеты в подпоясанные халатики, иногда на голове имеют чалму и *кокул* — косичку, оставляемую на бритой голове мальчика в знак данного обета, до определенного возраста. У девочек всегда на голову накинута платок. Неродившиеся еще дети изображаются в виде связанных крестиком палочек и помещаются под платьем у куклы-«матери» на месте живота.

У горных таджиков мне приходилось отмечать сравнительно немного таких случаев, когда кукла изображала бы ребенка играющей с ней девочки. Кукольная жизнь отделяется от человеческой, и имеется целый ряд кукольных персонажей, живущих и действующих в своем кукольном мире, имеющем свои особые названия. У горных таджиков кукла вообще называется одним названием, которое варьирует по отдельным местам. В долине Зарафшана, в пределах горной ее части, куклу называют *луфтак* || *лифтак*, в долине Сурхоба — *луфтак* || *лужкак*, в районе Ховалинга — *луфтук*, в долине реки Ях-Су и в долинах рек Хингоу и Ванча — *лужкак*. В припамирских районах она называется *вазоқ* — в Язгулеме и *вазақ* — в Рушане, а в Ягнобе она носит название *пуччак*.

Куклы-дергунчики носят название *бозингар* — «танцовщица» (от слова *бозӣ* — «игра», «танец»), а в Ягнобе — *арзушчӣ*, также «танцовщица» (от слова *арзуш* — «танец», употребляемого и таджиками).

Куклы-мужчины называются *шахкак* или *шахак*, что в переводе на русский язык значит «женишок», от *шах* || *шоҳ* — «жених», «князь»; наряду с этим в долине Зарафшана и Ванче отмечено название *шомард* — «жених», от *шо* — «князь» + *мард* — «мужчина», «человек». Этим названием определяется постоянное назначение этих кукол изображать в игре жениха. В Ягнобе, где жениха называют общим с таджикским названием *шах* — «князь», «царь», куклу-мужчину называют *мортиёк* — уменьш. от слова *морти* — «мужчина», «муж».

Куклы-женихи бывают нарядно одеты в хорошие халатики, полы, подол и концы рукавов которых бывают оплетены шелковой тесьмой — *зеҳ*. Пояс в виде квадратного платка, свернутого на угол, которым они подпоясаны, украшен вышивкой. Иногда за пояс бывает воткнут особый свадебный платочек, который обычно вышивает для жениха его будущая теща. В Ягнобе на поясе у него бывают привешены ножны для ножа. На голове у таких кукол повязывается чалма.

Куклы, изображающие жениха и невесту, являлись настолько важными по своему значению в игре, что их иногда заказывали особо искусно их делающим женщинам. В 1925 г. в долине Ванча мне пришлось видеть такую пару кукол. Кукла-жених имела лицо, заплетенное нитками фигурой ромба и обрамленное бородой. На голове у нее была очень аккуратно повязанная белая чалма. Одета кукла была чрезвычайно тщательно. Внизу на ней была надета белая рубашка длиной до колен, с вышитой шелком грудью. Поверх рубахи три казакина такой же длины, как рубаха. Два нижних ситцевые, а верхний шелковый. Все они подшиты и простроены по правой стороне шелковой ниткой. Пояс был сделан из медной цепочки и за пояс заткнут платочек. Из-под казакина видны были штаны из шелковой материи, расшитые внизу узором. На концы палочек ног плотно насажены вырезанные из дерева сапожки, покрашенные в черный цвет (рис. 14, 1).

Кукла-невеста была сделана не менее тщательно. Черты лица у нее были вышиты черным и красным шелком. Косы в виде четырех шелковых

Рис. 14. Куклы из долины р. Ванча.

1, 2 — «жених и невеста»; 3 — кукла-мужчина; 4 — кукла-замужняя женщина
(по фотогр. автора).

пшурков украшены косоплетками с цветными кистями на концах, две косы спущены вперед и две за спину и соединены попарно передние с задними. Одета она была в две рубахи: нижнюю шелковую и верхнюю из белого тюля. Голова обвернута платком, конец которого опускался на правое плечо и был закинут под левую руку. На ногах у нее были намотаны красные тряпочки и надеты узкие штаны, из которых виднелись концы ног в виде красных башмачков (рис. 14, 2).

Куклы женского пола, кроме общего их названия, имеют и другие, обозначающие их семейное и социальное положение, что определяется их одеждой и прической. Куклы — девочки и девушки — называются *духтар* — «девушка», «дочь». Куклы — невесты и молодухи — *арусак* (уменьш. от слова *арус* — «невеста», «молодая»). Эти последние куклы бывают чрезвычайно любопытны по своему костюму как в отношении особой нарядности, так и тщательности выполнения мелких подробностей костюма, в котором сохраняются иногда некоторые архаические черты, редко встречающиеся в подлинном женском костюме. Так, например, девочки и девушки еще в 20-х годах нашего столетия носили рубахи с небольшим горизонтальным разрезом у шеи, совершенно закрытые на груди. Выходя замуж, девушка некоторое время не меняла покроя ворота и снашивала сначала рубахи, сшитые ей в родительском доме к свадьбе. Если у нее скоро рождался ребенок, то для удобства его кормления на груди у рубахи подпарывались с двух сторон швы стана. Для красоты эти прорехи в богатых домах обычно обшивались шелковым пшурочком. Для кукольной молодухи очень часто отмечалась эта деталь костюма, так как именно ею и определялось ее положение в игре.

С другой стороны, в местах, более близких к городам, в костюмах кукол-молодух подчеркивались и модные новшества. Так, в 1923 г. в таджикском селении Брич-Мулла, имевшем связи с Ташкентом и перенимавшем моды оттуда, все куклы-молодухи были одеты на городской лад и носили модные в те годы в Ташкенте рубахи татарского покроя с рукавами до кисти рук, отрезной кокеткой и сборками у подола и на плечах. В то же время куклы, изображавшие пожилых женщин, имели *куртахое рост* — прямые длинные рубахи с очень длинным рукавом.

В парадных случаях таджикские женщины обычно надевают две и даже три рубашки. Вниз надевается белая, а поверх нее цветные. Куклы, разве уже самые бедные, бывают одеты в одну рубашку, обычно же в две, три. Вниз надевается, как положено, белая рубашка, а поверх нее более нарядная и чистая, ситцевая или шелковая. Рукава у верхних рубах часто бывают короче, чтобы из-под них были видны другие, особенно если они украшены вышивкой.

Покрой рубахи, длина ее, длина и ширина рукава, наличие верхнего халата или его отсутствие, все подробности, характерные для каждой местности, выдерживаются в кукольном костюме и определяют происхождение куклы.

Под рубашками у кукол часто бывают надеты штаны, если же остов ее сделан из одной палочки и без развилки, то палочка просто обматывается кусочком материи. Часто эта материя бывает именно той расцветки, какая идет в данном месте на пошивку женских штанов.

Очень разнообразно передается кукольная обувь — подробность, которая встречается в кукольном костюме главным образом в южных районах Таджикистана. В долине Ванча встречаются куклы, на ногах которых надеты вязаные шерстяные чулки с узорным паглинком или намотаны портянки, а поверх надета мягкая кожаная, сшитая чулком обувь с завяз-

ками из цветных шерстяных шнурков вокруг щиколотки, такая же, какую носят там таджики.

В той же долине Ванча, в Язгулеме и Рушане, иногда делают кукольную обувь из тутового толочка с мукой, облепляя им концы палочек-ног в виде сапог, которые красят в черный цвет.

В долине реки Ях-Су мне встречались куклы, на ноги которых были надеты брюшки черных шмелей, изображавшие лакированные кожаные галоши — *кафши амриконӣ*.

В горные районы Таджикистана по р. Сурхобу и на северо-запад от него, где женщины в массе не закрывались от посторонних мужчин, до революции успело проникнуть *фаранҷӣ* или *фарҷӣ*, как его называют в Каратегине.¹ Но носили его, за исключением жен бухарских чиновников, сравнительно очень мало. Женщины из зажиточных домов одевали его при поездках верхом на лошади в чужие селения и то, повидимому, больше из франтовства.

В тех районах, куда проникал *фаранҷӣ*, в 20-х годах можно было встретить много одетых в него кукол, изображавших нарядных молодых.

В дальнейшем, когда *фаранҷӣ* совершенно бросили носить, его можно только уже изредка увидеть на куклах.

На кукол-молодух обычно надевается много украшений. Чаще всего на них можно увидеть ожерелья, сделанные из стеклянных цветных бус и бисера. На куклах из долины Зарафшана и из района озера Искандер-Куль часто можно встретить миниатюрные копии женских ожерелий в виде стоячего воротничка со спускающимися на грудь подвесками, плотно охватывающего шею, сделанные так же, как и настоящие, из крупного бисера, набранного узором. Там же встречаются и куклы с прикрепленными по бокам лица серьгами из цветного мелкого бисера, а иногда и серебряными (рис. 13). Иногда по старинной моде от ушей под подбородком подвешены серебряные цепочки. Вышедшие уже из употребления *муҳраи гарди хазина* — ожерелья из мелкого цветного бисера нежных голубых тонов в 30-х годах можно было встретить в долинах по южным склонам Гисарского хребта только на шеях у кукол. В долине Зарафшана и в Ягнобе, а также и в долине Сурхоба можно было увидеть только на куклах женские рубахи, украшенные серебряными чеканными бляшками, нашитавшимися спереди рубахи, вдоль вертикального разреза на груди и ниже его, до самого подола (рис. 11, 3).

Рушанские и ванчские куклы-молодухи часто носят *садаф* — большую плоскую пуговицу, сделанную девочками из белого гипса, с цветной бусиной посредине, изображающую женское нагрудное украшение в виде резного диска из перламутра, прикрепляющееся на завязки рубахи у ворота.

В этих же местах на куклах часто встречались бусы и подвески из плодов гвоздики, носимые женщинами в качестве духов и вместе с тем из-за их свойства отгонять злых духов, которым они, по существовавшим ранее воззрениям таджиков, будто бы обладали.

Во время одного из моих пребываний в Ягнобе, разглядывая кукол у девочек, с которыми я беседовала, я обнаружила прикрепленный ниткой к халатику одной куклы маленький, аккуратно сделанный мешочек со стертой в порошок сушеной мятой — *хулбӯ*. Мята считалась приворотным средством, и женщины в Ягнобе носили при себе мешочки с мятой, если желали сохранить любовь мужа или возлюбленного.

¹ Фаранджи представляет собой халат с фальшивыми рукавами, накидывавшийся до революции при выходе на улицу городскими женщинами на голову и закрывавший собой всю фигуру женщины. Лицо при этом закрывалось сеткой из конского волоса.

Там же на куклах можно было встретить *тумар*, имитирующие амулеты, — написанные на бумаге молитвы, завернутые треугольником или прямоугольником и зашитые в кусочек тряпочки (рис. 11, 3). Амулеты от *тарс* — страха и *дарди сар* — головной боли прикреплялись к волосам кукол; первые к концам кос, а вторые у висков.

В долине Зарафшана куклы часто украшались ожерельями и подвесками из бус треугольной формы, сделанных из пшеничной соломы, перемешанных с цветным бисером, которые очень охотно носили сами женщины и девочки в этих местах.

Костюм куклы сохраняет для нас вышивку — одну из самых интересных старинных черт женского таджикского костюма, уже почти исчезнувшую из жизни во многих местах. Раньше в горных районах девичья рубаха расшивалась шелками спереди и сзади до самого пояса, а на женской рубахе расшивался весь перед и концы рукавов. Последние из вышитых девичьих рубах я наблюдала в долине Сурхоба в 1924 г. Тогда же и в последующие годы еще довольно часто попадались куклы-девушки, одетые в украшенные вышивкой рубахи. В коллекциях МАЭ есть такая кукла, вывезенная М. С. Андреевым и мной из сел. Шинглич в Каратегине (рис. 11, 4).

Головной убор куклы также хорошо передает особенности женского и девичьего головного убора по отдельным местам и может служить материалом при изучении женского костюма и движения той или другой моды в Средней Азии. Он обычно подчеркивает подробности женского головного убора, которые уже не каждый день можно наблюдать в жизни. Куклы-женщины из долины Зарафшана и Ягноба часто, кроме обычно носимого женщинами большого головного платка из белой материи, сложенного на угол, имеют головную повязку *саллача* или *дуррача*, которая делается обычно из шелковой тряпочки, свертываемой по диагонали в полосу и повязываемой вокруг головы, поверх наброшенного на голову белого платка в виде кокошника. Для того чтобы она не мялась, внутрь вкладывается кусочек бумаги. Иногда нарядность убора подчеркивается еще тем, что поверх белого платка набрасывается сначала также сложенный на угол цветной шелковый, а поверх него уже повязывается *саллача*.

На южных склонах Гисарского хребта у кукол, изображающих девушек и молодых женщин, под платком часто можно обнаружить тубейку с остrokонечным верхом, которая является особенностью женского и девичьего головного убора этих мест.

Куклы в Рушане и Шугнане нередко имеют узкую лобную повязку — *пешонабанд*, поверх которой наброшен большой головной платок.

Локальные манеры набрасывать платок, оборачивать его вокруг головы или спускать на плечи всегда очень соблюдаются.

У кукол, изображающих невест, лицо иногда бывает покрыто кусочком белой тряпочки, спущенной вперед из-под головного убора. Тряпочки эти изображают *рубанд* или *чаимбанд* — лицевое покрывало, которым закрывается лицо невесты во время свадьбы.

Среди кукольных персонажей в редких только случаях встречаются куклы-отцы. Любопытно то, что при куклах-отцах ребенок, заткнутый у него за пояс, всегда изображает девочку. В большом количестве попадаются куклы-матери с детьми. Чаще всего это молодые «матери», имеющие одного ребенка (рис. 13, 3). В отдельных случаях семья куклы доходит до четырех-пяти детей. Дети делаются при этом равных размеров, по возрасту, и девочек бывает всегда больше, чем мальчиков. Если детей у куклы двое, то это обычно мальчик и девочка, а если больше, то мальчик бывает один, а остальные девочки. Куклы-дети всегда держатся с матерью,

их складывают матери под платок. Здесь следует еще раз упомянуть о нерожденных детях, помещающихся у куклы-матери под рубахой, о которых я говорила при описании устройства куклы.

В долине Ванча и по правобережью Вахша в долине Ях-Су у кукол-матерей, имеющих при себе детей, часто изображаются груди. Обычно для этого идут брюшки черных шмелей, которые пришиваются на нижнюю рубаху куклы. Почти всегда при этом для большей яркости изображения на верхней рубахе делается прореха и одну грудь высовывают наружу. Иногда вместо брюшков шмелей груди делаются в виде шариков из тряпочки, также пришиваемых на нижнюю рубаху. У одной куклы из долины Ванча груди были изображены при помощи двух русских металлических кнопок для застегивания женских платьев, которые нивесть каким путем в то время попали на Ванч. Кнопки эти были пришиты на верхней рубахе (рис. 14, 4).

Как видно из описания, мир кукольных персонажей невелик, что соответствовало и содержанию игры с куклами у горных таджиков, где главным образом изображалась свадьба, рождение ребенка и семейная жизнь. Только в редких случаях темы игры расширяются.

Так, у таджиков, живущих в долине Чаткала, в сел. Брич-Мулла, в 1923 г. приходилось видеть кукол, изображавших вдов, одетых в траурные рубахи и платки синего цвета. Там же у девочек десяти-двенадцати лет, ходивших учиться в мусульманскую школу, можно было наблюдать изображение этой школы в игре. Сначала мне показали куклу, одетую в очень чистую, светлую, строгого покроя рубаху, с белоснежным платком на голове. Весь облик куклы был выдержан так хорошо, что я мысленно определила ее как учительницу и была очень обрадована, когда девочки тут же вынули несколько маленьких кукол, учениц этой *биотун*, и рассказали мне о том, что они играют в школу.

Девочки играют в куклы в продолжение всего года: зимой в доме, весной на очищенных от снега крышах домов на солнышке, а летом и осенью устраиваясь или в тени деревьев в саду, или в летнем помещении.

Маленькие девочки носят постоянно своих кукол в карманах рубах или халатиков, а то просто закручивая их в штанишки у пояса. Играют они больше всего в несложную игру укладывания кукол спать, которая состоит в том, что они перебирают кусочки тряпочек, изображающие одеяло и подушки, стелят постель и укладывают в нее кукол.

Иногда кукла изображает ребенка девочки, которого она кормит и одевает. Существуют при игре в куклы особые приговорки, обычно известные всем девочкам в селении, а иногда даже и шире.

В сел. Сари-Шухон в Каратегине девочка лет пяти, сидя около лежащей на своей постели куклы, кормила ее хлебом, дотрагиваясь кусочком его до лица куклы, много раз повторяла: «*Хэрди, нахэрди, да и дунё да у дунё хиччам на гу*» («съела ты, не съела, ничего мне не говори ни на этом свете, ни на том»). Девочки постарше имеют всегда по несколько кукол, более сложное игрушечное хозяйство и всегда устраивают кукольные дома. Кукольные дома устраиваются в глубоких нишах — полках в доме или же на особых, специально для этого сделанных взрослыми досках площадью около 25—30 см. В долине Сурхоба, в Каратегине, они называются просто *тахта* — «доска», а в долинах Гисарского хребта и в Ягнобе — *дашт*, что обозначает «ровное место».

Доски эти с рассаженными на них куклами и сложенными кукольными пожитками хранят в доме или в нишах стен или кладут на специально вбитые для них в стену колышки.

Устраивая кукольное жилище, на досках раскладывают кусочек войлока или кладут обрывок старого ковра, а поверх них одеяло и подушки. Подушки украшаются вышивкой, которую делают сами девочки. Одеяла бывают двух родов: для постелей и укрывания, а также для сидения; последние — в виде узких и продолговатых тонких тюфячков. Верх делается часто из тех же материй, какие идут на настоящие одеяла, а на одеялах для сидения он часто сшивается, опять-таки подражая настоящим, из кусочков.

Кусочки бараньих и козьих шкур изображают коврики из шкур — *пустак*. Подушки, так же как одеяла, бывают двух видов: одни прямоугольные — *болит*, а другие в виде длинных валиков — *лула*. В зависимости от того, чем принято набивать подушки в данной местности, они бывают набиты шерстью или ватой.

При игре в свадьбу постель «молодоженов» покрывалась вышитыми простынями — *руичо* или *чойшаб*.

В кукольном доме в Ягнобе всегда много глиняной посуды маленьких размеров. В долине Зарафшана в кукольных домах стоят корзиночки, куда кладутся кукольные вещи, лежат свертки с кукольной одеждой. В одном из кукольных домов в сел. Варзоб-Кала в долине Варзоба, принадлежавшем двенадцатилетней девочке, среди прочих вещей имелись и кукольные рукоделия: начатая вышивка тамбуром узенькой тесемочки для обшивки тюбетейки и законченные вышитые *сари остин* — концы рукавов к кукольной рубашке. Вместе с этим была и *нусха* — тряпочка с нашитыми на ней кусочками тесьмы разных рисунков, представлявшая собой своеобразный альбом образцов.

В кукольном доме полагается стоять и колыбели, которая является игрушкой, прежде всего связанной с куклами.

В Ягнобе игрушечные колыбели большей частью делаются из обожженной глины. Они имеют вид продолговатого ящика от 10 до 20 см длиной с более низкими продольными стенками и высокими, суживающимися кверху торцовыми, соединенными вверху перекалиной (рис. 15, 1). Встречающиеся в Ягнобе деревянные колыбели сделаны очень примитивно, в виде неглубокого корытца. Материалом для изготовления игрушечных колыбелей служат также толстые стволы травянистых растений асафетиды и других. Берется отрез ствола 8—10 см длиной, разрезается пополам и из половинки вынимается сердцевина. Получается нечто вроде корытца. По обоим концам его ставятся дужки из тонких прутиков, соединяемые поверху перекалиной, и колыбель готова.

Колыбели, подобные ягнобским, сделанные из глины и стволов травянистых растений, можно встретить довольно часто и в самой верхней части долины Зарафшана, почти не имеющей древесной растительности, так же как и долина Ягноба. Там же попадаются игрушечные колыбели, сплетенные девочками из пшеничной соломы, а, кроме того, изредка и деревянные колыбели работы каратегинских мастеров, по типу своему очень резко отличающиеся от тех, которые распространены в местах ниже по течению Зарафшана.

Ниже по течению Зарафшана, а также в районах Искандер-Куля и р. Кштут-Дарьи были распространены деревянные игрушечные колыбели, являющиеся имитацией городских игрушек, сделанные большей частью очень грубо. Они представляют собой продолговатый ящик с ножками или без ножек, а иногда с выступающими внизу концами торцовых стенок, нижний край которых округло срезан, для того чтобы колыбель качалась. Верхние части торцовых стенок обычно сильно возвышаются над колыбелью, срезаны углом и соединены поверху перекалиной (рис. 15, 3).

Тот факт, что игрушечные колыбели всех только что упоминавшихся районов, в отличие от целого ряда других игрушек очень примитивны и не похожи на настоящую колыбель, выражая собой скорее только идею ее, может быть объяснен следующими обстоятельствами. Ягнобцы и таджики верхней Матчи не производили у себя вещей из дерева, а покупали их готовыми у своих соседей: первые — из селений, расположенных по южной стороне Гисарского хребта, а вторые — в Каратегине. Таджики, живущие ниже по течению Зарафшана, пользовались в основном при изготовлении деревянной домашней утвари услугами захожих из равнин

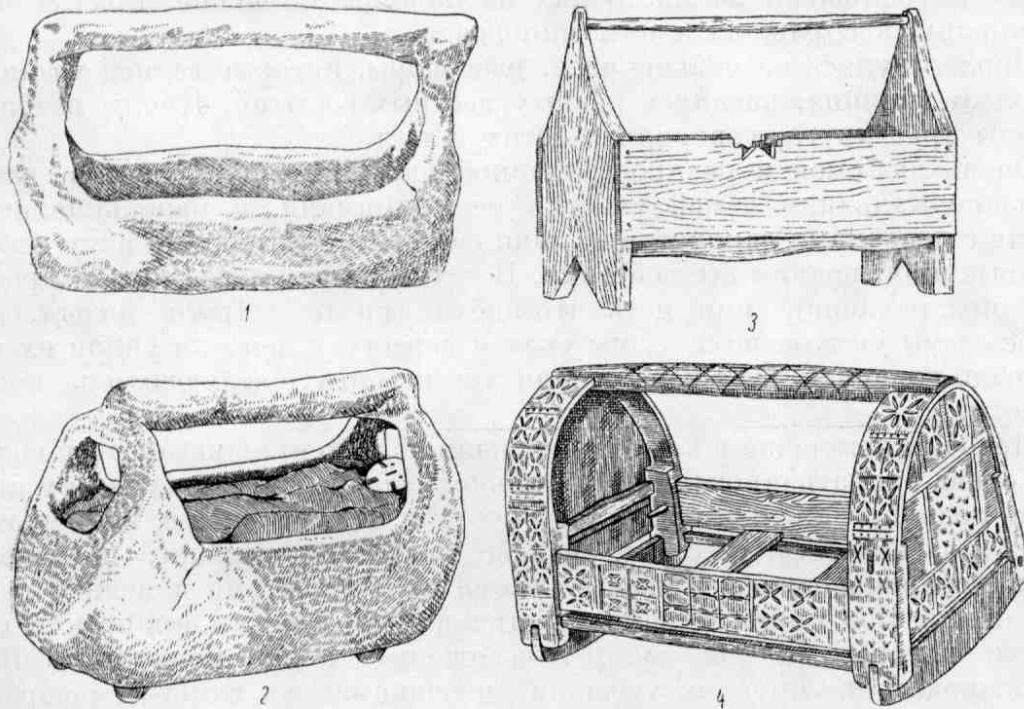

Рис. 15. Игрушечные колыбели из глины и дерева.

1 — глиняная колыбель из сел. Бидив (Ягноб; по рис. автора); 2 — глиняная колыбель из сел. Деминора (верховья р. Зарафшана; МАЭ, колл. № 3339-347); 3 — деревянная колыбель из сел. Шурманн (р-н оз. Исхандер-Куль; МАЭ, колл. № 3633-348); 4 — деревянная колыбель из сел. Юмдж (верховья Панджа; МАЭ, колл. № 2674-163).

цыган-деревообделочников. Цыгане в городах Средней Азии являлись основными мастерами, производящими деревянные игрушки, и они, возможно, и занесли в горные районы тот тип игрушечной колыбели, который мы встречали в городах.

Во всех южных районах Таджикистана, населенных таджиками, а также у припамирских таджиков деревянные игрушечные колыбели обычно очень похожи на настоящие. Они делаются местными мастерами-деревообделочниками, которые весьма точно передают в них формы, пропорции и даже орнамент настоящих колыбелей (рис. 15, 4). По размерам они колеблются от небольших, 6—7 см в длину, и до более крупных, 15—20 см длиной. Изредка попадаются очень крупные экземпляры, до 40 см длиной. К сожалению, крупные экземпляры мне видеть в игре не приходилось. Обычно же в колыбелях всегда лежат тюфячки, одеяльца и подушки, более или менее аккуратно сделанные, в зависимости от возраста девочки. Колыбели бывают снабжены и бинтами, при помощи которых ребенок удерживается в них в неподвижном состоянии. Правда, в колыбель иногда укладывается и целое кукольное семейство: в Язгулеме приходилось видеть колыбели, где поперек по росту лежало пятеро-семеро «детей». Они были

закрывают одеялами, а поверх них лежали куклы — их родители, закрытые и прибинтованные к колыбели, как младенцы.

Постоянно можно было видеть девочек, играющих в прием гостей, с выполнением всего при этом полагающегося чина.

В 1925 г. я наблюдала в одном из селений в долине Варзоба за тем, как играли в «прием гостей» взрослые девушки пятнадцати-шестнадцати лет в семье какого-то бывшего бухарского чиновника. К приему гостей дом был прибран и приготовлено угощение. Разряженные гости рассажены были по старшинству на одеялах и коврах. Перед ними была разостлана скатерть и разложено на листочках шелковицы угощение, причем ягоды шелковицы изображали кисти винограда.

Игра тянулась не меньше часа, разговоры, которые велись хозяйками кукол от их лица, касались разных местных событий. Куклы разбирали наряды друг друга, говорили о детях и т. д.

Очень любимой и распространенной игрой являлась игра в свадьбу. Большие мальчики в ней участия не принимали, а маленькие играли вместе с девочками-однолетками. Они сидели и смотрели на игру девочек, которые производили все действия. В тех случаях, когда нужно произносить поздравления или петь что-нибудь вроде: «*Аруса бурдем, аруса бурдем*» («мы увезли невесту, мы увезли невесту»), девочки учили их тому, что надо говорить. Они изображали хор и толпу, следующую за поездом невесты.

Девочки поменьше в игре изображали только отдельные части свадьбы или очень схематизировали ее. Старшие девочки играли в свадьбу иногда очень подолгу, начиная с засылания сватов, переговоров о калыме и расходах по свадьбе. Невесту к свадьбе тщательно одевали,¹ и свадебный обряд воспроизводился в игре со всеми подробностями и пением свадебных песен. Все принимающие участие в игре девочки приносили своих кукол, которых иногда набиралось очень большое количество. Кукол рассаживали в круг и угощали лепешками из глины, изображающими хлеб.

Проигрывая так подробно свадьбу, девочки заучивали в игре весь сложный ее ритуал со всеми обрядами и поверьями, с ним связанными. Интересно, что и в настоящей свадьбе ведущая роль оставалась всегда за женщинами и мужчины беспрекословно подчинялись их указаниям относительно проведения свадебного церемониала.

Большой интерес представляет распределение детских игр по временам года.

В высокогорных районах Таджикистана зимы бывают суровы и многоснежны. Дома заносит снегом до самых крыш. Бывали случаи, когда при больших снегопадах крыши не выдерживали тяжести снега и рушились, погребая под собой людей и животных. Постоянной зимней заботой является сгребание снега с крыш и расчистка тропинок, ведущих от дома к дому и до источника воды и хлебов.

В Ягнобе, где снега бывает очень много, устраивали даже внутреннее сообщение между построенными вплотную один к другому домами селений.

¹ Встречаются даже такие подробности свадебного костюма, как лицевые занавески. В моей личной коллекции, погибшей во время блокады в Ленинграде, имелась такая игрушечная лицевая занавеска — *чашмбанд* — детской работы. Она была сделана из кусочка белого коленика размером 9×8 см и была расшита шелками орнаментом, в который входили обычно встречающиеся на лицевых занавесках изображения птиц (*хурус* — «петухов»). Куплена она была у девочки в сел. Пальдорак, в верховьях Зарафшана, куда была завезена из Каратегина, где бытовали до начала XX столетия лицевые свадебные занавески, украшенные выпивкой.

Маленькие дети, обычно не имевшие особой зимней одежды, которая при прежней скудости жизни заводилась только для мужчин, зимой мало выходили на воздух и проводили время днем, играя с игрушками, устроившись в наиболее теплой части домашнего помещения. Девочки играли в камешки, в куклы, а по вечерам все ребятишки, укладываясь в общие постели, возились в них или слушали сказки, рассказываемые старшими, а также рассказывали друг другу и свои, детские сказки.

В тесных, темных, набитых людьми домах дети чувствовали себя очень стесненными и выбирались оттуда в овечьи и козьи хлева, где, по словам ягнобцев, зимой сухо и тепло. Говорят, что животные так нагревали своим теплом эти хлева, что дети, сидя там, даже иногда сбрасывали с себя часть одежды.

Мальчики и девочки то играли врозь, то объединялись, в зависимости от возраста и возникающей игры. Маленькие мальчики кувыркались, штрафуя неловких щипками. Игра эта так и называется «кувыркание» (*зунталак*). Потом усаживались вместе с девочками в ряд и играли в передачу слов или просто сложных сочетаний звуков. Часто передают такое выдуманное слово — *кулкулуч*, — по которому называют и самую игру. Играли в *танга* — «денежку», передавая по кругу вместо монеты плоский, обитый в круглую пластинку кусочек сланца. Эти круглые кусочки сланца всегда изображали в детских играх деньги.

К играм маленьких, шести-семилетних мальчуганов относилась игра в *пурск* — сухой овечий помет. Каждый шарик помета предварительно плоско стачивался с двух сторон, чтобы при бросании он не катился. Начинающие играли обычно по двое. Один клал свой *пурск* на землю, а другой на ладонь левой руки и, сбивая его щелчком пальцев правой руки, старался сбить им с места *пурск*, лежащий на земле. Если он его сшибал, то забирал себе и партнер выкладывал на землю новый, если же промахивался, то клал на землю свой и очередь бить переходила к партнеру. Более наловчившиеся играли так, как играют в орехи или простые по условиям игры в кости (астрагалы). Игра эта являлась как бы своеобразной учебной подготовкой к игре в кости, до которой малыши не допускались. Старшие мальчики, лет девяти, уже игравшие в кости, зимой в хлевах употребляли кости только для игры в *дуррабозӣ* — «в жгут», или вернее «в царя, визиря и вора», где кости употреблялись для выбрасывания жребия. Вся игра состояла в том, что участники ее усаживались в круг, предварительно свернув из чьего-нибудь поясного платка жгут, и бросали по очереди кости. Тот, у кого кость станет в положение *асп* — «лошадь», становился царем; тот, чья кость станет в положение *хар* — «осел», становился визирем. Вором приходилось делаться тому, чья кость выпадала *чикка*.¹ Четвертое положение кости — *пукка* — в счет не принимается. После того как роли распределены, «царь» приказывал «визирю» бить «вора» жгутом. Того били, а затем следующие мальчики начинали бросать кости. Если у кого-нибудь кости вставали на *асп* или *хар*, «царь» и «визирь» выходили из игры, передавая свои роли другим мальчикам. Вор оставался в своей роли до того, пока все участвующие в игре не бросали свои кости, после чего вся игра начиналась снова. Мальчики постарше играли также и в камешки, объединяясь при этом в небольшие компании, человека по четыре, по пять.

В Ягнобе все участники игры ставят на кон по два камешка. Играющий первым собирает все их в руку и бросает на землю. Камешки должны лечь все порознь. Если хотя бы одна пара камешков соприкоснется друг с дру-

¹ Об игре в кости см. ниже, стр. 65, 66.

гом или ляжет настолько близко, что между ними нельзя будет провести палец, игра переходит к следующему. Если же камешки лягут все порознь, играющий выбирает одну пару камешков и щелкает по одному из них пальцем, так, чтобы он, отлетев, ударился о другой. Если это удастся, играющий забирает их себе и проделывает то же с другими парами камешков, пока все они не окажутся у него. После этого все играющие делают новые ставки и игру начинает тот же игрок. Когда он на какой-нибудь паре камешков промахнется, игра переходит к соседу слева.

Игра эта распространена очень широко и в других районах в горах, и у равнинного населения Средней Азии. При игре употребляются как камешки, так и абрикосовые косточки, миндаль и плоды лоха (*Eleagnus*), в зависимости от того, в какое время года и где в нее играют.¹ По разным местам она имеет свои варианты.

В Ягнобе же, где своих фруктов совершенно нет, играют только с камешками.

В 1925 г. в Хороге я наблюдала, как играли с плодами лоха в эту игру, названную ими *талақ*, три мальчика-шугнанца. Один из них сел на землю, широко расставив согнутые в коленях ноги, и разложил у себя между ногами три ягодки лоха так, что они почти соприкасались друг с другом. Две из них он положил рядом, а третью над ними. Остальные мальчики, отойдя на некоторое расстояние, старались по очереди попасть также ягодкой лоха в эту кучку на земле. Если бьющий промахивался, то ягодку, которой он бил, брал сидящий; если же он попал, то брал все ягодки с кона и садился на землю. Снова все трое выставляли по ягодке на кон, и игра продолжалась дальше.

Девочки также играли в камешки, но совершенно иначе, чем мальчики.

Существует целый ряд игр, в которых мальчики и девочки объединяются. Многие из игр сопровождаются рифмованными прибаутками и песенками. Одна из таких игр, в которую играли в Ягнобе зимами, кроме детей, взрослые мужчины и женщины, состоит в том, что среди разговора кто-нибудь вдруг громко произносит:

« <i>Шахсара асанем,</i>	«Я взобрался на скалу,
<i>Чазмох аде —</i>	Ударил гром —
<i>Калап-кулуп!</i>	Каляп-кулуп!
<i>Дам чип, рах-лип.</i>	Тихо, смирно, рот зажат.
<i>Таге ках гап дезот, и</i>	Кто скажет еще что-нибудь,
<i>чуволе гут рахеш».</i>	мешок грязи ему в рот».

После этого все присутствующие старались не засмеяться. Если кто-нибудь засмеется или что-нибудь скажет, все на него кидались и щипали его.

Зимой же в хлевах старшие мальчики и девочки играли в *таллитутотал*, но раздельно. В этой игре все участвующие, кроме одного, садятся в круг, вытягивая перед собой ноги. Тот становится в круг и, касаясь по очереди концов пальцев ног каждого из сидящих, произносит считалку:

« <i>Таллитутотал,</i>	«Талли тутоталь,
<i>Панча парешон,</i>	Растопыренные пальцы,
<i>Шакарак,</i>	Сахарок,
<i>Бехи оханй,</i>	Железный корень,
<i>Зул-зул банд.</i>	Зуль-зуль банд.

¹ См.: Е. М. Пещерева. Некоторые игры среди оседлого населения Туркестана. Бюлл. Среднеазиатск. ун-в., № 11, Ташкент, 1925, стр. 87 (описаны игры с абрикосовыми косточками — *донак* — в Ташкенте).

<i>То себ хурат тутӣ,</i>	}	Пока съест яблоко невестка,	
<i>Андар кашу</i>		Тяни внутрь и	
<i>Мандар каш.</i>		Тяни так.	
<i>Хола мот</i>	}	Тетка мот (или мой),	
<i>Хола мой (вариант),</i>			
<i>Гульдур гун,</i>			Гульдур гун,
<i>Подат хаш —</i>			Убирай свою ногу —
<i>Пучи ё муҷ.</i>			Щипок или поцелуй».

Того, на чьей ноге придется конец счета, он щипал за ногу. Вышедший из счета садился, подобрав ноги, скрестив их перед собой. Когда все участвующие в игре усаживались таким образом, начиналась вторая часть игры. Все сидящие сначала терли себе колени руками, так как считалось, что от этого при вставании на ноги коленные суставы будут издавать хруст. Затем по очереди один за другим они начинали подниматься на ноги, а остальные прислушивались, хрустят у них суставы или нет. Тем, у кого колени захрустят, давали спокойно встать, а тех, у кого не захрустят, уже стоящие на ногах участники игры хватают за руки и дергают в противоположные стороны. Остальные участники игры в это время продолжали сидеть, дожидаясь своей очереди. Эта игра являлась вместе с тем и счетом, который ведется при начале летних подвижных игр для определения, кому начинать игру. Самый счет носит заумный характер и поэтому очень трудно переводим. Он употреблялся с некоторыми вариантами у таджиков как в горных районах, так и в равнинных.

Кроме игр в закрытом помещении, мальчики постарше играют зимой и на открытом воздухе. Играют в снежки — *кулўнта*. Делятся при этом на две партии и отмечают два «дома» — *марра*. Цель игры — закидать снежками противную партию так, чтобы она была вынуждена покинуть свой *марра*.

В теплые дни, когда снег становится мягким, из него накатывают огромные шары, также носящие название *кулўнта*, гонят их к краям обрывов и скатывают на реку. Зимой, в холодные дни, когда у старших мальчиков есть какое-нибудь дело вне дома и при этом нельзя пойти погреться, они играют в *фикчанг* — драку плечами. Игра состоит в том, что несколько мальчиков толкают друг друга плечами, стараясь уронить на землю. Стараются сделать это неожиданно, чтобы тот, на кого нападают, не успел бы приготовиться.

Когда замерзает река, игры переносятся на лед. Катанье на льду называется *ихмолák*. Мальчики-подростки разметаю на льду реки узенькую дорожку метров в пятнадцать длиной. На обоих концах дорожки устраивают *марра* в виде барьерчиков из снега. Дорожку слегка посыпают сухим, рыхлым снегом — *шота вафр*. Все участники игры становятся на одном конце дорожки и, разбежавшись, катятся по льду, стоя на ногах. Того, кто докатится до самого барьера в конце дорожки, называют *морти* — «мужчина». Так как бегут и катятся по льду очень близко один за другим, в случае падения одного, сразу падает несколько человек, набегающих сзади.

В большом ходу также катание с крутых склонов на полях вокруг селения. Катаются, садясь на корточки или прямо на снег. Иногда для этих катаний таскают *ваза*. *Ваза* представляет собой навоз, сбитый при помощи лопаты в длинную плиту до 1.5 м длиной и 40 см шириной, на одном конце которой делается углубление. По утрам при чистке хлевов навоз сбивается лопатой в *ваза*. На одном ее конце при помощи ручки лопаты делается углубление. На другой день, когда навоз хорошо промерзнет, в углублении зацепляется кол или деревянный крючок с привязанной к нему веревкой и *ваза* отволакиваются на поля, где они лежат до весны. Когда весной они

оттают, их размельчают и навоз разбрасывают по полю. Дети берут эти *ва́за* и скатываются на них с гор, как на салазках. Маленькие мальчики иногда пристраиваются к играм старших и неподалеку от них расчищают дорожки на льду или используют дорожки, расчищенные старшими, и играют в *хашакбозӣ*, по очереди катая друг друга. Один садится на гладкий плоский камень и берет в руки конец веревки, за противоположный конец которой берется другой и тащит первого по льду. Катание на льду, как и игра в снежки, распространены повсюду. В катании по льду — *ямолак* — в долине Сурхоба мальчики и девочки участвуют вместе.

На южных склонах Гисарского хребта в большом ходу игра в *манор* — «минареты». Мальчики накатывают комья снега и строят из них башни — *манор*.

В долинах Сурхоба и Хингоу мальчики катаются со склонов гор на игрушечных волокушах — *чигина*.¹

В более теплых местах, где снег зимой постоянно не лежит, играют в лошадки. Маленькие мальчики просто изображают скачку на горячем коне, а старшие играют в *улоқ*² — «козлодрание». Заранее намечается кон — *марра́*, один из мальчиков хватает кусок веревки, изображающий козла, и бросается бежать, стараясь «доставить» ее до кона, остальные догоняют его, пытаясь вырвать веревку, причем в пылу игры иногда все кучей валяется на землю.

С наступлением весны, когда солнце начинает пригревать, дети целые дни играют на очищенных от снега и подсохших крышах.

С праздника весеннего равноденствия — *сари сол* (начала земледельческого года) — открывается сезон весенних детских игр. Праздник весеннего равноденствия еще в начале нашего столетия являлся у горных таджиков главным праздником в году. С ним было связано много обычаев, выполнявшихся, по существовавшим представлениям, для того, чтобы обеспечить урожай в наступающем году и вызвать к жизни животворящие силы природы. Дети являлись непременно участниками целого ряда этих обрядов, так как таджики считали, что участие детей при зачати каком-нибудь дела обеспечивает ему удачу. Особенно если при этом ребенок является первенцем в семье и родился весной. Обладающими особой «благодатью» считались первенцы, родившиеся во время весеннего равноденствия.

Во многих местах Средней Азии весной узбекские и таджикские дети ходили по домам распевая песенки, связанные с появлением различных цветов, букетики которых они носили с собой. У горных таджиков в день нового года дети обходили все дома своего селения, бросали зеленые листочки через *рузан* — дымовое отверстие в крыше дома — и поздравляли старших с праздником.

В Каратегине существовал интересный обычай, по которому дети, отправляясь с новогодними поздравлениями, делали двух кукол — муж-

¹ В долине Сурхоба, в сел. Сари-Шухон, дети катаются с гор, предварительно поливая их водой, на маленьких *чигина* собственного изготовления. Один из взрослых мужчин говорил мне, что раньше этой игры не было и что зимнему катанию с гор дети научились у русских. Это едва ли верно, так как о катании с гор на *чигина* мне рассказывали в 1925 г. сами дети в сел. Лянгар в долине Хингоу. В те времена о заимствовании этого развлечения у русских детей и речи быть не могло. Очень трудно было бы предположить также, что их могли научить взрослые, видевшие его у русских, так как жители долины Хингоу на заработки в большие города почти не ходили.

² *Улоқ* — конная игра, в которую играют взрослые мужчины. Она состоит в том, что один из многочисленных участников игры должен провезти по кругу зрителей только что зарезанного козла и бросить его перед сидящими судьями. Другие стараются во что бы то ни стало вырвать у него козла, иногда проделывая это даже с опасностью для жизни.

чину и женщину, сажали их в корзиночку и, спуская корзиночку через дымовое отверстие внутрь дома, пели поздравительную песенку, обращаясь к хозяйке дома:

«*Биё кампири качкавлиз,
Гахе нэр кэн, гахе лавриз!*

Ва хаққи қошуқи хамхиз,

Баҳор омад, баҳор омад».

«Ну-ка, старушка, с уполовником,
Наполняй — то до краев, то через край!

Клянусь ложкой, которая то опускается к еде, то поднимается ко рту,

Весна пришла, весна пришла».¹

Находящиеся в доме люди отвечали им *муборак бошад* — «да будет благословенно» и клали в корзиночку хлеб и лакомства.

Интересная подробность относительно этого обычая, которую я узнала уже после того, как вышла из печати моя работа об играх, характеризует то скрытое отношение, которое существовало, повидимому, в некоторые моменты жизни к игре в куклы, особенно к игре в свадьбу. Пришедшие на заработки в Ташкент каратегинцы рассказывали мне, что куклы, которых носят дети в день нового года, представляют собой супружескую пару. Дети, изготовив этих кукол, разыгрывали весь свадебный обряд во всех его подробностях и уже после этого усаживали их в корзиночку.

Во время моего пребывания в Каратегине в 1946 г. жители сел. Сары-Шухон говорили, что у них девочки особенно много играют в куклы весной, причем играют именно в свадьбу. Следует отметить, что игра в кукольные свадьбы весной не являлась повторением событий, происходивших в жизни селения в это время, так как свадьбы обычно устраивались осенью, в наиболее свободное от работ и изобилующее фруктами время.

В день праздника весеннего равноденствия все население кишлаков выбиралось на крыши домов. Взрослые, сидя на разостланных на крышах войлоках, угощали друг друга праздничными блюдами, а дети играли в разные игры. Взрослые в этот день особенно внимательно наблюдали за тем, как играют дети, так как по характеру детских игр и по тому, во что играют, гадали о том, как пройдет предстоящий год. Если игры у детей ладилась и они играли дружно и не ссорясь, год должен был быть спокойным и удачным; если дети ссорились или играли в слишком шумные игры, переходящие в свалку, год будет беспокойным.

Одним из главных детских развлечений в день праздника являлось окрашивание яиц и битье их одно об другое, так же как это происходило в прошлом у русских во время Пасхи. Ловкие мальчишки иногда заранее заготавливали в качестве битков камни яйцевидной формы, для того чтобы заполучить побольше яиц, обманывая маленьких ребятшек. Девушки и девочки обязательно в эти дни качались на качелях, подвешивая их на деревья в садах, и пели при этом особые песни. С этого времени мальчишки начинали играть в кости. Кости бывают двух видов: овечьи, козьи и, реже, коровьи астрагалы, которые носят название *буцул* || *бучил*, и овечьи бабки — *ген* || *генак*. В долине Зарафшана астрагалы называют также *уштолийг*. Соответственно с этими названиями игры в кости называются *буцулбозй* || *бучилбозй*, *генакбозй* и *уштолийгбозй*. Обычно в игре употребляются овечьи и козьи астрагалы. С коровьими астрагалами и в бабки играют сравнительно редко; коровьи астрагалы больше употребляются в качестве битков и носят общее с битками из других ма-

¹ Е. М. Пещерова. Некоторые игры среди оседлого населения Туркестана, стр. 91.

териалов название — *сақо*. Астрагалы для мальчиков являются своего рода капиталом. Они тщательно собирают их, очищают от жил и обтачивают их таким образом, чтобы они при бросании их с наибольшей легкостью могли становиться в положения, дающие преимущество или выигрыш по правилам игры. Отделанные и обточенные астрагалы имеют даже особые названия, отличающие их от неотделанных. В Ягнобе их называют *сус*, а неотделанные — *курр* || *куррагй*.

Мальчики меняются друг с другом астрагалами, а также выменивают на них разные вещи. В Ягнобе один обточенный астрагал равен по цене восьми-десяти необточенным *куррагй*. Три астрагала составляли *шак*. Дети из бедных семей, где редко ели мясо, добывали себе астрагалы работой. Весной, когда скот выпасали около селения, а это поручалось мальчикам, дети богатых родителей нанимали бедных мальчиков пасти скот за себя. За дневной выпас скота они получали четыре-пять *шак*, т. е. двенадцать-пятнадцать астрагалов. Самые лучшие астрагалы мальчики еще окрашивают, окуривая их дымом. Для этого складывают в кучку мелкую пшеничную солому, вокруг которой расставляют кости. Солому поджигают и накрывают вместе с костями большой деревянной чашкой. Под действием дыма кости приобретают красноватый цвет. Такие астрагалы мальчики хранят отдельно, складывая их в глиняные кувшины. Иногда кувшины с астрагалами даже закапывают на время в землю.

В тех случаях, когда костями меняются или дают их взаймы, во избежание обмана каждую из них сравнивают со стандартом, прикладывая друг к другу всеми сторонами. При возвращении долга вся процедура продлевается снова. В качестве битков *сақо* идут, во-первых, отборные овечьи, во-вторых, коровьи астрагалы и затем битки, сделанные из камня в виде шариков или в виде небольших прямоугольных пластинок. В долине Ванча и в припамирских районах битки прямоугольной формы делают также из рога диких козлов.

Игры в кости по условиям своим очень разнообразны, некоторые из них отличаются сложностью и требуют от играющих большой ловкости удара и хорошего глазомера.

Существуют такие игры, в которых каждый из участников должен выставить за раз на кон очень большое количество костей. Так, при игре *харкуш* («убивание ослов») в Ягнобе каждый из трех человек, принимающих в ней участие, выставляет по тридцать астрагалов, откладывая, кроме того, при начале игры по восемнадцать астрагалов в особый фонд, из которого производится оплата человека, ведущего счет. Этот человек, не участвующий в самой игре, называется *арбоб* — «староста». Он ведет весь сложный счет игры и по окончании ее получает по восемнадцать астрагалов с проигравших и девять с выигравшего.

Игра в кости продолжалась всю весну, до самого лета, когда она прерывалась, чтобы вновь начаться осенью.

В одних местах в эти же сезоны, а в других осенью мальчики играют в игру, очень похожую на русского «чижа». В долине Зарафшана играют и весной и осенью, в Ягнобе — главным образом осенью. Принадлежностью игры являются две палочки: одна коротенькая и довольно толстенная, заостренная с обоих концов, — чиж, другая до полуметра длиной, служащая для битья. В некоторых местах у одного конца длинной палочки делают небольшую поперечную выемку. При игре маленькую палочку кладут на эту выемку, подкидывают в воздух и бьют.

По разным местам эта игра называется следующими названиями: в долине р. Зарафшана — *лому чилак* или *лому чилик*, т. е. «длинная палка и чиж», в Ягнобе — *лофат чалак*, в предгорных районах северной Фер-

ганы игра называется *аллак*, а сам «чиж» — *аллак бача* (аллак — «дитя», «маленький аллак»). В долине Ванча она носит название *чилиж дангал* («чиж и палка»). В припамирских районах, где «чиж» обозначается словом *лаш*, в Язгулеме ее называют *лаш базай* — «игра в чиж», а в Шугнани — *лашат калтак* («чиж и палка»).

Условия игры бывают чрезвычайно разнообразны и по всем местам варьируют еще в зависимости от возраста играющих мальчиков. После того как сезон игры кончается, мальчики прячут палки до следующего сезона.

Весной же маленькие мальчики запускают на крышах свои волчки и начинают, так же как и девочки, играть в мяч. В Ягнобе маленькие девочки и мальчики играют с *калтуф* — мячами, скатанными из коровьей шерсти, которые называются *кал* — «плешивый», так как не обшиваются сверху тряпочками. Несколько ребятшек подбрасывают все за раз свои мячи кверху и ловят их, крича хором нараспев: «*куте кутак осмон потакак* — «собака-собачка, небо просторно» (в том смысле, что мяч нигде не застрянет).

Девочки постарше также играют в эту игру со своими пестро расшитыми мячами.

Мальчики играют также в *хандалаке чуб* («веточка дыни») — своеобразные качели. Одна из игр, носящих это название, состоит в том, что на край низкой крыши или на большой камень кладется длинное бревно, на оба конца которого садятся по два, три мальчика, которые раскачиваются на бревне и распевают.

«Хандалаке чуб, мандалаке чуб,
Бой Назар, додош авов Худой
Назар».

«Веточка дыни, веточка дыни,
Бой Назар, отец его назвал
Худой Назар».

В другой игре мальчики делятся по парам. Один из пары ложится на землю на спину и задирает кверху обе ноги. Другой ложится животом на подошвы его ног, причем они держат друг друга за руки. Лежащий на спине раскачивает ногами своего партнера, произнося ту же приговорку, что и в первой игре. Затем они меняются ролями.

В очень похожую по смыслу игру, называемую *сандукча-куттича*, играют мальчики и девочки вместе.

Все участники игры делятся по парам, и каждая пара становится спиной, обхватывая друг друга руками. Раскачиваясь, поочередно поднимают друг друга на спину, повторяя в такт с движениями: *Сандукча-куттича* — «сундучок, коробочка».

Эти игры, так же как и качание на качелях у девочек, продолжают и летом.

Девочки, кроме игры в куклы и в мяч, часто играют в камешки. Камешки для этой игры тщательно отбираются и постоянно сохраняются девочками. Игра состоит в том, что пять камешков подбрасываются в воздух и ловятся то правой, то левой рукой в различных комбинациях, прогрессирующих по замысловатости и сложности по ходу игры. Играют обычно группами по четыре-пять человек, но часто можно увидеть и одиноко сидящую девочку, увлеченную этой игрой.

В Ягнобе мальчики постарше, начиная с весны, в теплсе время года играют в игру, носящую название *хурат махтоб* — «солнце и луна». Число участников должно быть четное. Прежде всего выбираются «царь» и «визирь». Для этих ролей выбирают более старших мальчиков. Затем выбирают двух «царских прислужников» — *ноиб*, которые во время игры все время выполняют приказания царя. Все мальчики снимают с себя верх-

ние халаты и складывают их в кучу на крыше. На эту кучу усаживаются царь и визирь. Прислужники занимают у девочек из их игрушечного хозяйства кувшинчик, чашку и деревянное блюдо. В кувшинчик наливают воду и бросают кусочек коровьего помета, изображающего чай. Один из них по временам наливает чай в чашку и подносит царю. На блюдо также кладут навоз, изображающий хлеб. Остальные играющие делятся по парам. По очереди одного из каждой пары прислужник отводит в сторонку и завязывает ему глаза. В это время другой прислужник кладет перед царем на землю две тубетейки, которые называются: одна — *хур* («солнце»), а другая *махтоб* («луна»). Партнер мальчика, которому завязали глаза, ведет его к тубетейкам, и тот должен угадать, какая тубетейка солнце и какая — луна. Если он покажет правильно, ему развязывают глаза и он и его пара отпускаются на свободу. В случае ошибки царь приказывает заточить обоих в тюрьму. Царские прислужники отводят и запирают их в хлева. Запирают всегда в два хлева, разъединяя пары. Когда все участвующие пройдут через испытание, заключенных в хлевах выводят по одному, и царь присуждает каждого к нескольким ударам плетью — *дурра*. Как обычно в играх, платок, свернутый жгутом, изображает плеть. Один из прислужников берет осужденного себе на спину, придерживая его руки у себя на груди, другой его держит, а визирь бьет. Бывают случаи, когда визирь попадает очень свирепый, и тогда игра кончается печально. Мальчишки с плачем отправляются по домам жаловаться матерям, и кто-нибудь из старших разгоняет всю компанию. Если игра кончается мирно, то выполняется особый ритуал, заключающий игру, по которому головы царя и визиря поливаются водой. Каждому из них понемножку льют воду на голову по семь раз.

Когда в мае и июне подрастала трава, дети ежедневно отправлялись в поле пасти ягнят и козлят, а мальчики постарше пасли ослов, коров и овец. С этим периодом у младших детей связаны игры в пастухов, о которых уже упоминалось при описании игрушек.

✓ В Ягнобе мальчики-подростки всегда играли в *вузхашак* — «козлодрание». Возвращаясь под вечер в селение, они уславливались заранее о том, какое место в селении или около него будет считаться коном, садились на неоседланных ослов, все брались за одну длинную веревку и начинали погонять ослов голосом и ногами. Некоторые ослы пускались вскачь, а потом внезапно останавливались; другие бросались в стороны, лягались, путали веревку. Мальчики падали с них, снова садились, и, наконец, один или два счастливец, не выпустившие из рук веревки, добивались до кона и признавались победителями.

На это же время года приходится ряд детских развлечений и игр, носивших в прошлом магический характер. Одни из них связаны с вызыванием роста грибов, другие с вызыванием дождя.

Среди таджиков было широко распространено поверие, что грибы, появляющиеся в Средней Азии в период весенних дождей, связаны с громом и растут только после того, как ударит гром.

В сел. Куль в Ягнобе даже говорили, что «гром является матерью грибов».

Дети весной, в особенности во время первой грозы в году, обязательно валялись по земле, выкрикивая при этом или особое обращение к грому, или просто названия грибов.

В Чаткальских горах и в долине Зарафшана они просто кричали: *чамбуч, чамбуч* — «гриб, гриб». В сел. Сари-Шухон в долине Сурхоба дети обращались к грому со словами: *хорчи калонит ай хэдм* — «самый большой твой гриб — мой». В районе Файзабада в одних селениях дети

обращались к грому и молнии, говоря: *тандир, бэзум (безан), чироџак, бэзум (безан)! Хо(р)чи аввалаш ах хэдм* — «гром, ударь, молния, ударь! Первый его (грома) гриб — мой». В других селениях они говорят: *тандир, тандир! Хорчи калон ах хэдм* — «гром, гром! Большой гриб мой».

В Ягнобе детская просьба звучит скромнее, и большой гриб они оставляют самому грому, говоря: *катта хорчак тау, пулла хорчак ман* — «большой гриб тебе, маленький гриб мне».

В 1925 г. в сел. Обурдан в верховьях Зарафшана мне пришлось наблюдать детскую игру, носящую название *пури* и связанную с вызыванием роста дикой спаржи — *пури*, появляющейся после дождей в горах. Играли в нее восьми-девятилетние мальчики. Сначала они, выбрав на улице селения покатоое место, насыпали кучку пыли сантиметров 25 высотой. Затем два-три из них носили воду из канавы и обрызгивали ею эту кучку пыли, а один, сидя около кучи, оглаживал ее руками, повторяя все время: *пури зери хок, пури зери хок* — «пури под землей, пури под землей». Когда от постоянного поливания водой и оглаживания куча пыли покрылась влажной коркой, тот же мальчуган проковырял корку у основания кучи, со стороны, находящейся выше по склону, и осторожно начал вынимать изнутри ее сухую пыль. Вынув некоторое количество пыли, он стал наливать внутрь кучи воду, которую ему подносили другие мальчики. Когда вода стала вровень с отверстием, он закрыл его плоским камнем и примазал глиной. Проделав другое отверстие в вершине кучки, он налил через него еще воды и прикрыл его камнем. После этого он схватил большой камень и с силой ударил им по куче. Остальные мальчишки сначала с криком кинулись в стороны, спасаясь от брызг грязной воды, а затем также схватили камни и стали швырять их в кучу, стараясь ударять ими по другим камням. По условиям игры при первом ударе в кучу надо было так ударить камнем о камень, уже лежащий на ней, чтобы выбить искру, так как звук стукнувшихся друг о друга камней является «громом», а искра «молнией» (рис. 16, 1).

В 1924 г. мной был записан вариант этой же игры в Каратегине (долина Сурхоба), где дети, разбивая кучу ногами, кричали: *камбар, камбар, ов бэшкочу* — «камбар, камбар тресни водой»; *шир, руџани гоу бэшкочу* — «тресни молоком и коровьим маслом».¹

Повидимому, здесь мы также имеем дело с обращением к грому, после которого должен пойти дождь, вырасти трава и насытиться коровы, дающие молоко.

В том же селении Обурдан, в котором я наблюдала игру в *пури*, мне пришлось видеть, как мальчики играли в *Сусхотун*, игру, являющуюся отображением обряда вызывания дождя, очень распространенного в прошлом как среди таджиков, так и среди узбеков. Один из мальчиков нес длинную палку с навязанным на конце ее пучком соломы и тряпок, изображавшую *Сусхотун*, с которой стекала вода, так как он по временам совал ее в протекавшую по улице оросительную канаву. С ним в ряд шли его приятели, и все они громко и весело распевали:

<i>«Сусхотун, Сусхотун! Борун шават ёвун ба,</i>	<i>«Женщина (госпожа) Сус! Пусть пойдет дождь на горных пастбищах,</i>
<i>Алаф шават говун ба, Шир тият мовунба,</i>	<i>Пусть даст траву коровам, Пусть даст нам молоко,</i>
<i>Кампир мурат повунба, Сусхотун, Сусхотун!»</i>	<i>Пусть умрет старуха внизу, Женщина Сус, женщина Сус!».</i>

¹ Е. М. Пещерев а. Некоторые игры среди оседлого населения Туркестана, стр. 91.

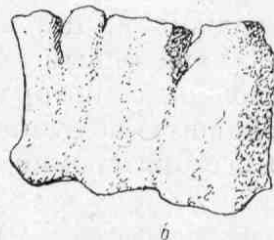
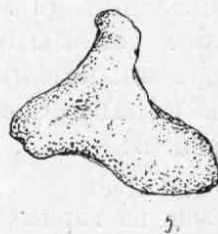
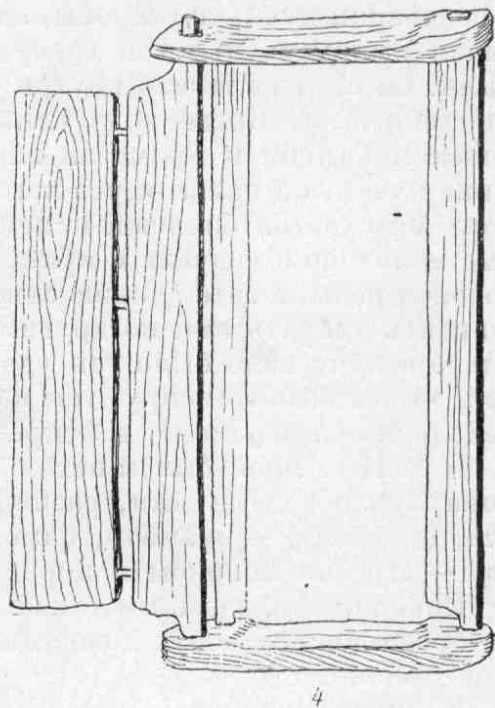

Рис. 16.

1 — мальчики, играющие в «пури»; 2 — мальчики, играющие в Сухотун; 3 — игрушечный дом под скальным навесом, сел. Бидив (Ягноб; с фот. автора); 4 — дверь от игрушечного дома, сел. Мадрушкат (верховья Зарафшана; МАЭ, колл. 3422-22); 5 — баранья косточка, изображающая собаку; 6 — баранья косточка, изображающая осла (Ягноб; по рис. автора).

В этой песенке, которая является повторением песни взрослых женщин, выполнявших обряд вызывания дождя в этих местах, весь ход событий, которые должны произойти после того, как пойдет дождь, выражен совершенно ясно (рис. 16, 2).¹

С наступлением лета дети начинают играть «в домики». Играют в течение всего лета как на летовье, так и в селениях. В Ягнобе эти игры так и называются — *катак*, что на ягнобском языке обозначает «домик». Одной из таких игр является устройство самих игрушечных домов. В игре этой часто объединяются мальчики и девочки. Сначала подыски-

Рис. 17. Мальчик около игрушечного хлева, сел. Бидив (Ягноб; с фот. автора).

вают подходящее место под каким-нибудь нависающим камнем или между двух больших гладких камней. Возводятся добавочные стенки из мелких камней так, как их делают во временных хижинах на летовье. Мальчики строят дома, а девочки убирают их внутри. Около домика или внутри него обязательно устраивается очаг — *вбза*, который делают девочки. Поэтому эта часть игры, а иногда и игра в устраивание самого дома, называется *дегшонак* — «устраивание (усаживание) котла» (рис. 16, 3). Около домиков строятся *оқил* — хлева для скота (рис. 17), куда помещаются игрушечные бараны и коровы. В отдельных случаях хлева эти делаются очень тщательно, с соблюдением всех подробностей настоящих хлевов. В коллекции МАЭ имеются маленькие дверцы из сел. Мадрушкат в верхней части долины Зарафшана, сделанные из двух досочек, скрепленных по ребру деревянными шипами. Одна из досочек имеет выступы по верхнему и нижнему краю, при помощи которых дверь укрепляется и

¹ Относительно этого обряда имеется ряд записей, сделанных и выше Обурдана, в верховьях Зарафшана. В 1946 г. я обнаружила этот же обряд в районе Файзабада и на правом берегу Вахша, в районе Ховалинга. Обряд вызывания дождя проделывался не каждый год, а только в тех случаях, когда бывала сухая весна и ко времени начала колошения хлебов не было дождя. Обычно обряд этот совершался женщинами. В верховьях Зарафшана его проделывали наряду с женщинами и мужчины, обращаясь не к женскому духу, а к *Бобои дехқон* — «деду-земледельцу», покровителю земледелия.

ходит в косяке. Все это сделано так, как делается в настоящих дверях (рис. 16, 4). В уже устроенных домах играют в хозяйство. Мальчики собирают и приносят дрова, ходят на охоту, все вместе, и девочки, и мальчики, собирают съедобные растения. Девочки готовят пищу и ходят друг к другу за огоньком, прося его в особых, принятых в игре выражениях: *хола аловач?* — «тетушка, огонь есть?», на что отвечают: *ач* или *нич* — «есть» или «нет».

Приготовив пищу, разносят ее в специально для этого предназначенных горшочках по соседкам и угощают друг друга. Потом кто-нибудь говорит: «Стадо пришло». Девочки расставляют своих глиняных коров и коз около хлебов и доят их.

Отдельные игры ведутся на темы молочного хозяйства. Девочки часто играют в молочные артели.¹ Подоив коров, девочки хлопотливо собираются со своими кувшинчиками, кладут на головы *салла* — кружочки, скрученные из тряпочек, при помощи которых обычно носятся на голове тяжелые вещи, ставят на них кувшины и все отправляются в какой-нибудь один дом. Там они делают вид, что промеряют свое молоко: опускают в кувшин палочки с отметками, вымеряют высоту молока в кувшине пальцами, одним словом, делают все, что в таких случаях делают их матери. Хозяйка дома угощает их хлебцами из глины. Потом все начинают сбивать масло и, хлопоча около своих маслобоек, говорят о том, хорошо сбивается масло или нет, делают вид, что кладут в маслобойки снег, чтобы оно лучше сбивалось, и т. д.

Летом таджики перегоняли скот на высокогорные пастбища и вместе со скотом уходили в горы и женщины, и дети, а мужчины оставались в селении около полей. Выход на летовье обставлялся прежде очень торжественно и сопровождался обрядами, имеющими целью предохранить скот от разных несчастий и нападений хищников. Этот торжественный день выхода на летовье являлся одной из самых любимых тем детских игр. Они начинали играть в него еще задолго до настоящего дня выхода на летовье, как только слышат разговоры взрослых на эту тему. Увязывался в узлы кукольный домашний скерб и выючился на спины деревянных лошадей и глиняных ослов. Когда не было под руками готовых игрушек, брали первую попавшуюся, подходящую по форме кость, деревяшку или камешек, которые превращались в требуемое животное. Тут же его нагружали мешком с землей, изображавшей муку, или одеялами, иногда водружали на него кукольную колыбель. Девочки подтыкали перед рубах за пояс штанишек, ставили на головы сложные сооружения из разной домашней утвари и торжественно выступали из селения. Мальчики гнали стадо, которое предварительно какая-нибудь из девочек «окуривала» кусочком навоза для предохранения от сглаза.

Мальчики играли и отдельно в перегон скота, изображая перегон большого стада пастухами. Пять-шесть мальчиков предварительно составляли общее стадо, соединяя для этого все свои игрушки из обожженной глины. Для этой игры делались и временные игрушки. Скот делался из цветочных почек одного многоцветного растения, похожих на почки васильков, только гораздо более крупного размера. Растение это в Ягнобе так и называется — *молак*, что означает «скотинка». Полурастусутившиеся

¹ В Средней Азии у земледельческих народов были широко распространены своеобразные артели, в которых объединялось от трех до пятнадцати-двадцати домов. Хозяйки по очереди носили друг другу весь удой от своего скота. Таким образом, каждая хозяйка имела возможность собрать молоко для сбивания масла. О них см.: Е. М. Пещерева. Молочное хозяйство у горных таджиков и некоторые связанные с ним обычаи. Сб. «По Таджикистану», Ташкент, 1926.

почки, из которых уже начинают показываться лепестки цветка, изображают бородатых козлов, а более закрытые — баранов. Набирали такого «скота» штук тридцать. Иногда мальчики имели терпение приделывать всем козлам и баранам ноги, втыкая в каждую цветочную почку по четыре тоненьких палочки. Собаки, непереманные спутники стада, делались из мелких косточек предплюсны барана, слегка напоминающих собою фигурку сидящей собаки (рис. 16, 5). Пастухов также делали из косточек, беря для этого бараньи бабки. На голову пастуха наматывали чалму и подпоясывали его кусочком тряпочки. За неимением рук пастушеский посох затыкался за пояс. Волков делали из дикой спаржи — *пурй*, также приделывая им ноги из палочек. Тело бараньего позвонка изображало осла, на которого нагружалось имущество пастухов (рис. 16, 6). Когда все было готово, стадо расставлялось на тропинке. Впереди ставили козлов, за ними баранов, кругом рассаживали собак, а сзади ставили пастухов. Мальчуганы, то сидя на корточках, то ползая на коленях вокруг своего стада, терпеливо переставляли фигурку за фигуркой вперед по тропинке, передвигая таким образом свое стадо на расстояние в пятьдесят-семьдесят метров.

Один из мальчиков стороной от дороги вел волка. Пастухи и собаки все время начеку. Но вот волк выбирает момент, подбегает к стаду и выхватывает из него барана, бросаясь с ним в сторону. Собаки кидаются за ним, и волк убегает. Эта игра тянется в продолжение нескольких часов. Играют в стадо и совсем без игрушек. В таком случае всех персонажей этой игры изображают сами мальчики. В 1927 г. на моих глазах на летовье Кули Варсоут, в Ягнобе, шестеро мальчиков шести-восьми лет играли в такую игру. Они отошли довольно далеко от домов и занялись игрой, совершенно не подозревая, что на них кто-нибудь смотрит. Я находилась от них на значительном расстоянии и следила за игрой в бинокль. Не слыша их разговоров, я воспринимала все действие как очень выразительную пантомиму. Мальчуганы шли по тропинке, круто поднимавшейся в гору и извивавшейся среди низкорослого древовидного можжевельника. Вдруг один из мальчуганов отделился от остальных, отошел в сторону от тропинки и, встав на четвереньки, стал двигаться вверх по горе, держась в кустах, изображая подстерегающего стадо волка. Четверо других, также встав на четвереньки, поползли один за другим вверх по тропинке. Проползши так несколько шагов, и бараны, и волк снимали с себя мешавшие им ползти рубахи, бросили их на землю и продолжали свой путь голышом. Шестой мальчик, у которого в руках была палка, изображал пастуха. Он то шел, положив палку на плечи, придерживая ее обеими руками, то подгонял свое стадо, то садился верхом на одного из баранов, превращавшегося для этого на время в осла, и проезжал на нем несколько шагов. Осел лягался и ложился на бок, сбрасывая с себя седока. Другой баран, превращаясь в собаку, лаял и поднимал у кустов правую ногу. Волк забежал вперед и присел за деревцо у тропинки. Когда стадо поровнялось с ним, он внезапно бросился на одного из баранов и стал тащить его в кусты. Пастух и собаки начали отбивать у него барана. Собака лаяла и кусала волка за ноги. Игра закончилась тем, что все мальчики легли поперек тропинки и, как бревнышки, покатались по ней вниз, до того места, где лежали брошенные ими рубашки. Здесь они оделись и уже довольно чинно отправились домой.

Кроме игры в пастуха, мальчики в Ягнобе летом играют еще в *золяк* — «поле». Мальчики лет девяти-десяти соревнуются друг с другом, устраивая свои поля. Устраивают их около больших оросительных канав, по которым постоянно течет вода. Место для поля выбирают на склоне горы

непосредственно под канавой. Склон разделяют на несколько террас площадью в 25×30 см, расположенных одна под другой. Срезы террас обкладывают каменной кладкой, и проводят воду из большой канавы для орошения. Проводя воду по крутому склону, маленькие владельцы полей применяют все виды местной ирригационной техники. В одном месте искусно проведенную канавку укрепляют кладкой из аккуратно вырезанных кусочков дерна, в другом — каменной кладкой. Прокладывают желоба из расщепленных пополам палочек, сердцевина которых выдалбливается ножом. Игра с таким полем продолжается в течение всего лета. Сначала устраивают самое поле и оросительную систему к нему, затем его пахут, всковыривая землю игрушечными плужками, и засевают. Обычно сеют ячмень. Время от времени к нему снова возвращаются, играя в поливку хлебов. Когда взрослые приступают к уборке полей, мальчики также, возвращаясь к игре в «поле», играют в жатву, уборку и молотбу хлеба.

В летнее время дети часто играют с водой. Мальчики постарше строят на оросительных канавах, изображающих реку, мосты, а затем, подпрудив воду в канаве повыше своего моста, сразу прорывают запруду. Хлынувшая вода сносит мост, а мальчики бегают по берегу и кричат: *дарьё итк анос, дарьё итк анос* — «река снесла мост, река снесла мост». После этого опять строят новый мост и повторяют все сначала.

Одна из игр с водой, носящая название *тангахашак бозӣ* — «игра в вытаскивание денежки», состоит в следующем. В канавке или ручье углубляется дно и устраивается небольшой бассейн. На дно бассейна бросают оббитый в кругляшок кусочек известкового сланца — денежку. Участники игры по очереди вылавливают ее ртом. Тот, кто вылавливает денежку, не имеет права высовывать из воды голову, пока он не возьмет в рот «денежку». Если он не сумеет этого сделать, он выходит из игры. Если в игре участвуют одни мальчики, выигравший имеет право проехаться верхом на проигравших, если же играют девочки и мальчики вместе, выигравший целует всех по очереди.

Мальши, девочки и мальчики, постоянно вертятся около воды, играя в *бульбулак бозӣ*. Они ложатся на берег канавки и, опустив лицо в воду, говорят: *бульбул, бульбул*, пуская пузыри. Играют в *обхурӣ* — «питье воды», втягивая воду в рот через трубочки — *обхурак*, или пьют воду из маленьких кувшинчиков.

В сел. Урмитан на Зарафшане, а также и в ряде других мест летом дети играют в игру, где вместо денежки вытаскивают из земли предварительно зарытую туда палочку. Игра называется *ачуриг ба дандон* — «аджрыг зубами». Играют в нее мальчики. Выбирают одного старшим — *калон*. Он берет палочку длиной в четверть и зарывает ее в землю, оставляя на поверхности только такой кусочек, за который едва можно уцепиться зубами. Участники игры по очереди ложатся животом на землю и стараются вытащить ее зубами. Другие в это время хором приговаривают: *ачуриг ба дандон меканат* — «вытягивает аджрыг зубами». Ниже по р. Зарафшану, в Пянджикенте, приговорка эта имеет еще продолжение, разъясняющее ее смысл и смысл названия самой игры. Там ее произносят так: *ачуриг ба дандон меканат мочахарак, зон меканат* — «вытягивает аджрыг зубами ослица, изо всех сил».

Смысл этой приговорки состоит в том, что вытягивающий палочку уподобляется ослице, которая ест траву *аджриг*. Трава эта имеет очень крепкие, глубоко уходящие в землю корни, а наземная часть растения стелется по земле и имеет очень мелкие листочки. Животные любят ее, но есть ее им неудобно.

В долине Зарафшана в летнее время, особенно на летовьях, дети очень любят играть в театрализованные игры, изображая животных или разыгрывая настоящие представления.

По ночам на летовьях часто зажигают костры, чтобы отпугивать диких зверей. У этих-то костров собираются и дети, и взрослые и происходят игры. Один из мальчиков отходит в сторону и маскируется дикой свиньей — *хук*, устраивая себе маску из двух палочек и чалмы. Одну палочку он подсовывает под губетейку на лбу, а другую берет в зубы; поверх палочки натягивает чалму, обворачивая ею голову и заматывая вокруг шеи. Получается голова с очень длинной пастью. Двигая нижней челюстью, *хук* открывает и закрывает рот и хрюкает по-свиньячьи, поднимает нос кверху, нюхает воздух и наступает на ребятишек, которые в ужасе разбегаются от него во все стороны.

В другой игре, *бобои деҳқон* — «дед-земледелец», принимало деятельное участие несколько человек. Роли заранее не распределялись, так как основная канва действия была известна всем присутствующим, и те, кому приходилось вступать в игру, импровизировали и в зависимости от степени находчивости и остроумия могли расширять свою роль и вовлекать в действие других. Один из старших ребят, побольше ростом, натягивал на ноги рукава суконного халата таким образом, чтобы спинка халата пришлась ему на живот. В халат набивали тряпок, для того чтобы сделать ему большой живот. Полы халата закрепляли на спине, а собственную рубаху выпускали сзади из-под халата в виде хвоста. Затем он надевал в рукава короткий детский халат, перепоясывал его платками под животом и подмышками. На голову себе он наматывал огромную чалму и устраивал два рога. Лицо мазал мукой и прилаживал усы и бороду из клочков овечьей шерсти. В руки брал длинную пастушескую палку. На спину ему вскарабкивался мальчишка поменьше, изображающий его сына. Когда этот устрашающего вида персонаж появлялся у костра, оказывалось, что он «узбек», пришедший наниматься на работу. Один из присутствующих брал на себя роль хозяина тока и предлагал ему провезать хлеб. Разговор шел на «узбекском» языке. Хозяин тока предлагал ему за работу *ду танга*, т. е. «тридцать копеек», а тот требовал *ик(и)пул* — «две полушки». Они долго сговаривались, после чего «узбек» соглашался. В этот момент «узбек» падал, а «сын» его убегал. «Узбек» начинал искать «сына», бегая вокруг костра и тыча палкой во все стороны. Наконец он делал вид, что пришел в ярость, и бил палкой по костру, из которого летели во все стороны искры и даже угли. Сидящие у костра вскакивали, шарахались в стороны, маленькие ребятишки визжали от страха, а старшие бывали очень довольны и поддразнивали «узбека», дергая его за полы. Тот, не найдя своего «сына», начал приставать к хозяину тока, требуя с него деньги. Оба они обращались к судье, и после разбора дела хозяин тока платил деньги. «Узбек», обращаясь к незаинтересованным людям — *одамои холис*, показывал им деньги и спрашивал, сколько ему заплатили. Те ему называли какую-то сумму. Он оставался недоволен и начинал швырять камнями во все стороны, нисколько не заботясь о том, куда попадут камни. После этого он вдруг «умирал». Его хоронили, накладывая ему на живот камни. Некоторое время он лежал и затем разом вскакивал, а зрители разбегались, так как он начинал снова скакать вокруг костра, размахивая своим длинным посохом во все стороны и ударяя им по горящим в костре большим поленьям.

У маленьких мальчиков есть свои игры, связанные с переодеванием. Они изображают обыкновенно разных зверей. Играя в *харгушбози* —

игру в зайца, один из мальчиков свертывает в трубочки две тубетейки и привязывает их к своей голове платком, а остальные, изображая собак, гонятся за ним.

В игре в лису — *рубáбози* — мальчик, исполняющий роль лисы, набрасывает себе на плечи халатик и, завернув полы его в трубку у себя за спиной, придерживает их руками и «вертит хвостом». Подражая лисьей побежке и голосу, он кричит: *пинк-пинк* и увертывается от бегающих за ним других мальчиков, изображающих собак и гонящих его голосом, крича: *Аф, аф*. В этих играх без всяких условий основной смысл содержится в том, чтобы как можно лучше изобразить внешность и повадки животных.

Существует также игра, в которой дети изображают и угадывают различных птиц. Играют в нее несколько человек. Один из них берет в руки платок и, свертывая его на разные лады, изображает какую-нибудь птицу (аиста, воробья, ворону), приговаривая в то время, как он делает отдельные части ее тела: *каласи сунча, нули сунча, почасы сунча* — «голова ее такая, клюв ее такой, ноги ее такие». Остальные угадывают, какую птицу он сделал. Угадавший получает в руки платок и делает следующую птицу, а остальные снова угадывают. Игра эта называется у детей *каласи сунча* — «голова вот такая». Следует отметить, что в этой игре таджикские дети, не знающие узбекского языка, употребляют в игровой словесной формуле и узбекские слова, и узбекские обороты речи. К существительным, выраженным таджикскими словами, прибавляют узбекский притяжательный суффикс 3-го лица единственного числа. Повидимому, игра эта, так же как и *бобои дехқон*, является подражанием представлениям бродячих актеров.

В течение всего лета, а также осенью дети играют в подвижные игры. В долине Ванча излюбленным местом для осенних игр являются гладко утрамбованные, смазанные глиной тока, на которых играют и днем, и в лунные вечера. Девочки также играют в подвижные игры, продолжая при этом играть с игрушками.

В конце лета, когда наступает сезон изготовления посуды из глины, в тех местах, где существует гончарное производство, девочки очень усердно лепят из глины игрушечную посуду; после обжига посуды они играют в продажу ее, наполняя сосуды землей, изображающей зерно, на которое обычно обменивается посуда женщинами.

Маленькие мальчики осенью, подражая взрослым, играли раньше со своими игрушечными клюшками и мячами в пешее поло.

До поздней осени днем, пока греет солнце, дети играют на открытом воздухе, забираясь по вечерам, когда бывает уже очень холодно, в теплые местечки в кухнях у очагов, до тех пор, пока осенние дожди и холода окончательно не загонят их в дома.

Занимаясь изучением детской игрушки у горных таджиков с начала 20-х годов и наблюдая детские игры в течение ряда лет, я должна констатировать тот факт, что игрушка, начиная с 30-х годов, довольно быстро уменьшается количественно и беднеет по составу. Вероятно, это следует приписать тому, что в это время все дети уже учились в школе, которая направляла их интересы по другому руслу и занимала достаточно много их времени. Продолжали играть с игрушкой почти исключительно дети дошкольного возраста, забрасывая ее с того момента, когда они тоже начинали ходить в школу. Куклы у девочек, правда, еще оставались, но играли с ними значительно реже.

До конца 30-х годов городская игрушка в горные районы совершенно не проникала. Мне пришлось за многие годы общения с таджиками видеть лишь один раз в детских руках игрушечный автомобиль городского производства, да и то это было недалеко от Сталинабада, на автомобильной трассе Сталинабад—Ташкент.

Подвижные игры сохранялись лучше, чем игры с игрушками. Игры эти организовывались детьми старшего возраста. Можно было часто наблюдать, как в компании играющих детей старшие девочки или мальчики руководили игрой и обучали малышей тому, что нужно говорить или какие песенки надо петь по ходу той или иной игры.

ИГРУШКИ И ИГРЫ ДЕТЕЙ У РАВНИННЫХ ТАДЖИКОВ И УЗБЕКОВ

Основное население равнин Средней Азии состоит из узбеков и таджиков, причем в городских условиях быт их, сложившийся на общей основе древней оседлой культуры, фактически ничем не разнится. Некоторые отличия в быту узбеков отдельных сельских районов, наблюдавшиеся еще в начале XX в. и зависевшие от степени оседания узбеков на земле, в настоящее время стали почти неощутимы.

В прошлом городские дети имели гораздо меньше досуга и свободы для игр, чем крестьянские. В зажиточных слоях городского населения и мальчики, и девочки обучались в мусульманских школах — *мактаб*, в которые они начинали ходить с шести-семилетнего возраста. Они проводили в школе весь день, с раннего утра и до вечера и, кроме пятниц и двух-трех больших праздников в году, которые праздновались мусульманами, свободных от школы дней имели очень немного, так как летом в школах также бывали занятия. Девочки учились у учительниц — *биотун*, а мальчики ходили к учителю — *домулло*, часто являвшемуся вместе с тем и имамом квартальной мечети. Занятия в школе представляли собой бессмысленное заучивание наизусть стихов корана, написанного на арабском языке, и непонятных детям стихов персидских и узбекских поэтов, учителя и учительницы заставляли детей работать у себя в хозяйстве. Дети подметали двор, девочки постарше принимали участие в домашней стирке белья, мальчики вскапывали гряды и т. д. Учителя и учительницы иногда надолго уходили, оставляя детей под надзором старших учеников и учениц. Маленьких мальчиков, особенно если они были тихого и кроткого нрава, довольно часто отдавали сначала в обучение в женские школы, и они год или два учились и играли вместе с девочками во все их игры, вплоть до кукол. Лет с восьми их уже обязательно переводили в мужскую школу. Таким образом, начав ходить в школу, мальчики и девочки уже мало общались друг с другом. Кроме того, возможно, что раннее прекращение совместных игр мальчиков и девочек в больших городах происходило отчасти под влиянием общей мусульманской тенденции к разделению полов вообще, которое ясно ощущалось во всей жизни больших городов.

Большее или меньшее отделение мальчиков от девочек зависело также и от социальных различий, которые в городе чувствовались гораздо резче, чем в деревне. В то время как девочки в бедных семьях постоянно посылались матерями то с поручениями к соседкам, то в мелочную лавку за покупками, причем по недостатку средств им не делали специальной одежды для улицы, девочки из богатых домов уже с девяти-десятилетнего возраста выходили на улицу только с закрытым лицом. Меркантильный дух городов, усилившийся в связи с развитием торговли после присоеди-

нения края к России, также способствовал тому, что большое количество детей, особенно мальчиков, начало заниматься мелочной, грошевой торговлей на улицах и отходило все больше и больше от занятий и склонностей, свойственных детскому возрасту.

По словам стариков, на их памяти дети перестали играть во многие игры, и неоднократно приходится убеждаться в правдивости их слов, когда при записях детских игр и песен оказывалось, что многие дети уже не знают тех игр, в которые играли их дедушки и бабушки, будучи детьми.

В небольших провинциальных городах, жизнь которых была тише и где меньше ощущалось влияние мусульманского духовенства, поддерживавшего внешнее ханжеское благочестие, где ремесленники были меньше оторваны от земли, дети пользовались большей свободой. Тем не менее и здесь сказывалось влияние школы на сокращение периода времени игры с игрушкой. С игрушкой, за исключением кукол, играли главным образом маленькие дети. Этим обстоятельством объясняется и меньшее количество игрушек у городских детей, а также и состав ее, в который входят по большей части игрушки, присущие детям младшего возраста.

В противоположность тому, что у горных таджиков дети делали много игрушек сами или они изготавливались старшими детьми для младших и взрослыми дома, в городе большая часть игрушек являлась покупной.

Специальных мастеров, занимавшихся изготовлением игрушек, так же как и лавок, торгующих только игрушками, не существовало, но ремесленники, деревообделочники и гончары между делом производили и игрушки. Деревообделочники изготавливали ходилки, повозочки для детей, а также кукольные колыбели, иногда, по заказу, весьма тщательно отделывая и пестро раскрашивая их, а также и игрушки, воспроизводящие отдельные орудия производства. Те же деревянные игрушки, а кроме того деревянные погремушки, обтянутые пузырем, дергунчиков-канатных плясунов и обезьян, бубны для девочек и пр., изготавливали среднеазиатские цыгане, которые зимами обычно жили в городах, а летом кочевали.

Гончары в небольшом количестве изготавливали игрушечную посуду, ассортимент которой был небогат. Чаще всего делали *хурмача* — сосуды в виде кринки и маленькие тарелочки — *табоқ*, обычно покрывая их поливой.

В Ташкенте к праздникам Рамазана и Курбана, а в Бухаре, Самарканде, Ура-Тюбе и других городах с преобладающим в прошлом таджикским населением к празднику* весеннего равноденствия гончары изготавливали глиняные свистульки в виде горшочков, кувшинчиков и фантастических птиц и зверей, которых распродавали на праздничных базарах. В другое время года в лавках они не появлялись.

Среди множества предметов из обожженной глины, полученных при раскопках древних городов Средней Азии, встречаются и детские игрушки: крошечные тарелочки и чашечки, украшенные росписью, копилки, погремушки и, кроме того, большое количество свистулек в виде фигурок птиц и животных. Целый ряд таких вещей был найден на древнем городище Самарканда — Афрасиабе, жизнь которого прекратилась со времени нашествия монголов. Найдены они были в большинстве случаев при раскопках древних гончарных мастерских, среди других предметов, изготавливавшихся гончарами, и являлись, повидимому, добавочным производством этих гончаров, в основном выпускавших глиняную посуду.

Мы видим, что такое явление прошло через многие сотни лет и сохранялось до недавнего прошлого.

Мелочные торговцы, особенно в Ташкенте и в городах Ферганы, также обычно торговали игрушками, часть которых они делали сами. Весной они изготавливали бумажных змеев и бумажные вертушки и обвешивали ими свои лавки, около которых в это время постоянно вертелись мальчишки.

После прихода русских в Среднюю Азию в Ташкенте появились мастера-жестянщики. Сначала мастера эти были пришлыми, а затем появились и местные. Они также стали изготавливать и кое-какие игрушки. Часть из них, вроде игрушечных ведерок, дудочек, является заимствованной от русских, а часть воспроизводит формы или построена по принципу местных игрушек. К таким игрушкам относятся погремушки из жести в виде барабанчиков на ручке, а также жужжалки в виде совочка со вставленным в боковые стенки стерженьком, на который насажена свободно вращающаяся пластинка (рис. 18, 1).

В течение года все эти ремесленники делали игрушки в небольшом количестве, увеличивая их производство к праздникам, когда во время праздничных базаров они шли очень ходко.

Мелочные торговцы торговали своими змеями и вертушками только весной, когда на них был спрос, и поэтому в остальное время года их не делали.

Первой забавой маленьких детей, еще лежащих в колыбели, являются, как и у горных таджиков, подвешиваемые на ее перекладину бусы, а кроме того, специально оставляемые мастерами при вытачивании перекладины колыбели свободно болтающиеся в ней кольца. Вслед за этим, ребенка забавляют погремушкой *шақшақа* в виде маленького деревянного барабанчика, обтянутого с двух сторон пузырем и насаженного на палочку. К ободу барабанчика прикреплены с двух сторон свободно свисающие шнурочки, на концах которых подвешено по бусине или вишневой косточке. Вертя в руке палочку, поворачивают барабанчик в разные стороны, отчего шнурочки с бусинами приходят в движение и ударяют по барабанчику. Барабанчики эти всегда грубо разрисованы красной краской отдельными пятнами (рис. 18, 2). В Ташкенте такого же типа погремушки делаются иногда из белой или окрашенной в красный либо зеленый цвет жести.

Когда ребенок начинает вставать на ножки и пытается ходить, для него нередко приобретается ходилка — *зағалтак*. Ходилка представляет собой треугольную рамку, поставленную на колеса. На основании треугольника укреплены вертикально поставленные перильца, на которые опирается ребенок. Сначала взрослые и старшие дети придерживают его, а затем он сам начинает толкать ходилку и ходить за ней.

Старшие ребяташки играют с малышами, возя их на четырехколесной тележке — *аровача*, которая устроена в виде ящичка, поставленного на четыре маленьких колеса, сделанных из распиленной на чурбашки толстой палки.

Трех-четырёхлетние ребяташки сами возят такие тележки, только маленьких размеров (рис. 19, 1). В этом возрасте для них обычно делается или покупается игрушка, носящая в Ташкенте название *тақартуқур арова* — «тарыхтящая арба». Она состоит из деревянной рамки на колесиках и двух деревянных молоточков, укрепленных на поперечной планке. На оси задних колес вбиты колышки, которые при движении зацепляют концы молоточков и заставляют их подыматься и падать, производя шум. В Самарканде у таджиков эта же игрушка называется *обчувоз* — «крупорушка». Название это является более характерным, так как молоточки игрушки делаются похожими на молотки крупорушки и приводятся в движение по тому же принципу (рис. 19, 2).

К игрушкам, которые дети возят за собой, принадлежит и *аспак* — деревянная лошадка, выпиленная из дощечки и поставленная на тележечку с четырьмя колесами (рис. 19, 3), а также *аробача* — игрушка,

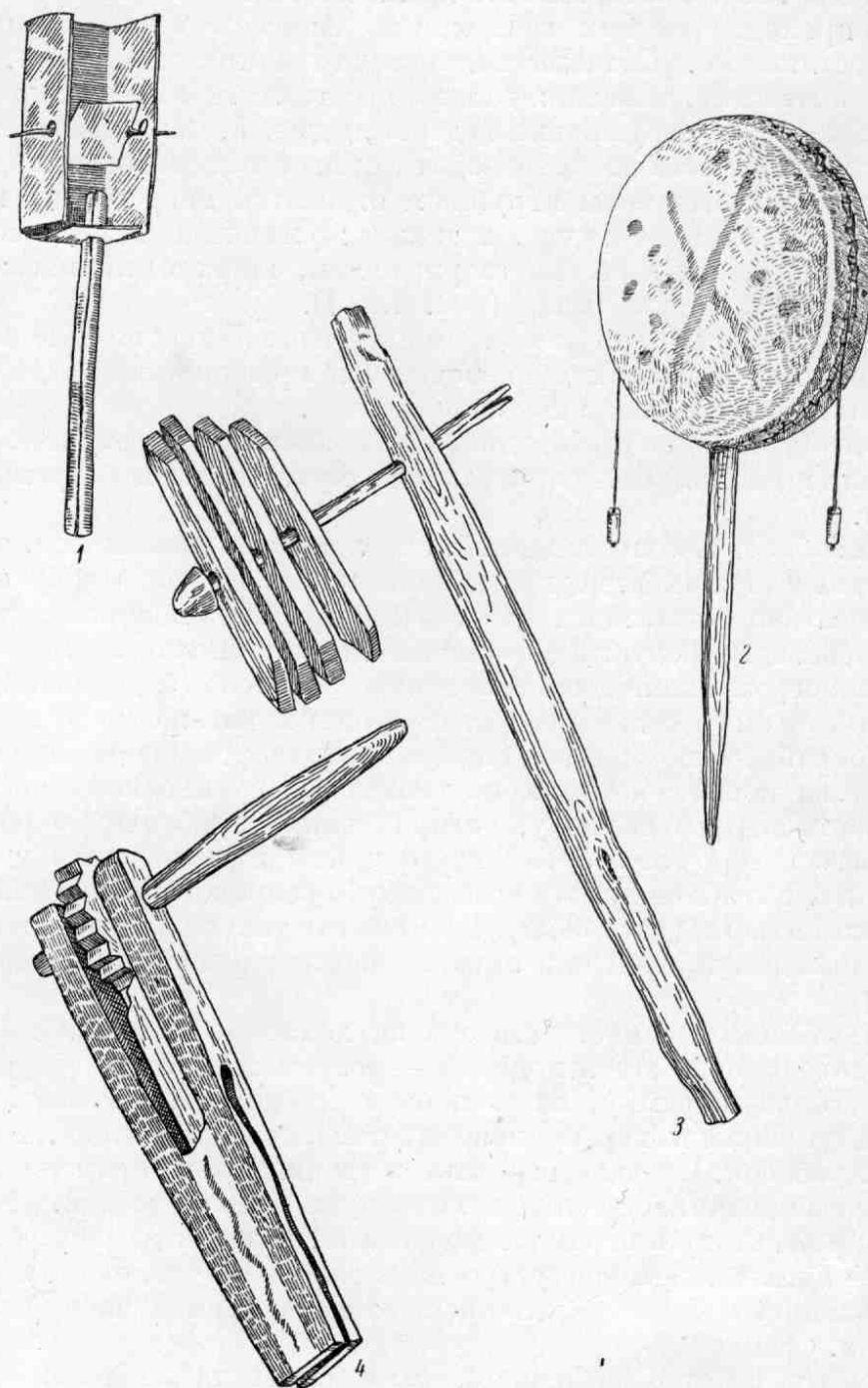

Рис. 18. Игрушки равнинных таджиков и узбеков.

1, 2 — погремушки: 1 — жестяная погремушка-жужжалка из Ташкента (МАЭ, колл. № 3310-27), 2 — погремушка-барабанчик из Бухары (МАЭ, колл. № 2472-10); 3, 4 — трещотки: 3 — из Ташкента (МАЭ, колл. № 3310-22), 4 — из Ура-Тюбе (МАЭ, колл. № 3310-177).

изображающая крытую двухколесную арбу с третьим колесом впереди, укрепленным между оглоблями вместо лошади (рис. 19, 4). Мальчики постарше любят играть с *дорбоз* — канатоходцем. Игрушка эта представляет собой очень грубо сделанную деревянную фигурку человека

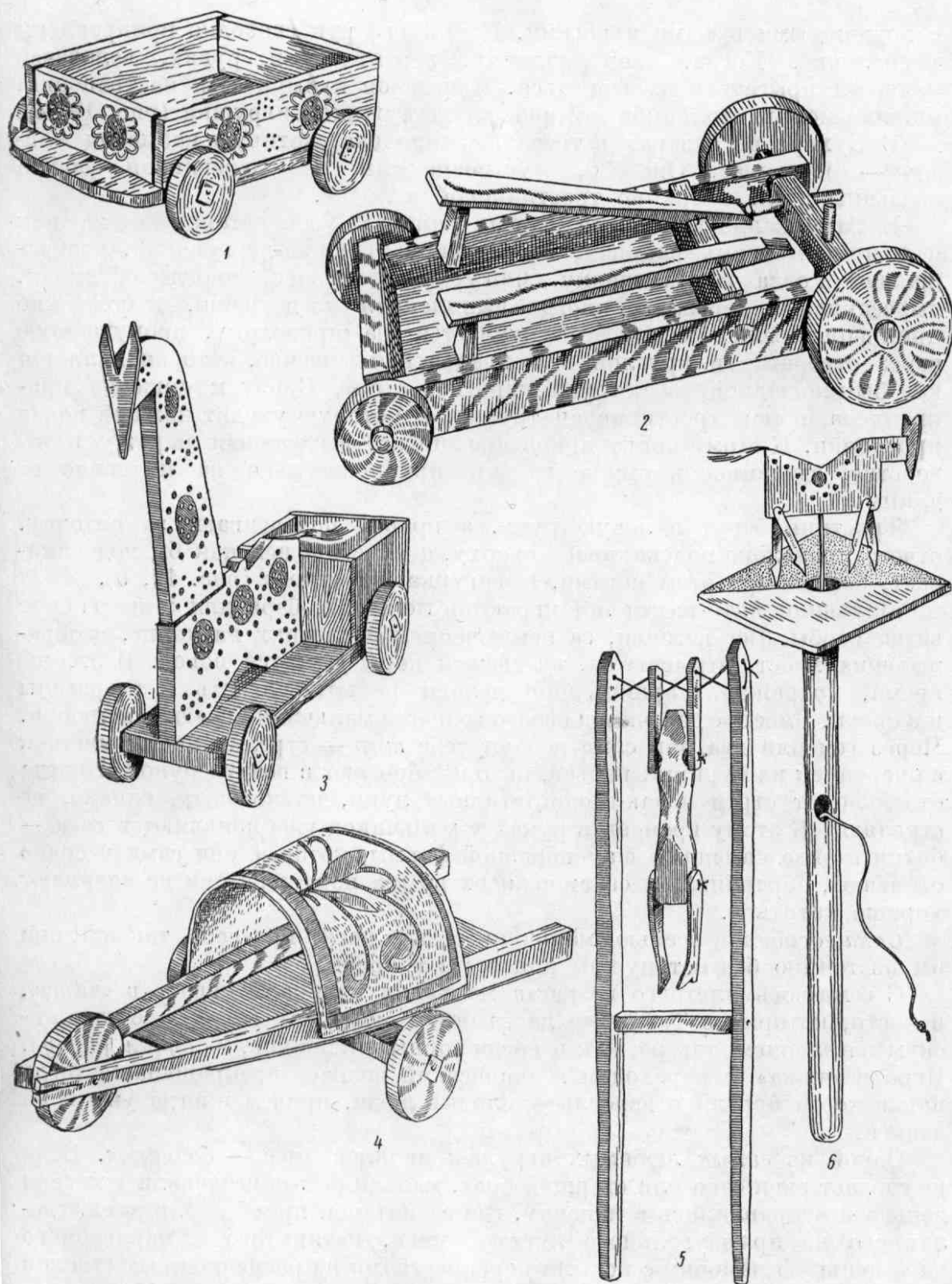

Рис. 19. Игрушки равнинных таджиков и узбеков.

1 — повозка из Ташкента (МАЭ, колл. № 3310-63); 2 — повозка-трещотка из Ташкента (МАЭ, колл. № 3310-19); 3 — лошадка с повозкой из Ташкента (МАЭ, колл. № 3310-64); 4 — арба из Ташкента (МАЭ, колл. № 3310-8); 5 — канатоходец из Ташкента (МАЭ, колл. № 3310-20); 6 — лошадна-дергунчик из Самарканда (МАЭ, колл. № 3191-2).

с подвижными руками и ногами. Концы его рук свободно прикреплены к палочке. Когда, взяв палочку, вертят ее в руках, человечек начинает прыгать и кувыркаться. Иногда он кувыркается на трапеции, нижние концы столбиков которой служат ручкой игрушки (рис. 19, 5).

В Бухаре на базарах встречалась игрушка, которую называли *май-мун* — «обезьяна». Она была устроена так, что деревянная фигура обезьяны лезла вверх по тростниковой палочке.

В Самарканде и в более южных районах Узбекистана, так же как и в припамирских районах, встречались игрушки-дергунчики, изображавшие козла или лошадку. Фигурка животного, иногда объемная, вырезанная из дерева, а иногда выпиленная из дощечки, с подвижно прикрепленными ногами, насаживается на проволоку, пропущенную через отверстие в круглой или квадратной дощечке, которая является как бы площадкой, на которой животное стоит. Внизу к дощечке прикреплена полая тростниковая трубка, в которую уходит нижний конец проволоки. К этому концу привязана нитка, выведенная наружу в отверстие, сделанное в стенке трубки приблизительно на половине ее длины.

Тростник берут в левую руку, а правой подергивают за ниточку, отчего проволока подскакивает кверху, и вместе с ней как бы подскакивает, болтая при этом ногами, и фигурка животного (рис. 19, 6).

Мальчики пяти-шести лет играют в лошадки, беря для этого гибкие ветви вербы. Все веточки, за исключением последних на конце, изображающих хвост, отрываются, из свежей коры делается повод. В это же время, подражая старшим, они делают попытки играть в астрагалы и в орехи. Вместе с девочками своего возраста мальчики играют в камешки. Через год или два они сами делают себе *тир* — стрелки из камышинок с оперением из куриных перьев, которые бросают в воздух рукой. Иногда отдельно от стрел делают однотетивные луки, из которых, однако, не стреляют. К этому времени в руках у мальчиков уже появляются *сақа* — битки в виде камешков шарообразной формы, которые они сами усердно отбивают, обравнивая и сглаживая их до тех пор, пока они не начинают хорошо катиться.

Сақа, особенно осенью, мальчики всегда носят при себе, так как они им постоянно бывают нужны для игры в орехи.

С семи-восьмилетнего возраста мальчики начинали играть в «чижа», в кости, которые в Ташкенте называются *ошуқ*, а в городах с таджикским населением, так же как и среди горных таджиков, — *буцил* || *буцул*. Игра в «чижа» с переходом в юношеский возраст прекращалась, тогда как в кости играли и взрослые молодые люди, причем иногда уже и на деньги.

Одной из самых любимых игрушек являлся змей — *бодпарак*. Если не сделает змея отец или старший брат, мальчики выклянчивали у матери деньги и отправлялись в лавочку, где за пятак приобретали змея, сделанного из прямоугольного листа бумаги, натянутого и наклеенного на тоненькую рамочку с косыми перекрестьями из расщепленных стволов тростника. В дальнейшем, сделав сначала несколько кособоких змеев, не желающих летать, мальчуган постигал тайны искусства и сам лепил своих змеев, привязывая к ним хвосты из тряпок и приделывая трещотки. Увлечение змеями у детей тянулось долго. Бывало так, что уже взрослые молодые люди сооружали огромного, до 1.5 м высотой, змея, с трещоткой, гудящей, как самолет, запуская его на очень длинной веревке.

В старые времена девочки играли в куклы с момента выхода из младенческого возраста и вплоть до замужества.

Наливкины отмечали, что в конце прошлого столетия девушки продолжали игру в куклы даже по выходе замуж.¹ Во время сбора материалов для настоящей работы в городах в куклы играли уже только одни маленькие девочки.

В зажиточных семьях, а особенно в семьях мусульманского духовенства, кукла, хотя и детская игрушка, но все же человеческое изображение, была не в чести, причем в некоторых местах особенно не одобрялись куклы с реалистически исполненными лицами. Можно было даже наблюдать такое явление, что взрослые категорически запрещали детям делать куклы с нарисованными или вышитыми чертами лица. Этот запрет обычно объяснялся самим населением таким образом, что, по словам грамотных людей, делать человеческие изображения грешно, так как в день воскресенья из мертвых те люди, которые их делали, будут принуждены отдать им часть своей души и куклы тоже должны будут ожить. Дело в том, что мусульманство за все время своего господства в Средней Азии не могло вытравить из умов населения более старых анимистических верований и представлений. По этим представлениям, сделав человеческое изображение в виде специально изготовленной куклы и произведя над ним известные магические действия, в него можно было воплотить душу желаемого ребенка, душу больного, душу человека, которому желали смерти, и т. д. Изготовление таких кукол в прошлом было широко распространено между женщинами повсеместно в Средней Азии как среди таджиков, так и среди узбеков. В большинстве случаев магические куклы делались очень примитивно и совершенно так же, как и обычные детские куклы. Но если в одних местах считалось, что лицо такой куклы обязательно должно было быть изображено только одной ниткой, перекрещенной косым крестом, то в других местах, наоборот, требовалась возможно большая реалистичность его выполнения. Поэтому-то и детская кукла, если не преследовалась открыто, то во всяком случае не поощрялась в кругах мусульмански образованного населения и редко встречалась в руках детей. Чаше можно было встретить куклу в менее зажиточных семьях. Как среди узбеков, так и среди равнинных таджиков куклы обычно называются узбекским названием *кузурчак*. Только в Бухаре их называют *зоҷа*. Повидимому, слово это осталось здесь от согдийского языка. Мы встречаем его в настоящее время в языке ягнобцев, который является остатком одного из диалектов согдийского, где оно обозначает «роженица», а также «корова, имеющая теленка».

Распространенное в горных районах Таджикистана название куклы *луфтак* || *лифтак* употребляется среди таджиков района Исфары, а также и в Ура-Тюбе.

Характерной чертой для кукол городских детей является то, что большая часть из них исполнена гораздо более примитивно, чем куклы у горных таджиков. Только в Самарканде да в небольших городах с таджикским населением приходилось иногда встречать кукол, исполненных более подробно. В 1925 г. в Исфаре я видела кукол с руками и ногами, спитых из тряпок и набитых ватой, являвших собой подобие человеческой фигуры.² Такие же куклы были распространены и в Бухаре (рис. 20). Обычно же тело куклы делается из связанных накрест палочек. Лицо у городской куклы чаще бывает заплетено нитками сложным косым крестом.

¹ В. и М. Наливкины. Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы, стр. 192.

² Этот же способ устройства куклы мне пришлось наблюдать на вывезенных в 1926 г. М. С. Андреевым из Афганистана куклах таджиков из долины р. Панджшир на южных склонах Гиндукуша.

стом или ромбом, лица с вышитыми чертами лица встречаются сравнительно редко. Прimitивно сделанные куклы чаще бывают мелких размеров, но и вообще размеры кукол, в Ташкенте например, очень редко доходят до 10—12 см, обычно же они меньше.

В Самарканде и Ура-Тюбе куклы делались крупнее; в обоих городах встречаются куклы с подвижными руками — *бозингар* — «плясунья».

В куклу превращаются иногда совершенно случайные предметы, попадающие в детские руки, и кукла теряет свой местный облик. В 1927 г. в Ташкенте я видела на улице девочку лет семи, игравшую с куклой, которая была сделана из флакона из-под одеколона. Шаровидная пробка изображала голову и была обернута тряпочкой — платком. Самый пузырек также был завернут в тряпочку и перевязан веревочкой. За пазуху куклы был заткнут увядший букетик фиалок, вероятно, подобранный девочкой на улице.

Одеты куклы большей частью весьма несложно, хотя при этом в отдельных случаях и передаются в costume и общем облике куклы характерные черты внешности женщины данного места. Так, в Ташкенте, для того чтобы передать ценимую, по местным представлениям о красоте, полноту тела, на куклу накручивали под платьем тряпочку, так что она производила впечатление полной женщины. В Самарканде и Ура-Тюбе куклы у таджикских девочек всегда бывали высокие и тонкие, соответственно таджикскому идеалу женской красоты, который изложен в песенке:

«Духтари тоҷик баланду борик

Дар хучраи торик.

Духтари узбак сурхаку пунак

Дар таги пустанк».

«Таджикская девушка, высокая
и тонкая,

(Живет) в темной келье.

Узбекская девушка, румяная
и пухлая,

(Живет) под ковриком из шкур».

Здесь в народных представлениях противопоставляется тонкой и высокой таджикской девушке девушка полукочевых в прошлом узбеков; это обстоятельство подчеркивается упоминанием коврика из шкур как принадлежности скотоводческого хозяйства.

В отдельных случаях передаются черты костюма, отмечающие семейное положение куклы. Так, в Ура-Тюбе, где траурным цветом считается черный, встречались куклы, изображающие вдов, одетые в черные рубахи и платки. Обычные персонажи кукольной игры те же, что и у горных таджиков: жених и невеста, муж и жена, их дети, кукла, изображающая ребенка самой девочки, и т. д.

В Самарканде ребенка девочки обычно изображала кукла-дергунчик крупных размеров, до 25—30 см в длину. Для такой куклы заводилась по росту ее колыбель, сделанная в виде модели настоящей детской колыбели, и шились полагающиеся тюфячки, подушки и одеяльца, которыми бывает снабжена настоящая колыбель. В кукольных домах чаще можно было встретить более примитивные колыбели цыганской работы, а у маленьких девочек сплошь и рядом кукольный младенец укладывался в спичечную коробочку.

Девочки, как и в горных районах, устраивали в холодное время своих кукол в доме, рассаживая и раскладывая их в стенных нишах, заменяющих полки. В теплое время года, выбираясь играть на воздух, девочки в больших городах устраивали кукольные дома, используя для этого деревянные небольшие ящики без крышек, у которых, кроме того, вынимается одна из продольных стенок, а иногда устраивая своих кукол

Рис. 20. Куклы из Бухары.

1 — МАЭ колл. № 2567-22; 2 — МАЭ колл. № 2567-23.

в уголке террасы. Соорудив кукольный дом, они проводили около него целые дни, укладывали кукол спать в колыбели, шили им одежду (рис. 21).

В Пянджикенте, где все население города летом переселялось в сады, девочки лепили для своих кукол дома из глины, иногда двухэтажные и обязательно с открытой передней стенкой. Дома эти бывали полны мягкого кукольного скарба, по стенкам сложены одно на другое одеяла и подушки. На вбитых в стены колышках висела одежда. В одном углу вделывалась в стены дома палка, на которой также развешивалась

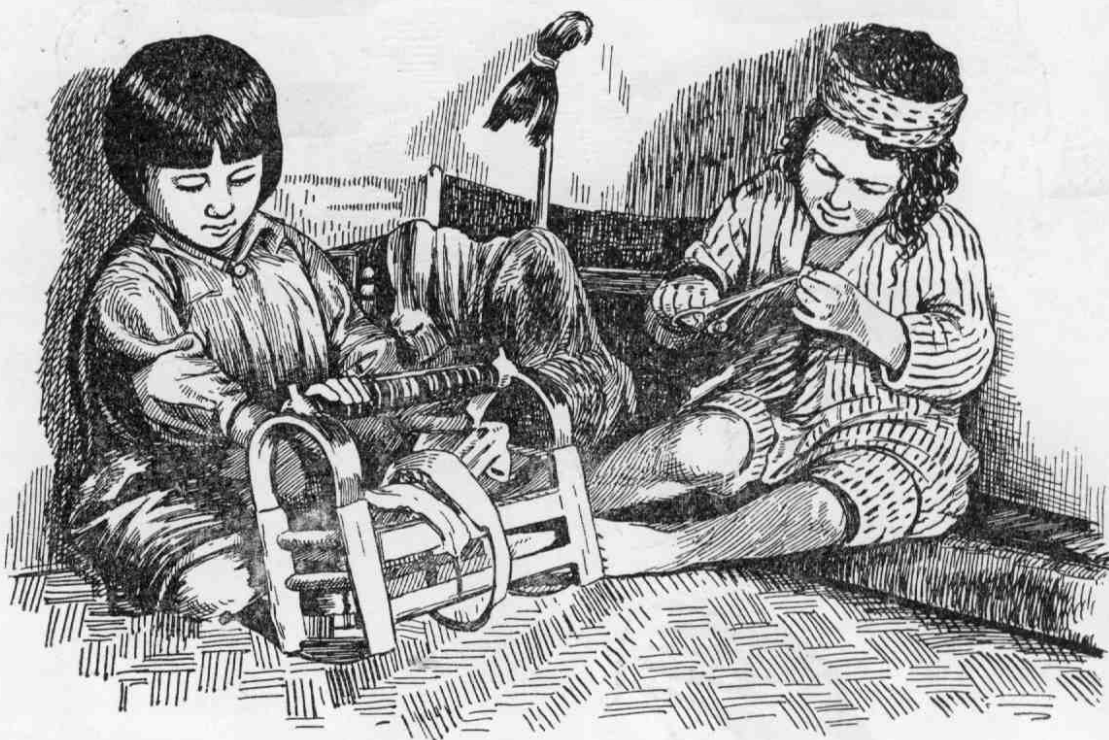

Рис. 21. Играющие в куклы девочки. Ташкент. (С фот. Областного дошкольного кабинета в Ташкенте).

одежда. В другом углу, занавешенном свадебной занавеской, часто сидела кукла-невеста с закрытым лицом. Специально сделанная игрушечная кукольная утварь в домах встречалась редко, чаще ее составляли импровизированные игрушки.¹ Жестяные крышки от банок с консервами изображали подносы. В 1940 г. я видела у одной девочки в Каратаге завернутые в скатерть две крышки желтой жести, с закраинами, которые изображали *ла'али* — «медный поднос». На одной из них лежала игрушечная вышивка и сшитая из новой белой материи кукольная мужская рубашка, а на другой был изюм. Девочка играла в *домодтальбон* — обряд приглашения жениха в дом тестя в первый раз после женитьбы, для чего и были приготовлены подарки

Прислушиваясь к разговорам девочек, играющих в куклы и говорящих за них, сразу можно было определить, к какой социальной среде девочки принадлежат.

¹ Около дома устраивают глинобитные возвышения — *суфача*, иногда делают их переносными. В коллекциях МАЭ имеется такая переносная *суфача* в виде небольшого прямоугольного блока из глины (МАЭ, колл. № 3337-66). Лепятся из глины печи для печения хлеба, которые тоже иногда не ставятся неподвижно на определенное место, а переносятся вместе с куклами с места на место (МАЭ, колл. № 3337-67).

В 1925 г. в Ташкенте, в одном из центральных кварталов города, наполненных в то время мелочными лавчонками, маленькие девочки, усевшись на крыше дома, около кухонной трубы, играли с крошечными самодельными куклами. Около рассаженных по стенке кукол стояло отбитое от стеклянной бутылки дно с налитой в него водой, изображавшее *тазора* — таз для стирки белья. В тот момент, когда я подседа к играющим девочкам, одна из кукол «сказала» другой, что нужно торопиться со стиркой белья, так как уже поздно и пора готовить еду. Девочки замочили тряпочки и развесили их на веревочке, протянутой по стенке трубы. Одна из кукол, «волнуясь, сказала», что сейчас придет ее муж, а она еще не начинала готовить. Другая «спросила»: «Куда ушел ваш муж» и «получила ответ»: «Он ушел к себе в лавку». Здесь же была послана маленькая куклолка-девочка в лавку за морковью для плова. Несколько травинок, завернутых в тряпочку-платок, изображали принесенную морковь. К этому же времени относились «кукольные разговоры» по поводу того, что одной из них *жинадил* (женотдел) помог развестись с мужем, который ее обижал, и она поступила в артель.

В 1932 г. также в Ташкенте в одном из богатых домов, сохранявших старинный уклад жизни, справлялась кукольная свадьба с соблюдением всего сложного и архаического по своим чертам ритуала ташкентской свадьбы, в то время как девочка одной из моих приятельниц, переставшей закрывать лицо, «водила» своих кукол в ЗАГС.

Девочки играют в куклы в продолжение всего года, в холодное время меньше, чем в теплое. Еще в 20-х годах матери запрещали им играть в куклы с наступлением сумерек, так как куклы в народном представлении имеют связь с духами. У О. А. Сухаревой имеется запись, сделанная ею в те годы в сел. Тутк, в окрестностях г. Ура-Тюбе, относительно существовавшего там запрета играть в куклы с наступлением темноты. Согласно этой записи, ночью и вечером будто бы нельзя играть в куклы, так как соберутся *ачина* (злые духи), подумают, что куклы из их породы, возьмут и унесут их.

Это отношение к куклам нашло отражение и в самой игре с ними. М. С. Андреев передал мне свою запись, сделанную в 1929 г. в Ташкенте со слов семидесятилетнего узбека, который рассказывал, что хорошо помнит, как в детстве он вместе со своими товарищами и приятельницами играл в игру, называвшуюся *чинлар оши* — «угощение джинов» (духов). Один приносил ложку масла, другая — гороху, третий — хлеба и т. д. Из собранных таким образом припасов приготавливалась пища для «джинов». Делались одна, две или несколько кукол, изображавших *ачина*, *чин*, иногда *дев*. Иногда делались еще для духов дети и получалась целая семья. Когда попевало кушанье (обычно похлебка), то перед куклами ставилась чашка и их угощали, уговаривая попробовать. Потом пища съедалась самими детьми.¹

¹ Угощение духов в образе кукол практиковалось и женщинами. Еще в 20-х годах нашего столетия в центре ташкентского базара существовали два мазара — Ақтуғлик ота и Куктуғлик ота — «Отец с белым тугом» и «Отец с синим тугом». Вторым являлся покровителем детей, болеющих коклюшем. Женщины, у которых заболели дети, делали кукол в синей одежде, относили их на мазар и ставили перед ними еду в глиняных чашках, обычно гороховую похлебку со свеклой. Обычай этот также был широко распространен среди таджиков и узбеков Ферганы и, повидимому, в Кашгаре. Ле Кок в своей работе приводит изображение примитивно устроенной куклы из Кашгара и в описании ее говорит: «Кукла, изображающая духа (джин), которая ставится на могилы и которой приносятся жертвы в виде пищи и питья» (A. von L e S o q. Volkskundliches aus Ost-Turkistan. Berlin, 1916, стр. 6). На одной из таблиц он дает фотографию с изображением трех кукол, стоящих у могилы, с находящимися перед ними чашками для пищи и ложкой.

Как и в горных районах, игры городских детей, в зависимости от сезона года, носят различный характер.

Среднеазиатские городские дома были очень плохо приспособлены для жилья в холодное время года. До революции только в редких домах бывали стекла в окнах, которые либо заклеивались бумагой, либо просто закрывались деревянными ставнями. Днем ставни держали открытыми, и температура жилого помещения сравнивалась с наружной температурой воздуха. Печей в домах не было, и можно было согреться, только сидя около невысокого столика — *сандали*, покрытого одеялом, под которым в углубление в полу насыпались горячие угли. Дети были одеты всегда очень легко. Костюм маленьких ребятишек, еще не ходивших в школу, состоял обычно из штанишек и рубашки из бумажной материи, короткого ватного халатика и галош на босу ногу. На голове всегда была надета тюбетейка, и только у очень немногих мальчиков бывали теплые шапки.

В морозные дни ребятишки надолго из дома не выходили. Пробежавшись по улице или по двору, малыши прибегали домой и залезали чуть ли не с головой под одеяло *сандали*. Хорошо, если дома бывала бабка, которая могла занять ребятишек, а то они проводили целые дни дома, томясь и капризная. Мальчики постарше зимой играли в снежки и строили из снега крепости.

Ранней весной, в начале марта, когда начинало пригревать солнце, ребятишки открывали сезон обходом дворов у себя в квартале, распевая песенки по поводу прилета аиста и появления первых весенних цветов, получая за это от взрослых хлеб и лакомства.¹

Когда грязь на улицах немного подсыхала, мальчики постарше доставали свои запасы бараньих астрагалов, которые они пополняли в течение зимы, ревниво следя за мясом, покупаемым для еды, чтобы не упустить драгоценного *ошук*. Спешно лились свинчатки, обтачивались кости и затем начиналась игра. Играли в кости все мальчики, начиная с шестилетнего возраста и кончая взрослыми юношами. Отдельные группы мальчиков собирались по возрастам.

В ясные весенние дни запускали змеев, главным образом с крыш домов. Дело не обходилось без несчастий. Увлеченные запуском змей мальчуганы нередко падали с крыш и ломали себе руки и ноги.²

У мальчиков были даже свои магические приемы для вызывания ветра, необходимого для запуска змеев. В Канибадаме (в Фергане) мальчуганы в качестве средства вызвать ветер брали ослиный навоз и подвешивали его на дерево, обвязав ниточкой или положив в мешочек. Ветер был нужен ребятишкам и для бросания далеко летящих стрелок из тростника. Мелочные лавочники в это время бойко торговали бумажными вертушками. При изготовлении бумажных вертушек сначала делалась квадратная, треугольная или шестиугольная рамка с перекладинами, идущими от углов, на длинной ручке. Все сооружение делалось из тонких щепочек, без всякого расчета на долговечность игрушки. Из плотной цветной бумаги свертывалось нечто вроде цветов, лепестки которых были загнуты к центру в одном направлении для того, чтобы они оказывали равномерное сопротивление ветру и благодаря этому приходили бы в движение. Цветы эти прикреплялись легкими гвоздиками на

¹ Е. М. Пещерева. Некоторые игры среди оседлого населения Туркестана, стр. 92—97.

² Старшие всегда говорят, что самое большое количество несчастных случаев с детьми приходилось именно на весну из-за игр на крышах.

раме, на углах и в местах скрещения перекладин. Когда ребенок, взяв в руки эту игрушку, быстро идет или бежит, то все цветы под напором воздуха приходят в движение и вертятся. У искусных мастеров эти вертушки бывали устроены так хорошо, что, будучи выставлены перед лавками, они под действием порыва весеннего ветра все принимались вертеться. Вид этого цветника из вертящихся пестрых цветов приводил в радостное настроение не одни ребячьи сердца.

Пристроившись где-нибудь на подсохшем местечке у стенки, мальчики и девочки играли в камешки. У девочек камешков всегда пять, и они играли только в подбрасывание и ловлю их, как и девочки у горных таджиков.

Игры мальчиков в камешки по условиям похожи на несложные игры в кости и имеют конечной целью переход их из рук проигравшего в руки выигравшего. В камешки чаще играли весной только потому, что к этому времени мальчикам бывало трудно раздобыться абрикосовыми косточками и орехами, запасы которых в домах к этому времени уже истощались.

В это же время главным образом девочки начинали играть в мяч. Мальчики играли с мячом реже. В старое время в городах делались точно такие же мячи, как у горных таджиков, только здесь их оплетали не шерстяными, а бумажными или шелковыми нитками. В небольших городках эти самодельные мячи существовали еще до 20-х годов нашего столетия, но затем даже в сельских местностях они заменились резиновыми.

В городах Ферганы девочки, играя в мяч, произносили вслух рифмованную приговорку и в такт с произношением слова, на которое падает ударение, ударяли рукой мяч об землю, стараясь не дать мячу покатиться по земле, пока вся приговорка не будет закончена. Приговорку эту знали и мальчики. Приводимая ниже приговорка была записана в 1925 г. у четырнадцатилетнего мальчика из Ленинабада (бывш. Ходжент).

«Яку дуо се у чор.
Ман дужтари Кали Нор.
Кали Нори, чокандоз,
Мусича ба тир андоз.
Мусичаи бегуноз,
Боли сандалӣ ба б(у) ро,
Ан нулакат мучӣи кунам,
Ат думакат қайчи кунам.
Парида бэқун, парида бэрау».

«Раз и два, и три, и четыре.
Я дочь Плешивого Нора.
Плешивый Нор, меткий стрелок,
Выстрели в горлинку.
Безгрешная горлянка,
Вспорхни на сандали,
Я поцелую тебя в клювик,
Я сделаю из твоего хвостика ножницы.
Лети, улетай».

По мере того, как весна все больше и больше вступает в свои права, распускаются деревья и прилетают птицы, дети отмечают все явления природы то песенкой, то игрой. Когда зацветает верба, девочки сдирают с тонких прутиков полоски кожи вместе с распустившимися сережками, заплетают их себе в косы и делают из них венки. В Фергане таджики называют их *заркокул* — «золотые косы». Маленькие девочки делают себе из очищенных от коры веточек *чигрик* — игрушку, изображающую приспособление для очистки хлопка того же названия, и, играя с ней, распевают в такт песни.

В районах с таджикским населением очень торжественно праздновался праздник весеннего равноденствия — *сари сол* — древний праздник, которым начинался земледельческий год, сохранившийся в Средней Азии от домусульманских времен.

В окрестностях больших городов были специальные места, куда все городское население выезжало и выходило на праздничное гулянье —

сайль. В некоторых районах на это место на время праздника переезжал почти весь городской базар. Торговцы и ремесленники торговали там своими товарами. Содержатели чайных расстилали имевшиеся у них лучшие ковры, на которых трудно было найти местечко, чтобы присесть, так как постоянно все было заполнено людьми. На *сайль* отправлялись все — и мужчины, и женщины, и дети. Женщины усаживались своими женскими компаниями в специально для них отгороженных помещениях в чайных и столовых, и при них же держались старшие девочки. Остальные ребяташки, разодетые в новую одежду, бродили по базару, раскупая нарасхват лакомства и игрушки. У всех ребят в руках были свистульки, дудки, жужжалки, и треск, свист, гудение, которые они производили, сливались в сплошную какофонию.

Главными из всех игрушек, из которых можно было извлекать звуки, на этом базаре являлись свистульки из обожженной глины, изготовлявшиеся в городах обычно стариками-мастерами, уже оставившими свою обычную работу и только время от времени делавшими игрушки.¹ Эти игрушки изготовлялись только к большим годовым праздникам: празднику весеннего равноденствия, затем к посту и празднику месяца рамазана с его оживленными ночными базарами и к «празднику жертвы» — курбану, причем к последнему в меньшем количестве. В городах с преобладавшим таджикским населением, вроде Ура-Тюбе, Бухары и др., они готовились только к весеннему равноденствию. Свистульки эти изображают собой обычно или фигуры животных и птиц, или только головки их. Часть таких фигурок и головок бывает выполнена реалистически или во всяком случае так, что в фигурке сразу можно узнать определенное животное. Чаще всего это бывает баран с завитыми рогами, который и носит соответствующее название *кучқор* (рис. 22, 1). Затем идут быки, собаки, лошади, но обычно трудно бывает сказать, кого именно игрушки изображают (рис. 22, 2—4). Чрезвычайно интересными среди этих игрушек являются фигурки, носящие название *аждаҳо* || *аждаҳор* — «дракон», представляющие собой изображения фантастических существ с огромной разинутой пастью, длинной шеей и хвостом, обычно загнутым к голове (рис. 22, 5). Иногда на драконе сидит всадник в высокой шапке, рот которого всегда широко открыт. Бывают и всадники, сидящие на лошадях (рис. 21, 6), а кроме того, фигурки с двумя или пятью головами, отдаленно напоминающие конские (рис. 22, 7). В меньшем количестве попадаются свистульки в виде кувшинчиков и горшочков (рис. 22, 8, 9).

Находившись до изнеможения по базару, насвиставшись в свистульки до того, что распухали губы, наевшись всевозможных сладостей, дети возвращались домой, неся с собой купленные на базаре игрушки. Но только лишь проходили дни праздника, дети уже к этим игрушкам не возвращались и они забрасывались и терялись.

Следует сказать, что глиняные свистульки в обычное время никогда в детских руках не встречались, тогда как в дни праздника дети с ними не расставались. Если даже принять во внимание то обстоятельство, что некоторые из этих игрушек, которые имеют легко обламывающиеся части: ноги, хвосты, рога, естественно, могли очень быстро придти в негодность, то другие, часто очень компактных форм, должны были бы продолжать существовать. Их необычайные, иногда устрашающие формы, а главное следы строгого приурочивания их к определенному моменту в году — началу земледельческого года, дают возможность предполагать,

¹ Только в Риштане они производились особыми специалистами-женщинами.

Рис. 22. Глиняные свистульки.

1 — баран из Ташкента (МАЭ, колл. № 3310-39); 2 — голова быка из Ташкента (МАЭ, колл. № 3310-78); 3, 4 — фантастические существа из Ташкента (МАЭ, колл. №№ 3310-40, 3310-37); 5 — дракон из Ура-Тюбе (МАЭ, колл. № 3540-75); 6 — всадник из Ура-Тюбе (МАЭ, колл. № 3199-17); 7 — фантастическое двухголовое существо из Самарканда (МАЭ, колл. № 3331-6); 8 — свистулька в виде кувшинчика из Ташкента (МАЭ, колл. № 3310-81); 9 — свистулька-горшочек из Ташкента (МАЭ, колл. № 3310-79).

что они первоначально носили не только характер игрушки, а изображали собой каких-то духов, возможно, духов вод.

В Средней Азии широко было распространено представление о том, что свистом можно вызвать ветер, и, возможно, свистульки эти первоначально могли служить для этой цели. А так как ветер приносит тучи, из которых проливается дождь, то, может быть, конечной целью, которой они служили, и являлось вызывание дождя.

С весенним временем было связано также катание на качелях. Качались на качелях главным образом девочки, но во время весеннего равноденствия раньше качались взрослые женщины и даже старухи, так как считалось, что качание на качелях «очищает человека от зла и делает его легким». Существовали особые песни, певшиеся при качании на качелях.

С наступлением лета маленькие ребятишки окончательно переселяются из дворов на улицу. Усевшись посредине улицы, они насыпают из пыли заборы, натыкают внутри них веточки, проводят канавки и, зачерпывая воду из оросительной канавы, проходящей по обочине улицы, игрушечным ведерком или первым попавшимся черепком, поливают свои сады так, чтобы вода проходила по проведенным в них канавкам.

Чем жарче становится погода, тем дети чаще играют с водой. Мальчики постарше устанавливают на оросительных канавах мельницы и толчеи. Девочки строят из глины кукольные дома, лепят печи и тут же играют в печение хлеба, делая лепешки из глины. Маленькие девочки и мальчики, подражая взрослым, играют в поливку улицы и, распалившись, поливают водой друг друга и проезжающих по улице людей. Подкараулив, предпочтительно, быстро едущего человека, ребятишки разом плещут на него водой, и пока он соображает, в чем дело, вся детская ватага скрывается в ворота или в боковую улицу.

В начале лета в Ташкенте маленькие мальчики семи-восьми лет играли в игру, представлявшую почти полное подобие игры в вызывание дождя, в которую играли мальчики в долине Зарафшана. В Ташкенте эта игра называлась *атола пиш* — «кисель сварись». Ребятишки здесь играли в эту игру очень тихо. Сидя на улице в одиночку или по двое, по трое, насыпают маленькую кучку пыли, обрызгивают водой, обмазывают глиной, так же как в Матче. Из-под корки с трех сторон кучки вынимают землю, затем протыкают палочкой сверху и со словами: *хма пиш, атола пиш. Хаманики пишмаса, маники пиш* — «все поспеет, атоля сварись. Если у всех не сварится, моя сварись», — хлопают по кучке сверху ладонью и разрушают ее. У самих мальчуганов не было никаких объяснений смысла этой игры, который уже, повидимому, в Ташкенте давно был совершенно забыт.

Также утерян смысл другой сезонной игры, в которую играли девочки в начале лета и затем под осень. Собиралась компания девочек лет девяти-десяти. Они сгребали на улице в кучу пыль и делали из нее изображение лежащего человека. Иногда просто рисовали его палочкой на пыли или на крыше дома. Затем они шли вокруг этого изображения, делая *садр*,¹ танцуя, как это делают женщины при оплакивании покойника, ходя вокруг него. При этом в Бешагачской части города они пели:

«Тутка чиқип тут еган, вай Оғолоқ!¹   «Влезши на шелковичное дерево,
евшая шелковицу, увы, Оғолоқ!
*Ики кузни курт еган, вай Оғолоқ!*¹.   Оба глаза ее съели черви, увы, Оғолоқ!».

¹ *Садр* — хождение в особом круговом танце при оплакивании покойника женщинами, а во время суфийских радений — *чахр* — и мужчинами, и женщинами.

Игра здесь носит название *Оголоқ*, причем женщины объясняли мне, что название ее произошло от имени одной старухи, которую звали Оголоқ. Она влезла на дерево, а ее укусила в глаз оса, отчего она упала и убилась, а оплакивание ее перешло в детскую игру.

В квартале Кара Сарай Кукчинской части старого Ташкента в августе девочки делали из пыли подобие человеческой фигуры с раскинутыми руками, намечая глаза и рот пальцами и плевками, и также совершали вокруг этой фигуры *садр*, произнося нараспев:

«Тутка чиқип тут еган, хи Куршончон!»	«Влезши на туговое дерево, ел(а) тут, Хи, Курбанджан!»
Ики кузни курт еган, хи, Куршончон!»	Оба глаза ее (его) съели черви, Хи Курбанджан».

Третий вариант этой игры записан был мной в 1930 г. от пожилой женщины, также в Кукчинской части. Она рассказывала, что когда она была маленькой, то дети играли в игру, называвшуюся *Аше балам*. Также устраивали фигуру лежащего человека и, совершая вокруг него хождение, говорили:

«Аше балам, ашмаше балам, Тутка чиқип тут еган, Ики кузни курт еган».	«Аше, дитя мое, ашмаше, дитя мое, Влезши на туговое дерево, ел(а) тут, Оба глаза его(ее) съели черви».
---	--

И, наконец, четвертый ее вариант сообщил мне один узбек, интересовавшийся старыми обычаями. По его словам, в игру *Оголоқ* в Ташкенте дети играли зимой и летом. Зимой лепилось чучело из снега, ходя вокруг которого дети пели:

«Оголоким оқтунлик, Хотунлари куктунлик, Боалари зарранга, Боши дан чачар танга».	«Оголоқ мой в белой одежде, Жена его в синей одежде, Дети их всех цветов (разные), С головы его сыпятся деньги».
--	---

При этом он объяснил мне, что жена Оголока, на которой синяя одежда, представляет собой мороз в ясную зимнюю ночь, называемый *аёз*. Детьми их называют ветер, бурю и т. д.

Под осень игра снова возобновлялась и дети делали изображение Оголока из пыли, в лежачем виде и, ходя вокруг него, пели:

«Катта, боғны кишимши Емай ульган, вай, Оголоқ! Катта, боғны шинниси Қыямай ульган, вай, Оголоқ».	«Умер не поев винограда из Большого виноградника, увы, Оголоқ! Умер, не сделав <i>Шириннй</i> ¹ из винограда большого сада, увы, Оголоқ».
--	---

С половины лета, когда начинает поспевать виноград, который сильно истребляют воробьи, скворцы и другие птицы, в пригородных садах, куда на лето выезжали из города, в охране виноградников от птиц принимали участие и дети. Старшие дети стреляли по птицам из пращей, пугали их криком и трещотками, а малыши пристраивались к ним и не выпускали из рук своих игрушечных трещоток (рис. 18, 3, 4).

Живя летом в садах, в пригородных колхозах, дети играли в посеvy. Они заводили *кетман* — игрушечные широкие мотыги, применяемые при обработке полей в равнинных частях Средней Азии, при помощи которых они вскапывают свои огороды и поля. В 1934 г. в Исфаре в одном из пригородных хлопковых колхозов в уголке между оросительной канавой

¹ *Шириннй* || *шиннй* — густо уваренный виноградный сок.

и дорогой было устроено детское поле размером около 2×2 м. Оно было аккуратно разделано, и на нем рос хлопок, за которым, судя по его состоянию, его маленький владелец хорошо ухаживал.

Маленькие ребяташки для своих игр тоже заимствуют новые темы из жизни. Тогда же в Исфаре девочки и мальчики играли в сдачу хлеба государству. Мальчики возили в банках из-под консервов землю, изображавшую пшеницу, а девочка, которая насыпала землю в эти банки, говорила, что они *гандум ба хлелкон мекашонан, хукумат ба метиян* («возят пшеницу в хлелкон — сдают государству»; *хлелкон* — источник хлеба», от русск. «хлеб» и тадж. *кон* — «источник», «рудник», как осмыслили местные таджики сокращенное название хлопкового комитета — Хлопком).

Приближение осени не вносило никаких особых перемен в игры девочек, зато у мальчиков появлялась новая забота — приготовить *сақа* — каменные битки для игр в орехи. В течение нескольких дней они занимались отбиванием своих каменных битков при помощи другого камня для придания им правильной шарообразной формы, после чего начинали играть в орехи. В орехи играли в течение месяца, а в конце сентября или начале октября переходили снова к игре в кости, которой и заканчивался осенний сезон.